

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТНИК
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

Н. А. Низовских,
доктор психологических наук, профессор кафедры практической психологии, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

В. Г. Маралов, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Череповецкий государственный университет (г. Череповец);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Е. Е. Сапогова, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (г. Москва);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Состав редакционной коллегии:

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Л. А. Мосунова, доктор психологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горлова Е. А., Журавлёва О. В.

Формирование эвристического мышления студентов технического вуза на занятиях по русскому языку и культуре речи как основа коммуникативной компетентности..... 6

Маркова И. В.

Средства формирования межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции в неязыковом вузе 9

Помелов В. Б.

Скаутское движение: история и современность 12

Хохлов А. А.

Роль особо охраняемых природных территорий в развитии познавательного интереса у учащихся..... 18

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бобкова Т. С.

Психолого-педагогическое сопровождение полового воспитания депривированных детей в различных социально-педагогических ситуациях развития 22

Матвеева Е. В.

Качество материнской позиции у современных российских женщин..... 26

Цветкова Н. В.

Прогностическая способность подростков с девиантным поведением..... 32

Перминова И. В., Сараева Е. В.

Особенности локуса контроля, жизнестойкости и копинг-стратегий лиц с ограниченными возможностями здоровья..... 37

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Елсукова А. В.

К вопросу о проблемах правоприменения законодательства о защите прав потребителей в сфере оказания туристских услуг..... 43

Мухлынина М. М.

Актуальные вопросы правового регулирования накопительного и рискованного страхования жизни 46

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КНИГИ

<i>Сапогова Е. Е.</i> «Забота о себе»: автопостроение жизни как смысловой системы.....	49
<i>Сведения об авторах</i>	67

CONTENTS

- Gorlova E. A., Zhuravleva O. V.* Heuristic thinking of technical college students in Russian and Elocution course as the basis of their communicative competence
- Markova I. V.* Means to Form Intercultural Communicative Profession-based Competence at Non-Linguistic University
- Pomelov V. B.* Scouting: the history and the present
- Khokhlov A. A.* The role of protected areas in the development of informative interest of students
- Bobkova T. S.* Psycho-pedagogical support of sex education for disadvantaged children in different socio-pedagogical development situations
- Matveeva E. V.* Quality of maternal position in modern Russian women
- Tsvetkova N. V.* The predictive ability of adolescents with deviant behavior
- Perminova I. V., Saraeva E. V.* The peculiarities of locus of control, hardiness and coping strategies disabled persons
- Elsukova A. V.* To the question about problems of enforcement of the legislation on protection of the rights of consumers in sphere of tourist services
- Mukhlynina M. M.* Topical issues of legal regulation of cumulative and non-life insurance life
- Sapogova E. E.* "Care about myself": Autobuilding life as a semantic system

Формирование эвристического мышления студентов технического вуза на занятиях по русскому языку и культуре речи как основа коммуникативной компетентности

В статье рассматриваются основы формирования эвристического мышления будущих специалистов негуманитарных специальностей. Описывается специфика учебно-познавательной деятельности студентов, ориентированной на построение лично ориентированной программы образования и самообразования. Отражается роль русского языка и культуры речи как учебной дисциплины в формировании коммуникативной компетентности; перечисляются умения, напрямую относящиеся к коммуникативной компетентности будущего специалиста. Коммуникативная компетентность рассматривается как профессионально значимое качество и как единство трёх компонентов: лингвистического, социолингвистического и прагматического. Перечисляются характеристики языковой личности, отражающие готовность будущего специалиста к успешному речевому взаимодействию. Приводятся примеры активных методов обучения, соответствующих эвристическому подходу к организации образовательного процесса. Показывается важность эвристических приёмов обучения для реализации требований принципа индивидуального подхода, организации лично ориентированного образования.

The article deals with heuristic thinking formation of technical specialists. The authors describe students' educational and cognitive activity aimed at a learner-centered educational program and self-education. The article addresses the role of Russian and Culture of Speech course in the communicative competence formation. It also enumerates skills related to communicative competence of the future specialist. Communicative competence is described as a professional feature and the unity of three components: linguistic, sociolinguistic and pragmatic. Characteristics of a linguistic identity reflecting the future specialist's readiness for successful speech communication are given. Examples of active education methods in compliance with discovery approach in education are given. The importance of heuristic methods for personal approach requirements and learner-centered education are shown in the article.

Ключевые слова: эвристическое мышление, поисковая деятельность, компетентностное образование, коммуникативная компетентность, русский язык и культура речи.

Keywords: heuristic thinking, search activity, competence-based education, communicative competence, Russian and Culture of Speech

Обучение в современном вузе имеет два основных направления: во-первых, необходимо сообщить студентам фундаментальные знания, во-вторых, нужно научить их самостоятельному эффективному решению профессиональных задач. Оба эти направления важны, но, к сожалению, второму уделяется меньшее внимание.

В связи с этим необходим поиск методов и средств обучения, ориентированных на формирование эвристического мышления будущих специалистов. Эвристическая деятельность предполагает активное отношение со стороны человека к внешнему миру, которое основывается не только на логических умозаключениях. Таким образом, формирование эвристического мышления учащихся в вузе предполагает развитие способности решать различные задачи не только при помощи логики и фундаментальных знаний, но и с опорой на различные неформальные свойства мышления, которые связаны с характером поиска и переработки информации, алгоритмизацией процесса принятия решения, спецификой исследовательской деятельности [1].

Основной задачей педагога становится стимулирование поисковой деятельности студентов, регулирование её направления и системности. Преподаватель помогает обучающимся раскрывать свои потенциальные возможности поиска информации, формировать план решения познавательных задач. Иначе говоря, при данном подходе к организации процесса обучения научные законы и правила открываются обучающимися под руководством педагога [2]. Это позволяет значительно увеличить познавательную мотивацию студентов, что, в свою очередь, предоставит им большие возможности построения лично ориентированной программы образования и самообразования.

Эвристическая учебно-познавательная деятельность способствует овладению не только программным материалом, но и содержанием профессионально значимой информации из других источников, что позволяет формировать профессиональный кругозор будущего специалиста.

Компетентность как результат обучения не вытекает из него, а является следствием саморазвития обучаемого, обобщения личного и профессионального опыта. Развивать компетентности, реализуя стандарты высшего образования, без использования эвристического обучения вряд ли возможно.

Коммуникативная компетентность входит в широкий круг профессионально значимых качеств специалиста любого профиля: современное общество не представляется без коммуникации, поэтому развитие коммуникативной компетентности будущих специалистов крайне важно.

Коммуникативная компетентность означает готовность ставить и достигать цели устного и письменного общения, умение устанавливать деловые контакты, взаимодействовать с окружающими, адекватно вести себя в различных социальных ситуациях. Кроме того, коммуникативная компетентность подразумевает владение современными информационными технологиями, заинтересованное, но и критическое отношение к информации в целом. Иначе говоря, процесс формирования коммуникативной компетентности – это процесс овладения студентом профессиональной технологией взаимодействия. Данный процесс особенно важен для специалиста гуманитарных направлений, поскольку средний начальный уровень речевой подготовки студентов технических вузов ниже, чем у студентов-гуманитариев, а на рынке труда требования к будущим специалистам будут предъявляться одинаковые.

Коммуникативная компетентность рассматривается как единство трёх компонентов: лингвистического, социолингвистического и прагматического. Каждый из данных компонентов реализует свои базовые умения и навыки. Лингвистическая компетенция включает знание фонетики, лексики и грамматики языка и соответствующие умения и навыки анализа языкового материала; именно её формированием в первую очередь занимается средняя школа. Социолингвистическая компетенция позволяет делать выбор с помощью языковых форм, применять и видоизменять их в зависимости от контекста, ситуации общения. Прагматическая компетенция рассматривает языковые средства в определённых функциональных целях [3]. Развивать два последних компонента коммуникативной компетентности будущего специалиста призвана высшая школа.

Основными чертами сложившейся языковой личности будут являться соблюдение норм современного русского литературного языка; внимание к качеству речи; однозначная позиция в отношении к родному русскому языку; работа над совершенствованием собственных навыков общения; осознание значимости языка.

Русский язык и культура речи как учебная дисциплина формирует умения, напрямую относящиеся к коммуникативной компетентности будущего специалиста: умение грамотно читать производственно-техническую литературу; умение планировать, организовывать и контролировать речевую деятельность (как в устном, так и в письменном виде); умение работать с источниками информации и т. д. Важнейшим звеном учебно-познавательной деятельности студентов является работа с текстами различных стилей и жанров, что стимулирует развитие умения самостоятельно критически оценивать информацию и её значимость, интерпретировать информацию в соответствии с поставленными целями, извлекать идеи, а также умение формировать собственное мнение.

Для успешного речевого взаимодействия в процессе обучения – и в первую очередь при изучении русского языка и культуры речи как учебной дисциплины – студенты должны сформировать следующие характеристики:

- владение языковыми и внеязыковыми средствами коммуникации, т. е. речевыми навыками;
- умение осуществлять все виды речевой деятельности;
- владение моделями коллективного взаимодействия, умение работать в команде, т. е. владение навыками социокультурного общения;
- владение формами мышления, способами формулирования мысли, постановки проблемных задач;
- владение информацией в профессиональной и социокультурной сферах;

- владение профессиональным лексиконом-тезаурусом;
- готовность к реализации собственных идей в профессионально ориентированных ситуациях речевого общения;
- владение умениями, способами, приёмами и средствами реализовывать свой творческий потенциал [4].

Указанные характеристики могут быть успешно сформированы только при эвристическом подходе к организации образовательного процесса, использовании активных методов обучения: ролевых и деловых игр, проектирования, кейс-технологий, составления кластеров, моделирования коммуникативных ситуаций.

Так, например, наиболее эффективными для создания готовности к эффективному межличностному общению представителей негуманитарного профиля представляется использование ролевых, имитационных и деловых игр, которые позволяют студентам осуществлять речевую деятельность, подобную реальной. С помощью игры можно создать мотивационный фундамент для общения посредством создания целей, потребностей, намерения общаться [5]. Следовательно, игра для обучающихся станет мотивом, так как способствует подготовке к их будущей профессии. Затем можно говорить и о престиже, потому что студент в игровой роли ощущает себя специалистом и старается продемонстрировать свои лучшие качества. Кроме того, игра приближена к действительности.

Игры, нацеленные на психотехнику, способствуют развитию навыков коллективного творчества; развивают воображение, внимание, эмоциональную и образную память; помогают снимать психологические барьеры, психическую и физическую напряжённость.

Цель речедейательностных упражнений – формирование умений и навыков употребления основного языкового материала в речи, овладение тактическими функциями говорения и коммуникативного взаимодействия (такими, как просьба, согласие, отказ, удивление, совет, предупреждение и др.), средствами речевого этикета и композиционной структуры диалога. В целом игровая деятельность в процессе формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов стимулирует познавательную потребность обучающихся, помогает прививать нравственно-эстетические поведенческие нормы, например такие, как культуру общения и взаимоотношений между различными людьми.

Эвристическими по своей направленности могут быть и задания, связанные с поисковой деятельностью, задания по классификации теоретического материала: знакомясь с темой «Язык и речь», например, студенты получают задание выявить, что объединяет и что различает понятия «язык» и «речь». Данную работу можно дифференцировать: часть студентов анализирует мнения различных деятелей науки и выделяет нужные характеристики тех или иных понятий; другая часть студентов сводит полученную информацию в таблицы. После этого обучающиеся, как правило, начинают сопоставлять таблицы, при этом делают анализ корректности признаков, которые легли в их основу. В ходе усвоения теоретического материала студенты формулируют и доказывают свое мнение относительно научного факта, не предложенного им в готовом виде. Все это способствует развитию интеллектуальных возможностей обучающихся анализировать материал и на основе этого составлять собственное научное высказывание. Данный вид деятельности активизирует интерес обучающихся к определенной теме, потому как студенты в большей степени воспринимают данные упражнения как творческие [6].

Содержание дисциплины «Русский язык и культура речи» и использование эвристических приёмов обучения позволяют максимально полно учитывать и индивидуальные особенности студентов, т. е. реализовывать принцип индивидуального подхода, поскольку успешность и скорость усвоения материала, прочность и осмысленность знаний будущего специалиста зависят не от одной только деятельности педагога, но и от индивидуальных познавательных возможностей и способностей.

Таким образом, общие интеллектуальные способности, учебные умения, обучаемость, познавательные интересы, самостоятельность в познавательной деятельности – все это следует учитывать при индивидуализации работы преподавателя со студентом.

Проведённое нами исследование показывает, что реализация задач компетентностного образования более эффективно происходит при целенаправленном развитии эвристического мышления студентов.

Примечания

1. Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в структуре решений. М.: Педагогика, 1970.
2. Соколов В. Н. Проблемно-эвристическая организация интеллектуальной деятельности и общем и профессиональном образовании: монография. Краснодар: Кубан. кн. изд-во, 2006.

3. Серова Т. С. Концепция языковой, речевой и коммуникативной подготовки специалиста в процессе инженерного образования // Компетентностный подход в современном образовании. М.; Пермь: ПГТУ, 2004.

4. Николаева И. В., Шутова С. Г. Коммуникативная компетенция при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: материалы V Самарской Всерос. науч.-практ. конф. учёных и педагогов-практиков. Т. 2. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2008. С. 229–232.

5. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1981.

6. Горлова Е. А. Особенности дифференцированного обучения студентов нефилологических вузов русскому языку // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 3(3). Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. С. 620–623.

УДК 811.111

И. В. Маркова

Средства формирования межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции в неязыковом вузе

В статье раскрывается понятие межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции как цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе и обосновывается необходимость дополнительных к учебнику средств для ее формирования. При описании средств определяются параметры учебника как микромоделей системы обучения в условиях образовательной среды неязыкового вуза. Особое внимание уделяется текстам как специфическим средствам обучения иностранному языку, выявляются требования к их структуре и содержанию.

The article describes the notion of intercultural communicative profession-based competence as the aim of teaching at a non-linguistic University and proves the necessity of additional-to-the-textbook means to form this competence. It shows the peculiarities of the textbook as a micro model of the teaching system, taking into consideration the conditions of educational environment at a non-linguistic University. A special attention is given to texts, their structure and contents, as special means of foreign language teaching.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная профессионально ориентированная компетенция, средства обучения, текст, неязыковой вуз.

Keywords: intercultural communicative profession-based competence, means of teaching, text, non-linguistic University.

Современная концепция модернизации высшей школы связана с внедрением компетентностного подхода и требует качественно новых параметров образовательного процесса, результаты которого оцениваются по совокупности приобретенных выпускником компетенций. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и Примерной программой по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров целью иноязычного образования в неязыковом вузе является формирование межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции [1]. Владение такой компетенцией предполагает готовность и способность будущих выпускников к межкультурному взаимодействию в научно-профессиональной сфере на иностранном языке.

Для организации учебного процесса в соответствии с данной целью необходимо наличие специальных средств. В педагогике под средствами обучения понимаются материальные (учебники, тесты, модели, средства наглядности, ТСО) и идеальные (устная речь, письмо (письменная речь), достижения культуры) объекты [2]. В методике обучения иностранному языку данное понятие предполагает не только учебники и учебные пособия, но языковой и речевой материал, наполняющий данные пособия, упражнения по работе с ним и пр.

Дидактическое обеспечение образовательного процесса в неязыковом вузе представлено двумя подсистемами: «подсистема средств, которая организует деятельность студента и матери-

ализуется в процессе учения в первую очередь с помощью учебника иностранного языка, а также ряда других учебных пособий» и «подсистемой средств, с помощью которой преподаватель управляет обучением» [3]. Первая подсистема, по М. В. Ляховицкому, включает аудио- и видеозаписи, раздаточный дидактический материал, упражнения, книги для чтения, словари, справочники. Речь здесь идет о «вспомогательных» по отношению к учебнику средствах обучения. Что касается преподавателя, то в дополнение к набору средств, имеющихся у студента, он получает методические указания к учебнику и программу по иностранному языку, которые составляют основу подсистемы средств для преподавателя, пособие по неаудиторной работе, таблицы и пр.

Исходя из идеи И. А. Лернера о том, что обучение представляет собой процесс активного целенаправленного взаимодействия между обучающим (преподавателем) и обучающимися (студентами) [4], мы будем говорить о таких учебно-методических средствах, которые предназначены для всех субъектов образовательного процесса. В связи с этим мы объединим названные подсистемы, адаптируя их к современным условиям обучения в неязыковом вузе, и выделим средства, принципиальные для формирования межкультурной коммуникативной профессионально ориентированной компетенции (далее – МКПК).

Среди всех средств обучения иностранному языку учебник «составляет центральное звено», являясь «микромоделью системы обучения» и отражая цели, содержание, процесс, принципы, методы и приемы, организационные формы, а также другие средства обучения [5]. Учебник как микромодель системы обучения иностранному языку в неязыковом вузе мы представим следующим образом (см. рисунок):

У	ЦЕЛЬ		
Ч	Формирование МКПК		
Е	СОДЕРЖАНИЕ		
Б	Языковой и речевой материал тем по программе		
Н	ПРОЦЕСС		
И	Принципы	Методы	Средства
К	<i>Результат: сформированность МКПК</i>		

Учебник как микромодель системы обучения иностранному языку в неязыковом вузе

Из рисунка следует, что цель, на которую ориентирован учебник, определяет результат обучения иностранному языку в неязыковом вузе – владение выпускником МКПК. Содержание обучения зависит от коммуникативных сфер и тем, предлагаемых программой. В процессе иноязычного образования необходимо исходить из заявленной цели обучения и руководствоваться принципами межкультурной, коммуникативной, профессиональной направленности. В основу обучения должен быть положен коммуникативный метод, позволяющий сформировать способность и готовность к общению на иностранном языке. Однако учебник будет являться эффективным инструментом для формирования МКПК только в том случае, если в нем содержатся необходимые средства обучения, прежде всего специальные тексты, упражнения для работы с текстами и пр.

В связи с этим интересно представить результаты нашего анкетирования преподавателей иностранного языка. На вопрос о том, какой учебник является оптимальным для формирования МКПК в неязыковом вузе, 60% респондентов отдали предпочтение зарубежным изданиям ввиду их аутентичности и содержания большого количества коммуникативных упражнений, признавая при этом отсутствие профессиональной направленности таких учебных материалов. Кроме того, анализ современных отечественных учебников иностранного языка как предметного компонента образовательной среды неязыкового вуза [6] показал, что они также создают лишь частичные условия для формирования МКПК. Исходя из этого, мы пришли к выводу о необходимости привлекать дополнительные средства обучения, учитывающие основные параметры учебника иностранного языка, представленные на рисунке.

Опираясь на описанные выше подсистемы средств, предложенные М. В. Ляховицким, более подробно остановимся на таких дополнительных к учебнику материалах, необходимых для формирования МКПК, как книга для чтения и сборник упражнений по работе с ней. Прежде всего обратимся к содержанию книги для чтения, которая наряду с учебником может функционировать самостоятельно и создавать необходимые условия для формирования всей совокупности компетенций в составе МКПК. Книга для чтения представлена текстами, к которым предъявляются требования, исходя из цели обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Так, тексты должны быть ориентированы на будущую профессию обучающегося и отвечать принципам межкультурной и/или коммуникативной направленности. Данные требования

отражаются в содержании текста (текст выступает как источник профессиональной и культурной информации) и, соответственно, в специальной лексике, передающей данное содержание. С точки зрения принципа коммуникативности текст создает речевую ситуацию и служит образцом для будущего устного или письменного высказывания по поставленной в тексте проблеме профессионального характера.

В качестве коммуникативных образцов традиционно используются разговорные тексты, характеристики которого, по Е. И. Пассову, обеспечивают 1) мотивационную готовность:

- ориентированность на личность,
- модальность (наличие точки зрения говорящего),
- обращенность,
- эмоциональная окрашенность,
- выразительность,
- направленность на решение какой-нибудь коммуникативной задачи;

2) смысловую структуру и адекватность понимания разговорного текста – связность, цельность, логичность, информативность;

3) способствуют непосредственному совершенствованию речевых навыков на основе разговорного текста – небольшой объем, включение речевого материала в сеть многообразных связей, повторяемость материала [7].

В контексте формирования межкультурного компонента МКПК особую роль приобретает аутентичный характер текстов и их разные типы. Аутентичным традиционно принято считать текст, созданный для носителей языка носителями этого языка. К таким текстам, изначально не предназначенным для образовательной среды неязыкового вуза в качестве средства обучения, можно отнести объявления, личные и деловые письма, блоги и пр.

Эффективным средством для формирования МКПК может стать иноязычный блог, который при адаптации, соответствующей уровню обученности студентов, имеет большинство из указанных выше характеристик разговорного текста, с одной стороны, и представляется актуальным для современного молодого человека, с другой стороны, в том числе с позиций профессиональной межкультурной коммуникации. Работа с блогом может быть ориентирована как на устную, так и на письменную речевую деятельность обучающихся, в частности написание отзывов, комментариев. Блог сочетает свойства различных форм коммуникации, «так как одновременно является персональным гипертекстовым документом, созданным на основе заданной сайт-структуры, и интерактивным инструментом речевого взаимодействия в форме полилога» [8]. Таким образом, книга для чтения должна быть представлена актуальными для студентов текстами, аутентичными, информативными, имеющими межкультурную, коммуникативную, профессиональную направленность.

Профессиональную ориентацию книги для чтения может усилить наличие словаря, относящегося к подязыку специальности. В такой словарь наряду с формулировкой профессионального термина входят следующие разделы: значение термина на русском языке, толкование термина на английском языке, синонимы/антонимы, примеры контекстуального употребления термина. Представляется, что материалы словаря и эффективная организация работы с ним позволят более успешно формировать и совершенствовать орфографические навыки в области профессиональной иноязычной лексики, а также стратегические умения, в частности умение прибегать к синонимическим заменам, пользоваться перифразой, обращаться к справочникам.

Так, оптимизации работы со словарем может способствовать наличие памяток, обеспечивающих пошаговое взаимодействие обучающегося с учебными материалами. Для того, чтобы обучающийся мог использовать иностранный язык в качестве средства удовлетворения его профессиональных или личных интересов, его надо научить рациональным приемам самостоятельной работы над языком. Рационализации самостоятельной работы студентов будет способствовать памятка как «вспомогательное средство организации учебного процесса», «вербальная модель приема учебной деятельности, т. е. словесное описание того, зачем, почему и как выполнять и проверять какое-либо учебное задание (упражнение)» [9].

В условиях неязыкового вуза памятки целесообразно применять и при выполнении упражнений, связанных с использованием современных образовательных технологий, прежде всего профессионально ориентированных, таких как ролевая игра, анализ профессиональных ситуаций, технология проектов. Например, работа над кейсом как учебным материалом, предназначенным «для реализации профессионально ориентированной направленности при формировании механизма иноязычной коммуникации» [10], способствует приобретению студентами способности к общению на иностранном языке при решении профессиональных вопросов.

Книга для чтения, как было сказано выше, должна сопровождаться комплексами упражнений, которые обеспечивают формирование МКПК. По мнению Е. И. Пассова, именно упражнения

являются подлинными средствами обучения иностранному языку. «Только выполнение упражнений приводит к цели, а их отсутствие есть отсутствие всякого целенаправленного обучения» [11]. В частности, при работе с материалом профессионально ориентированного разговорного текста используются упражнения на выделение основной мысли текста, его смысловых связей, логики построения текста и пр. По замечанию Е. И. Пассова, данные упражнения подводят обучающихся к осознанию текста как образца высказывания [12].

Таким образом, при отсутствии в учебнике достаточных условий для формирования МКПК представляется целесообразным использовать такие дополнительные средства, как книга для чтения, специальные упражнения к ней и словарь, а также справочник с памятками по оптимальному выполнению упражнений, в том числе работе с языковым материалом из профессионально ориентированного словаря. Использование данных средств в комплексе должно обеспечить эффективное формирование МКПК в неязыковом вузе.

Примечания

1. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы) / сост. Г. В. Перфилова. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 8.
2. Пидкасистый П. И., Фридман Л. М., Гарунов М. Г. Психолого-дидактический справочник преподавателя высшей школы. М.: Пед. общество России, 1999. С. 354.
3. Ляховицкий М. В. Методика преподавания иностранных языков: учеб. пособие для филол. фак. вузов. М.: Высш. шк., 1981. С. 64.
4. Лернер И. А. Процесс обучения и его закономерности. М.: Знание, 1980. С. 11.
5. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М.: Рус. яз., 1977. С. 244–245.
6. Маркова И. В. Учебник иностранного языка как компонент образовательной среды неязыкового вуза // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 31. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 56–57.
7. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса-Пресс, 2010. С. 433.
8. Булдакова Ю. В. Блог: от текста к книге // Полиграфист. 2013. № 1(59). С. 33.
9. Упражнения как средства обучения. Ч. II: учебное пособие / под ред. Е. И. Пассова, Е. С. Кузнецовой. Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. С. 35–36 (Сер. «Методика обучения иностранным языкам», № 6).
10. Дубинина Г. А. Технология применения кейс-анализа в процессе обучения иностранному языку // Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. М.: ИПК МГЛУ Рема, 2010. С. 81. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 12).
11. Упражнения как средства обучения. С. 2
12. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Урок иностранного языка. С. 436.

УДК 371.4

В. Б. Помелов

Скаутское движение: история и современность

В статье показаны история и сегодняшнее состояние скаутинга как важной составной части современного молодежного движения. Вскрыты особенности развития скаутинга в Великобритании и России. Главное внимание в статье уделяется показу биографий таких видных деятелей скаутского движения, как Р. С. С. Баден-Пауэлл, О. И. Пантюхов, В. Г. Янчевецкий, В. А. Попов, Н. А. Адуев, и характеристике их педагогической деятельности. В статье также дается описание наиболее важных черт современного скаутинга, приводятся тексты популярных скаутских песен: «Картошка», «Гимн скаутов».

In the article the history and the present of the scouting as an important part of the contemporary youth movement is shown. The article reveals the peculiarities of the growth of the scouting in Great Britain, Russia and all over the world. The main attention in it is given to the characterizing the biographical data and pedagogical activities of the main figures in the history of the scouting, such as Robert Stephenson Smyth Baden-Powell, O. I. Pantyukhov, V. G. Yanchevezky, V. A. Popov, N. A. Aduiev etc. The most important features of the up today scouting are described in the article. The texts of the popular scout songs (“Potatoes”, “The Anthem of Scouts”) are given here.

Ключевые слова: скаутинг, Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэлл, О. И. Пантюхов, В. Г. Янчевецкий, В. А. Попов, Н. А. Адуев, А. Г. Захарченко, Э. П. Цытович, А. К. Анохин, И. Ф. Бострем, И. Н. Жуков, А. А. Жаров, «Картошка», «Гимн скаутов», «Скаутинг для мальчиков», джембори.

Keywords: the scouting, Robert Stephenson Smyth Baden-Powel, O. I. Pantyukhov, V. G. Yanchevezky, V. A. Popov, N. A. Aduev, A. G. Zakharchenko, E. P. Tsytovich, A. K. Anokhin, I. F. Bostrem, I. N. Zhukov, A. A. Zharov, "Potatoes", "The Anthem of Scouts", "Scouting for boys", jamboree.

Скаутское движение (англ. – scouting) представляет собой всемирное юношеское движение, занимающееся физическим, духовным и умственным развитием молодых людей таким образом, чтобы молодёжь могла занять конструктивное место в обществе. Это достигается неформальным образованием с акцентом на практические действия на открытом воздухе, называемым скаутским методом. Скаутская организация добровольна, аполитична, независима. Само слово «скаут» переводится с английского как «разведчик». Поэтому скаутинг также иногда называют *разведчеством*.

Основателем скаутского движения считается английский военачальник, писатель и художник лорд Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэлл (1857–1941). Идею скаутинга он развивал поначалу осторожно; хотел лично удостовериться в том, что она жизнеспособна. Поэтому летом 1907 г. он собрал группу из 22 мальчиков и организовал на острове Браунси, находящемся в проливе Ла-Манш, первый скаутский лагерь. Этот лагерь имел большой успех. Как военный специалист Баден-Пауэлл считал важным умение вести военные действия в сложных природных условиях. Это умение можно с успехом развивать, используя при этом возрастные и психологические особенности детей. Помимо основной задачи скаутского воспитания – подготовки к военной службе, их необходимо обучать искусству разведчика, знанию природных явлений, жизни в лагере и походе, развитию выносливости, общественному поведению, действиям при несчастных случаях. И эта идея себя оправдала. В 1910–1914 гг. 792 английских скаута были награждены за подвиги при спасении жизни людей во время различных стихийных бедствий.

В 1908 г. Р. Баден-Пауэлл издал первый учебник скаутинга для мальчиков ("Scouting for boys"), оформленный его собственными иллюстрациями. Книга выходила из печати частями, каждые две недели. Всего вышло шесть частей. И выход каждой последующей «тетрадки» сопровождался все возрастающим интересом со стороны детей и подростков. В течение двух-трех лет книга была переведена на 35 языков! Она дала начало крупнейшему мировому молодёжному движению, и читать её стали десятки миллионов юношей на сотнях языков. Скаутские кружки начали массово появляться, сначала в Англии, а потом и в других странах. Всего за несколько лет эта система воспитания распространилась по всему миру.

Система идеологического воспитания скаутов соответствовала британским государственным интересам. Девиз английских скаутов, например, звучит так: «Вера в бога, преданность королю и Родине. Будь готов!» Значок скаута представляет собой лилию, перевязанную ленточкой. Средний лепесток лилии символизирует веру в бога, левый – преданность королю, правый – Родине. На ленточке призыв – «Будь готов!».

Форма скаута – точная копия походного костюма, который Баден-Пауэлл носил во время военной службы в Кашмире: широкополая шляпа цвета хаки, цветная шейная косынка (в России – синяя), рубашка зеленого или серого цвета с погонами на плечах, короткие (выше колена) брюки, чулки и башмаки черного или коричневого цвета. К атрибутам скаута относится посох длиной в рост человека. С его помощью преодолевали препятствия, делали физические упражнения; при необходимости он становился опорой для палатки. Группа делилась на патрули (6–8 скаутов), которые носили названия животных или птиц (бобер, сокол). Патруль имел свой флаг с изображением выбранного скаутами животного. Для разрешения вопросов о наградах и наказаниях собирался «суд чести».

В 1920 г. скауты из разных стран впервые встретились на мировом скаутском *джембори* (встрече) в Лондоне. В последний вечер этой встречи, 6 августа, весёлая ватага разноязычных скаутов провозгласила Баден-Пауэлла *Начальником скаутов мира*.

Скаутское движение продолжало развиваться. В 1928 г. оно насчитывало в своих рядах уже более 2 миллионов членов в большинстве стран. За лондонским джембори последовали другие встречи: в Дании (1924), Англии (1929), Венгрии (1933), Нидерландах (1937). Проведение джембори преследовало цель направить усилия скаутинга на создание *мирового братства скаутов*. С тех пор международные скаутские слёты проводятся раз в 3–4 года и по-прежнему носят название джембори.

Р. Баден-Пауэлл много путешествовал, постоянно писал на тему скаутинга. Всего он издал 32 книги, среди них «Учебник для волчат» (1916), «Мои приключения на службе разведчика»

(1916), «Учебник для скаутмастеров» (1920), «Что скауты умеют делать» (1921), «Путешествие за успехом» (1922). На развитие скаутского движения в англоязычных странах также оказали большое влияние книги канадского писателя Эрнеста Сетон-Томпсона и деятельность американского педагога Дэниела Картера Бёрда.

В России скаутинг ведет свое начало с 1909 г. Первый скаутский костёр был зажжён 30 апреля 1909 г. в Павловском парке Санкт-Петербурга. Основателем российского скаутского движения стал полковник Олег Иванович Пантюхов (1882–1973). В 1910 г. О. И. Пантюхов прочитал русский перевод книги Баден-Пауэрлла, и летом того же года создал одну из первых русских скаутских дружин в Царском Селе. 19 декабря 1910 г. он встречался в столице с Баден-Пауэрллом, который находился в России по приглашению императора Николая II. Летом 1911 г. Пантюхов посетил ряд зарубежных скаутских организаций и по материалам поездки написал книгу о европейском скаутском движении («В гостях у Бой-скаутов», 1911). 17 февраля 1920 г. вместе с семьёй эмигрировал в Турцию, где основал в Константинополе скаутскую дружину. 11 ноября 1920 г. Пантюхов объявил об объединении всех зарубежных русских скаутских организаций в одну единую ОРСзг – Организацию русских скаутов за границей и стал её руководителем. Осенью 1922 г. переехал в Нью-Йорк. 23 ноября 1924 г. он составил устав Всероссийской национальной организации русских скаутов. В 1937 г. О. И. Пантюхов был награжден почетным знаком русских скаутов – орденом «Белый Медведь». Еще раньше, в 1919 г., ему было присвоено звание Старший Русский Скаут. 11 февраля 1942 г. Пантюхов издал распоряжение о переименовании организации; впредь она должна была называться Национальная Организация Российских Разведчиков [1].

В 1910 г. в 1-й Петербургской мужской гимназии, – она располагалась на углу ул. Кабинетской (ныне ул. Правды) и ул. Ивановской (ныне ул. Социалистическая), – возникает «легион юных разведчиков», организованный преподавателем латыни В. Г. Янчевецким (1874–1954). Впоследствии он стал известным писателем (псевдоним – Василий Ян), автором романов «Чингиз-хан», «Батый», «К последнему морю» и др.

Уже упоминавшаяся книга Баден-Пауэрлла «Скаутинг для мальчиков» была получена российским императором Николаем II в 1910 г. от одного из приближенных к нему лиц, и вызвала интерес царя, так как оказалась созвучной с его мыслями о необходимости допризывной подготовки молодёжи. По его распоряжению книга была издана на русском языке.

Однако первые официальные попытки в этом направлении оказались неудачны, так как строились на «фельдфебельских» (выражение О. И. Пантюхова) принципах, полностью исключавших игровой элемент. Таковым было, прежде всего, движение с петровским названием «потешных», организованное по приказанию «сверху»; здесь детские отряды проходили строевую и начальную военную подготовку. Штабс-ротмистр А. Г. Захарченко был по распоряжению царя командирован в Англию для изучения опыта скаутизма, после чего им была создана в Москве скаутская дружина. Однако руководство ими было поручено далеким от идеи воспитания молодёжи людям (юнкерам) и на практике свелось к неудачной «комбинации» скаутизма с движением «потешных». Неудивительно, что это начинание потерпело провал.

В Киеве зачинателем скаутизма был гимназический преподаватель Александр Константинович Анохин (1882–1920), организовавший первый отряд герл-скаутов в 1915 г. Фактическим основателем скаутизма в Москве стал редактор журнала «Вокруг света» Владимир Алексеевич Попов (1875–1942). В его журнале печатался и скаутский листок «Будь готов!». В 1915 г. он создал первый в мире скаутский музей. Его должность в скаутском движении в разных источниках определяется как начальник 1-го московского отряда скаутов, инструктор 2-го московского отряда скаутов при Императорском речном яхт-клубе. Еще один отряд – «речных скаутов» – был создан им весной 1916 г.; его члены носили синие галстуки. Попов организовал шестинедельный лагерь на территории яхт-клуба на Воробьёвых горах. В 1917 г. он издал книгу «Бой-скауты: Руководство самовоспитания молодёжи». Ему принадлежит музыка скаутского гимна «Будь готов!» (1915 г., слова Н. А. Адуева), а также слова и музыка популярной скаутской (в СССР – пионерской) песни «Картошка».

Исходный вариант песни «Картошка» выглядел так.
Расскажу-ка вам, ребята, / Жили в лагере мы как,
И на солнце, как котята, / Грелись этак, грелись так.
Наши бедные желудки / Были вечно голодны,
И считали мы минутки / До обеденной поры.
Дым костра, луны сиянье, / Белый пепел и зола...
Дразнит наше обонянье / Дух картошки из костра.
Ах, ты, милая картошка, / Низко бьем тебе челом.
Даже дальняя дорожка / Нам с тобою нипочем.

Ах, картошка – объеденье, / Лагерников идеал.
Тот не знает наслажденья, / Кто картошки не едал.
А мальчишки /девчонки/-то обжоры / Всю картошку поедят,
А потом завоют хором: / «Животы у нас болят!»
Наши храбрые ребята / Исколеса́т ближний лес,
Понастро́ят себе хаты. / Не залезет в них и бес.
На дежурство из палатки / Очень трудно вылезать,
И приходится за пятки / Наших мальчиков/девочек/ таскать.
Вот собрались бегемоты, / Издают протяжный вой.
Хоть и знают они ноты, / Но поют... О, Боже мой!

В начале 1920-х гг. молодому комсомольскому поэту Александру Алексеевичу Жарову было поручено приспособить скаутскую песню для пионерской организации. Он сохранил первые пять куплетов, изменив лишь самое начало на «Ну, споемте-ка, ребята», а также ставшее в советские времена сомнительным слово «лагерник» на «пионер». При этом он отбросил «зарисовки лагерного быта» и вставил следующий куплет: Чем картошечка в мундире, / Лучше блюда не найдешь / Ни в Крыму, ни на Памире, / Целый свет хоть обойдешь. Этот куплет, однако, «не прижился». В русской эмиграции песня всегда исполнялась в старой редакции. Этот же вариант используется и современными русскими скаутами.

...Обозначившийся провал движения «потешных» склонил «высшие сферы» в сторону поддержки чистого скаутизма, и в августе 1914 г. организуется «Общество содействия мальчикам-разведчикам» – «Русский скаут». Председателем общества стал вице-адмирал Иван Федорович Бострем (1857–1934), ранее курировавший «потешных», а вице-председателем – О. И. Пантюхов. С началом Первой мировой войны Пантюхов отправился на фронт, и Царскосельский отряд скаутов (впоследствии переименованных на русский манер в «юные разведчики») возглавил Эраст Платонович Цытович (1874–1941). Штаб-квартира Царскосельской дружины помещалась в стенах реального училища, директором которого он и являлся. В 1915 г. Цытович привлек к движению скаутов великого князя Георгия Константиновича и, по распоряжению Императора Николая II, записал в Царскосельский отряд цесаревича Алексея. С 1915 г. Цытович стал председателем Царскосельского военно-спортивного комитета и членом комитета общества «Русский скаут», председателем которого был вице-адмирал И. Ф. Бострем. Деятельное участие в обществе принимала также сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна.

В декабре 1915 г. Цытович принял активное участие в организации I Всероссийского съезда по скаутизму, прошедшего в Петрограде. На съезде он прочитал несколько основополагающих докладов, посвященных скаутскому движению: «Взаимоотношения семьи, школы и организации скаутов» и «Этические основы скаутизма». В своих выступлениях Цытович выдвинул ряд идей, который впоследствии переняла пионерская организация. В частности, он провозглашал: «Будем же надеяться на то, что зажегшаяся звезда скаутизма над русской молодёжью разгорится ярким светом на всем обширном пространстве нашей дорогой родины, и что сотни тысяч русских мальчиков и девочек на призыв: «Будьте готовы!» будут стройно, бодро и весело отвечать: «Всегда готовы!» В 1915 г. прошел I скаутский съезд, утвердивший устав, организационную структуру и символику русского скаутизма. К осени 1917 г. насчитывалось 50 тысяч скаутов в 143 городах России. В 1915 г. (по другим данным – в 1914 г.) Николай Альфредович Адуев (1895–1950) написал гимн скаутов – «Будь готов!», положенный на музыку В. А. Поповым.

Будь готов!

(Гимн Организации российских юных разведчиков-скаутов)

Будь готов, разведчик, к делу честному. / Трудный путь лежит перед тобой.
Глянь же смело в очи неизвестному, / Бодрый телом, мыслью и душой!

Прпев: Будь готов, будь готов, / Будь готов, будь готов,

Будь готов, разведчик, / Будь готов!

В мире много горя и мучения. / Наступила страдная пора.

Не забудь святого назначения. / Стой на страже правды и добра.

Прпев.

Тем позор, кто в низкой безучастности / Равнодушно слышит брата стон.

Не страшись работы и опасности. / Твердо верь, что с Богом ты силен.

Прпев.

Помогай больному и несчастному, / К погибающим спешу на зов.

Ко всему большому и прекрасному / Будь готов, разведчик, будь готов!

Прпев: Будь готов, будь готов, / Будь готов, будь готов,

За Россию будь / Всегда готов!

После 1917 г. скаутское движение распадается. В областях, занятых белогвардейцами, то есть русской армией, в определенной степени сохранялся традиционный скаутинг, придерживавшийся патриотической и антисоветской позиции. Многие скауты были участниками антисоветского подполья; ряд руководителей скаутских организаций в Крыму и на Украине были арестованы ЧК и расстреляны. На советской территории имели место попытки в той или иной форме соединить скаутскую организацию с большевистской революционной идеологией. Прежде всего, следует отметить юкистское движение («юных коммунистов-скаутов»), принявших галстуки красного цвета. Некоторое время действовали городские клубы типа «Красный скаут». Существовало и принципиально аполитичное движение «лесных братьев» – следопытов леса, продолжавших туристско-натуралистические традиции с опорой на книги Эрнеста Сетон-Томпсона.

Однако Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ, впоследствии – ВЛКСМ) видел в скаутизме соперника, и поэтому его «вожди» резко отрицательно относились ко всем формам скаутинга. Уже в 1919 г. ему объявили войну. Скаутинг был объявлен реакционным, буржуазным и монархическим явлением. Особенно усилились гонения с начала 1922 г., когда было принято решение о создании детской коммунистической (пионерской) организации, перенявшей внешние формы скаутинга. Деятельность по «разработке» пионерской атрибутики была проведена Иннокентием Николаевичем Жуковым, имя которого сейчас забыто: обычно при упоминании о пионерском движении вспоминают имя Н. К. Крупской.

Наиболее стойкие из скаутских организаций дотянули до весны 1923 г., когда в мае прошёл последний скаутский слёт у села Всехсвятское под Москвой. Участники слёта шли в форме и со знамёнами. Слет был разогнан милицией и комсомольцами, а его организаторы – арестованы. Скаутские организации, однако, некоторое время продолжали существовать в подполье, как, например, «Братство костра». Численность этих организаций исчислялась теперь уже не десятками тысяч, а всего лишь единицами. Подпольной организации соответствовало и содержание песен: «Нас десять, вы слышите, десять! / И старшему нет двадцати. / Нас можно, конечно, повесить, / Но надо сначала найти!»

Подпольные скауты продолжали поддерживать отношения со скаутами, находившимися в эмиграции, и О. И. Пантюховым вплоть до 1927 г. В результате в СССР получило развитие лишь пионерское движение, которое, в смысле формы, хотя и было построено на основе скаутинга, но имело прокоммунистическую идеологическую направленность, а потому усиленно насаждавшееся властями. Однако за рубежом продолжали свою деятельность тысячи русских скаутов, создавших Национальную организацию русских скаутов под руководством Пантюхова. Русские скауты, дети эмигрантов, были в Западной Европе, Австралии, Америке. Причины популярности бойскаутской системы воспитания, как нам представляется, заключаются в следующем:

- скаутская подготовка проходит в привлекательной для ребят форме длительной игры с использованием условных символов, отличительных знаков, приветствий;
- во время игровой деятельности дети овладевают полезными для повседневной жизни навыками;
- в скаутской подготовке присутствует свойственная всем детям любовь к природе и живому миру, склонность к приключениям.

Воспитание в скаутинге ведется при помощи скаутского метода. Основа скаутского метода заключается в следующих показателях:

- *воспитание на основе обещания*. Каждый участник добровольно берет на себя обязательство соответствовать тому образу, который заложен в обещании и законах. А именно – осознание своего долга перед Богом, гражданского долга и долга перед самим собой;
- *патрульная система или система микрогрупп*;
- *личный рост участников*, достигаемый через стимулирующие и развивающие программы, призывающие участников к самосовершенствованию через развитие, выполнение гражданского и духовного долга, через участие в местных, региональных, национальных и международных проектах. Применение новых и старых форм работы: разрядная система, проектная деятельность, цикловые игры;
- *деятельность на природе*. Постоянная практика самоутверждения и развития с помощью активной деятельности на природе, при проведении всевозможных разовых форм, традиционных, пионеринга – исследовательской деятельности;
- *традиции*, заложенные в начале движения, дополняемые самими участниками;
- *обучение через дело*, – метод, привнесённый в начале XX в. из западной педагогики, когда основой обучения подразумевалось обязательное претворение теории в практику;
- *поддержка взрослых*. Генеральная задача для придания организации динамично развивающегося и общественного характера. Система руководства микрогруппами и курсы различных уровней, международный обмен опытом, ротация руководителей, ступеньки роста, звания, должности;

– девиз скаутов – «Будь готов!» (англ. – *be prepared!*); по-английски он сокращается до первых букв и звучит как прозвище основателя движения скаутов Баден-Пауэлла – Би-Пи. Происхождение этой фразы связано с патриотическим характером движения скаутов. На других языках скауты по всему миру используют девиз «Будь готов!» на своих родных языках.

Скаутский метод – жизнь на основе обещания и скаутских законов. Каждый человек, вступающий в скауты, дает обещание. В основе обещания – 3 принципа, на которых строится весь скаутинг: долг перед Богом, долг перед Родиной и окружающими, долг перед собой. Скаутское обещание звучит так: «Честным словом обещаю, что буду исполнять свой долг перед Богом и Родиной, помогать ближним и жить по законам разведчиков». Скауты живут по определенным законам. В каждой организации они сформулированы по-разному. В качестве примера приведем законы из устава Организации российских юных разведчиков: разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам; честен и правдив; помогает ближним; друг всем и брат всякому другому разведчику; исполняет приказания родителей и начальников; вежлив и услужлив; друг животных и природы; бережлив и уважает чужую собственность; чист в мыслях, словах, делах, телом и душой; трудолюбив и настойчив; весел и никогда не падает духом; скромнен. Скаутская эмблема – лилия (трилистник). Лилия стала символом скаутинга со времени его зарождения. Сейчас она используется 16 миллионами скаутов во многих странах мира. Три конца лилии представляют три элемента скаутской клятвы: долг перед собой, перед ближними и перед Богом. На лилиях многих русских скаутских организаций изображен святой Георгий. Он является покровителем русских скаутов. Скаутские эмблемы разных организаций могут существенно отличаться. Но все они имеют обязательный элемент – лилию (трилистник). Скаутское рукопожатие имеет свою особенность. Скауты пожимают левую, а не правую руку, что является знаком особой дружбы и веры. Объясняется это тем, что Баден-Пауэлл во время военной службы в Африке познакомился с этим обычаем у африканских племен. Во время приветствия копье, которое держали в правой руке, втыкали в землю, а щит переключивали из левой руки в правую, показывая таким образом, что ты доверяешь человеку, с которым здороваешься.

Скаутский салют отдается при полной униформе и в торжественных случаях, таких как подъём и спуск национального флага, и при произнесении скаутского обещания. Для скаута обязательно ношение галстука. Эта традиция является элементом, отличающим различные скаутские группы. По цвету они разнообразны в зависимости от организации, пола и звания; могут иметь цвета флага, герба города, региона или страны. Галстук закрепляется зажимом, который скаут делает сам из кожи, дерева, коры или других природных материалов. Использование узла вместо зажима не приветствуется. В отличие, например, от пионерского галстука времен СССР, скаутская традиция позволяет использование галстука в самых разных целях: например, им можно перевязать рану или снять горячий котелок с костра. Скаутские организации имеют свои знаки отличия в виде нашивок, значков, лент и шнуров, которые их члены носят на своей форме. Знаки отличия обозначают принадлежность к той или иной организации, положение в ней, принадлежность к дружине, отряду, звену. По скаутской форме можно определить достижения и разряд скаута, полученные им «специальности», например в поварском деле, при оказании первой помощи, в спорте.

Скаутское движение финансируется государственными и негосударственными организациями, общественными деятелями. Здесь не обучают трудовым специальностям, но активно поощряют и содействуют их приобретению, выявляют способность ребят применять их на практике.

Сейчас скаутинг имеет более 38 миллионов членов в 217 странах. Назовем такие зарубежные скаутские организации, как Всеизраильское движение бойскаутов, Союз польских харцеров, Белорусская республиканская скаутская ассоциация и др. Скаутские организации объединены во Всемирную организацию скаутского движения.

В СССР скаутское движение было официально разрешено лишь в 1990 г. и после этого началось его возрождение. Единой скаутской организации в России не существует. Среди наиболее крупных российских организаций можно назвать следующие: Организация российских юных разведчиков, Национальная организация российских скаутов-разведчиков, Русский союз скаутов, Российская ассоциация девочек-скаутов, Братство православных следопытов [2]. Да и возрождающееся в России пионерское движение является скаутским по своей природе. Приблизительная численность российского скаутинга оценивается в настоящее время более чем в 30 000 человек. Конечно, это очень немного, учитывая численность детей и подростков в нашей стране. При этом автор данной статьи далек от мысли о том, что следует каким-то образом специально на государственном уровне «нормативно» стимулировать развитие скаутского движения посредством введения неких общероссийских программ и уставов; тем более, если они, – не дай Бог! – станут носить обязательный к выполнению для местных органов образования характер. (Тогда-то, скорее

всего, и наступит конец скаутскому движению...) А вот привлечение последователей скаутизма к полезным для всего общества делам, используя принципы игры, романтики и активной деятельности, может стать важной задачей современной педагогической науки и практики.

Примечания

1. Сочинения О. И. Пантюхова: Памятка юного разведчика. СПб., 1911; В гостях у бойскаутов. СПб., 1912; Боевая памятка стрелка его величества. Царское село, 1912; Бой-скауты. СПб., 1914; Русским скаутам: Приказы, инструкции, информации и беседы О. И. Пантюхова. Белград, 1929. Информация о О. И. Пантюхове, см., например, Булатов И. А. Олег Иванович Пантюхов – Старший Русский Скаут. М.: Минувшее, 2012.

2. Воздвиженский С. Скаутский метод. Петрозаводск, 2004; Кудряшов Ю. В. Российское скаутское движение: исторический очерк. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997; Шободоева А. Российский скаутинг: история, теория, практика. Омск: Изд-во госпедуниверситета, 1995.

УДК 502:37.03

А. А. Хохлов

Роль особо охраняемых природных территорий в развитии познавательного интереса у учащихся

В статье рассматриваются основные свойства природных объектов, относящихся к различным категориям особо охраняемых природных территорий, их функции. На основании данного материала делается вывод о возможностях использования природного наследия как средства развития познавательного интереса учащихся. Автор приводит конкретные примеры, как школьники, изучающие природные объекты, относящиеся к памятникам природы, заповедникам и природным паркам, получают обширный материал из различных отраслей знаний, выходящий за рамки школьных образовательных программ. Делается вывод о возможности использования ООПТ для развития познавательного интереса учащихся.

This article discusses the basic properties of natural objects belonging to different categories of protected areas, their function. On the basis of this material that the potential use of natural heritage as a means of development of informative interest of students. The author gives specific examples about students studying natural objects related to the monuments of nature reserves and natural parks, receive extensive material from different branches of knowledge that goes beyond school education programs. The conclusion about the possibility of the use of protected areas for the development of informative interest of pupils.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории (ООПТ), познавательный интерес, коммуникативность, аксиологическая информативность, аттрактивность, экспрессивность.

Keywords: protected areas, cognitive interest, communication, environmental informativeness, attractiveness, expressiveness

Одной из задач образовательных учреждений является развитие познавательного интереса у учащихся. Повышенным потенциалом для развития познавательного интереса у школьников обладают различные категории особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Под *особо охраняемыми природными территориями* нами понимаются участки биосферы, где с целью сохранения экологического равновесия полностью или частично, бессрочно или на определенный срок ограничена традиционная хозяйственная деятельность. То есть создан особый режим охраны.

Согласно ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» выделяются следующие категории ООПТ: государственные природные заповедники; национальные и природные парки; природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады; лечебно-оздоровительные местности и курорты; зеленые зоны; парки, памятники садово-паркового искусства и т. д. [1] В настоящее время в Кировской области существует один заповедник «Нургуш» в Котельничском районе, три ландшафтных заказника («Былина», «Пижемский» и «Бушковский лес») с их уникальной природой. Самая представительная категория ООПТ – памятники природы. Их зарегистрировано 283. Есть территории, которые относятся к другим категориям ООПТ.

Как ни странно, но педагоги-исследователи долгое время стояли в стороне от изучения возможностей использования ООПТ для развития познавательного интереса в образовательно-воспитательной деятельности. Попытаемся частично восполнить данный пробел.

Разнообразные по форме и содержанию ООПТ, обладающие самыми разнообразными ценностями и свойствами, выполняют самые разнообразные функции и именно поэтому могут быть задействованы в развитии познавательного интереса у школьников как во время уроков, так и во внеурочное время.

Все охраняемые природные объекты обладают таким свойством, как коммуникативность. Под *коммуникативностью* нами понимается способность природного объекта предавать при демонстрации определенную информацию.

Следующее свойство – информативность. Прежде всего, можно выделить аксиологическую информативность. Под *аксиологической информативностью* нами понимается способность природного объекта в процессе коммуникации информировать о своих ценностных свойствах. При изучении геоморфологических, геологических, гидрологических, биологических памятников природы, а также природы заповедных участков школьники на практике узнают видовой состав растений и животных, горные породы и минералы, особенности рельефа и климатические условия, пытаются объяснить происхождение редких явлений природы. ООПТ – это своеобразно закодированные «документы» эпохи, источники географических, биологических, физических, химических, экологических знаний. При этом значительное количество разнообразной информации, которая содержится в природных объектах, чаще всего выходит за рамки школьных программ и способствует закреплению информации, полученной от учителя на уроках или из учебника.

Большинство памятников природы и отдельные части ландшафта заповедников, заказников и природных парков обладают таким свойством, как аттрактивность. Аттрактивность охраняемых природных объектов обычно выражается в необычных размерах, формах, необычности цветового решения и т. д. Достаточно вспомнить грациозность скалы «Часовой» в Советском районе или сосен, произрастающих на песчаных дюнах Медведского бора в Нолинском районе.

Именно аттрактивные природные объекты, обладая экспрессивностью, всегда вызывают определенные положительные эмоции. Известно, что положительные чувства и эмоции, возникшие в процессе коммуникации, являются стимулами развития познавательного интереса. Обычно восхищение и удивление возникает у школьников, осматривающих лиственницу-великан или Береснятский водопад в Советском районе или озеро «Шайтан» в Уржумском районе. При этом у них часто возникает масса вопросов. К примеру, при осмотре озера «Шайтан» часто возникают вопросы, почему фонтанирует озеро и откуда там берутся плавающие острова? То есть у экскурсантов при этом уже появляется начальный познавательный интерес в форме любопытства. Если педагог или экскурсовод вовремя подскажет им необходимую краеведческую и специальную литературу, различные каталоги, путеводители, где можно найти ответы на возникшие вопросы, или попросит вспомнить ранее изученный материал на уроках, то познавательный интерес может перейти на более высокий уровень – любознательность.

Рассказ о природных объектах непосредственно на уроках способствует более качественному усвоению программного материала. Так, на уроках географии изучаются карстовые явления. А озера «Шайтан» и «Чваниха», являющиеся памятниками природы, именно карстовые по происхождению. Этим можно объяснить и такое явление, как фонтанирование воды в озере. Кроме данного озера в области есть пещеры, провалы карстового происхождения, которые также являются памятниками природы. На уроках зоологии изучается животный мир, в том числе редкие и исчезающие виды животных, занесенные в Красную книгу России. С интересом учащиеся слушают рассказ учителя о том, что, к примеру, орлан-белохвостый – одна из самых редких и крупных хищных птиц России – водится в заповеднике «Нургуш» и заказнике «Былина». Говоря на уроках общей биологии о таком явлении, как мутация организмов, можно привести пример махровой черемухи села Бобино Слободского района у которой не пять, а шесть лепестков на цветке.

Экологи Н. Ф. Реймерс и Ф. Р. Штильмарк выделили у ООПТ следующие ценности: природоохранные, научные, культурно-эстетические, рекреационно-оздоровительные [2]. Среди научной ценности особо выделяются экологическая и природоохранная ценности. Именно ограничение хозяйственной деятельности на территории ООПТ позволяет сохранить там экологическое равновесие.

Говоря о материальных памятниках истории и культуры, Б. Б. Артемьева считает, что памятники «несут отпечаток особенностей времени их создания» [3], то есть обладают исторической ценностью. Несомненно, природные объекты также несут в себе отпечаток времени их возникновения. Среди памятников природы специалисты даже выделяют природно-исторические памятники, которые являются носителями не только естественнонаучной, но и исторической информации одновременно. Так, памятником природы объявлен участок берега р. Великой у

с. Великорецкое Юрьянского района. Именно туда ежегодно в начале июня отправляется крестный ход. Примером природно-исторического памятника природы может служить родник в Успенском Трифоновом монастыре, который вытекает из деревянной часовни. По легенде родник «пробил» себе дорогу после того, как Трифон Вятский несколько раз копнул лопатой.

Именно благодаря обладанию данными свойствами и ценностями объекты ООПТ выполняют ряд важных функций.

Говоря о памятниках истории и культуры, культуролог И. К. Кучмаева считает, что важнейшей функцией памятников является «социально-культурная ориентация человека, регуляция его поступков, побуждений, а через них – социально значимая ориентация общественных отношений» [4]. Эта функция также относится и к ООПТ. Изучение природных объектов, включенных в список ООПТ, позволяет организовать определенную систему предметного мира в целом, оказать воздействие на настроение и мироощущение школьника, что является предпосылкой развития познавательного интереса. Действительно, через изучение природных объектов благодаря их аксиологической информативности, коммуникативности учащиеся получают представления об уровне развития растительного и животного мира на разных этапах геологического развития, характере и размерах влияния общества на природу в различных исторических эпохах.

На примере такого палеонтологического памятника природы, как местонахождение останков древних животных пермского периода в Котельничском районе, можно сориентироваться в геологическом времени. Сравнивая виды древних животных, ранее обитавших на данной территории, с теми, что обитали в Африке, можно убедиться в том, что в пермский геологический период на современной территории Кировской области климат был такой же, как в Африке.

Наблюдая во время походов и экскурсий за состоянием природных объектов, прежде всего памятников природы, за разрушительным антропогенным воздействием на природу, можно ориентировать ученика на бережное отношение к природе, на волонтерское движение по благоустройству территорий.

В ходе полевых исследований ООПТ учащиеся закрепляют навыки сбора и первичной обработки материала (гербария, геологических образцов, почвенного разреза и т. д.). При этом у них развиваются наблюдательность, терпение, что непосредственно способствует развитию познавательного интереса. Лабораторная обработка собранного материала на практике закрепляет и расширяет знания, полученные на занятиях по химии, биологии, географии. При этом ученики осваивают различные методы и формы научно-исследовательской деятельности.

Изучение природных объектов, относящихся к различным категориям, способствует тому, что учащиеся знакомятся с основами ряда специальных географических, биологических наук (геоморфология, геология, климатология, метеорология, ландшафтоведение, география растений, география животных и т. д.), не входящих в программы общеобразовательной школы. Непосредственная работа по благоустройству территорий ООПТ, их изучение способствуют воспитанию у учащихся трудовых навыков. Осознание уникальности природы малой родины способствует развитию патриотических чувств. Следовательно, ООПТ выполняют образовательно-воспитательную функцию.

Под влиянием приобретенных новых знаний, полученных в ходе изучения ООПТ, изменяется отношение учащихся к природе. Целенаправленная работа центров детского и юношеского туризма и экскурсий, экологических центров по выявлению, комплексному изучению природных объектов, которые в дальнейшем становились памятниками природы, проводимая в 70–80-х гг. XX в., повлияла на то, что в научный оборот страны были включены данные о тысячах новых природных объектах, ранее неизвестных памятниках природы. Это повлекло за собой некоторые изменения взглядов на человеческие ценности, на некоторые жизненные ориентиры, потребовало более серьезного, специального анализа процесса передачи социально-культурного опыта из поколения в поколение. Использование собранного школьниками материала о природе в практической жизни способствует самоутверждению ученика, формированию профессионального интереса. Следовательно, природные объекты выполняют мировоззренческую функцию.

Оказалось, что массовое общественное движение по выявлению, изучению и сохранению природного наследия, с одной стороны, повлияло на изменение экологической политики государства. С другой стороны, процесс самой постановки на государственный учет и охрану новых участков природы зависит от существующей экологической политики государства, которая выражается в определенных социальных законах. Следовательно, ООПТ выполняют социально-политическую функцию.

Обладая экспрессивностью, ООПТ, несомненно, выполняют компенсаторно-релаксационную функцию. В процессе коммуникации они, воздействуя на настроение, самочувствие, мироощущение человека, оказывают свое влияние на восстановление сил, энергии человека, на его

активный отдых. Ученые давно доказали, что у человека возникает желание периодически какую-то часть времени отдавать переживаниям. Именно чувства переживания, сопереживания и возникают при соприкосновении с природными объектами. Именно эти чувства также являются хорошими стимулами развития познавательного интереса.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Разнообразные по форме и содержанию природные объекты, относящиеся к ООПТ, являясь носителями разнообразной научной информации и одновременно средствами получения новых знаний по различным отраслям познания, обладают образовательно-воспитательной функцией и могут быть задействованы в учебно-воспитательной работе со школьниками как общеобразовательных школ, так и учреждений дополнительного образования.

2. Изучение объектов природного наследия позволяет организовать определенную систему предметного мира в целом, получить значительную массу знаний, выходящую за рамки общеобразовательной школы, оказать воздействие на настроение и мироощущение школьника, что является предпосылкой развития познавательного интереса.

3. Разнообразная работа общеобразовательных учреждений и учреждений дополнительного образования по выявлению, комплексному изучению, использованию, сохранению и пропаганде природного наследия может способствовать получению новых системных знаний, умений и навыков самостоятельной теоретической и практической деятельности учащихся, а это одно из условий развития интереса к познанию.

4. Природные объекты, относящиеся к различным категориям ООПТ, оказывают влияние на формирование мировоззрения учащихся, что влияет на формирование и развитие потребностей, в том числе и познавательной потребности.

5. Положительные чувства и эмоции, возникшие в процессе коммуникации, являются стимулами развития познавательного интереса.

Примечания

1. ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» № 33 от 14 марта 1995 г.
2. Реймерс Н. Ф., Штильмарк Ф. Р. Особо охраняемые природные территории. М., 1978.
3. Артемьева Е. В. Сематические аспекты изучения памятников истории и культуры // Теория, методология, практика: сб. науч. трудов / НИИ культуры. Сер. Памятниковедение. М., 1986. С. 62–75.
4. Кучмаева И. К. Культурное наследие: современные проблемы. М., 1987. С. 173.

Психолого-педагогическое сопровождение полового воспитания депривированных детей в различных социально-педагогических ситуациях развития

Сегодня одной из самых острых социальных проблем и по масштабности, и по значимости является проблема воспитания детей, лишенных родительского попечительства. В современных исследованиях социального сиротства при анализе социальной ситуации развития внимание сосредоточивается на дефицитарности общения со взрослыми и депривационном феномене. Этот травмирующий фактор сохраняется у ребенка на всю жизнь, приводит к деформации личности, искажению половой социализации и другим нарушениям. Для успешной адаптации и интеграции в социум как полноправного ее члена ребенок должен воспитываться в семье, где происходит формирование полоролевых нормативных ориентаций и стереотипов поведения. Несмотря на очевидную значимость и изученность данной проблемы, остаётся ряд вопросов, требующих дальнейшей проработки. Автором представлен теоретический анализ научных исследований по проблеме психического развития и адаптации воспитанников детского дома. В статье делается акцент на приоритетность развития замещающих форм семейного воспитания, приводятся результаты исследования особенностей половой идентификации детей-сирот, воспитывающихся в разных условиях (детский дом, приемная и обычная семья), предлагается пакет психодиагностического инструментария, адекватного предмету исследования.

Today one of the most urgent social problems and in terms of the magnitude and significance is the problem of educating children deprived of parental guardianship. In contemporary studies of social orphanhood in the analysis of social development situation the attention is focused on the deficiency of communication with adults and on the deprivation phenomenon. This traumatic factor is stored in the child during the life, leads to the deformation of the individual, the distortion of the sexual socialization and other violations. For successful adaptation and integration into society as a full member, the child should be brought up in a family where there is a formation of normative sex-role orientations and attitudes. Despite the obvious importance and study of this problem, there are a number of issues that require further elaboration. The author presents a theoretical analysis of scientific research on the problem of mental development and adaptation of the pupils from the orphan home. The article focuses on the priority of the development of substitute forms of family education, the results of studies of the gender identity of children-orphan brought up in different conditions (orphanage, foster and ordinary family) are presented, the package of diagnostic instruments, adequate to the subject of the study is offered.

Ключевые слова: половое воспитание, социальные сироты, депривация, детский дом, обычные и приемные семьи, социально-педагогическая ситуация развития, половая идентификация.

Keywords: social orphanage, deprivation, boarding school, typical and foster families, social-pedagogical situation of development, sex-role identification.

Трудно переоценить значение пола для понимания психологических особенностей и характеристик жизненного пути человека. В настоящее время стала очевидной тенденция к трансформации социальных ролей мужчин и женщин, которая негативно отражается на детско-родительских отношениях, воспитании, ролевой структуре семьи, и соответственно на половой идентификации детей, что затрудняет адекватный выбор полоролевой позиции ребенком. У детей, воспитывающихся вне семьи, нарушен процесс адекватного восприятия полоролевых нормативных ориентаций и стереотипов поведения, обусловленный общественным воспитанием и

рядом специфических факторов, что влечет за собой в будущем трудности в создании собственной семьи и ее сохранении. Исследование особенностей половой идентификации подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития (детский дом, приемные семьи, обычные семьи) помогает совершенствовать практику воспитания детей-сирот с целью их успешной адаптации и интеграции в социум. В настоящее время многие вопросы, связанные с половой идентификацией детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, требуют осмысления.

Проблема воспитания детей, лишенных родительского попечительства, затрагивает различные аспекты: создание практики воспитания, максимально восполняющего отсутствие семьи и обеспечивающего психологическое здоровье и полноценное развитие личности детей-сирот – от различных форм замещающей семьи (приемные, патронатные, попечительские, опекунские, гостевые), семейных детских домов до коррекционно-развивающих программ и т. д. Наилучшей формой устройства детей-сирот с точки зрения их благополучия является усыновление, однако существуют и другие варианты – опека, попечительство, приемная семья, патронат и гостевые визы. Одной из самых продуктивных технологий подготовки детей к проживанию в замещающей семье является гостевая виза. В настоящее время самой приоритетной перед другими формами семейного воспитания выступает приемная семья – наиболее распространенная и востребованная среди потенциальных родителей, а также юридически защищенная [1]. Первостепенной задачей приемной семьи является своевременная поддержка и защита ребенка в кризисной ситуации. Основная цель приемной семьи – это создание благоприятных условий для временного пребывания детей, в период осуществления социальной и медицинской реабилитации их биологических родителей [2].

Опыт работы показал, что многие приемные семьи, взявшие детей на воспитание, не имеют необходимого педагогического опыта. Дети, переданные в эти семьи, как правило, из неблагополучных семей и имеют отставание в развитии, не имеют позитивного семейного опыта, у многих сложилась биполярная модель семейных взаимоотношений, положительного и отрицательного образцов маскулинности и фемининности, которая порождает конфликтную систему требований и может исказить процесс половой идентификации. Анализ патроната выпускников детского дома показывает, что неправильно складывающиеся полоролевые представления являются одной из причин значительных трудностей в создании собственной семьи и ее сохранении. Дети, имеющие ранний неблагоприятный опыт семейного воспитания, часто повторяют судьбу своих родителей. Изоляция или сокращение контактов, взаимоотношений с матерью, недостаточная материнская любовь, отсутствие ласки в детстве впоследствии приводят к проявлению агрессии и черствости, отсутствию материнского инстинкта у девочек. Основными проблемами в приемных семьях являются взаимоотношения между приемными и родными детьми, взаимоотношения между приемными детьми и приемными родителями, в связи с завышенными требованиями родителей к приемному ребенку, проблемами развития познавательного интереса у приемных детей, отсутствии у приемных родителей знаний психологических и половозрастных особенностей детей-сирот, которые обостряются в подростковом возрасте, и т. д. [3] Большинство приемных семей нуждаются в квалифицированной психологической помощи и поддержке, особенно в период адаптации.

За многие годы сложилась определенная система сопровождения приемной семьи, которая включает следующие этапы: диагностика потребностей ребенка и возможностей семьи; составление индивидуальной программы сопровождения; реализация коррекционно-развивающих программ; подведение итогов, корректировка программы. Одним из основополагающих направлений психолого-педагогического сопровождения любой формы замещающей семьи является психодиагностическая работа, которая включает в себя тестирование, анкетирование, собеседование, активное наблюдение.

Психодиагностика проводится на разных этапах сопровождения замещающей семьи: предварительная реабилитация, подготовка ребенка к помещению в семью; отбор приемных родителей, степень их готовности к принятию ребенка в свою семью; подготовка потенциальных родителей; период адаптации ребенка к новой семье, последующий мониторинг психологического благополучия, семейного окружения; индивидуальное консультирование и т. д. [4]

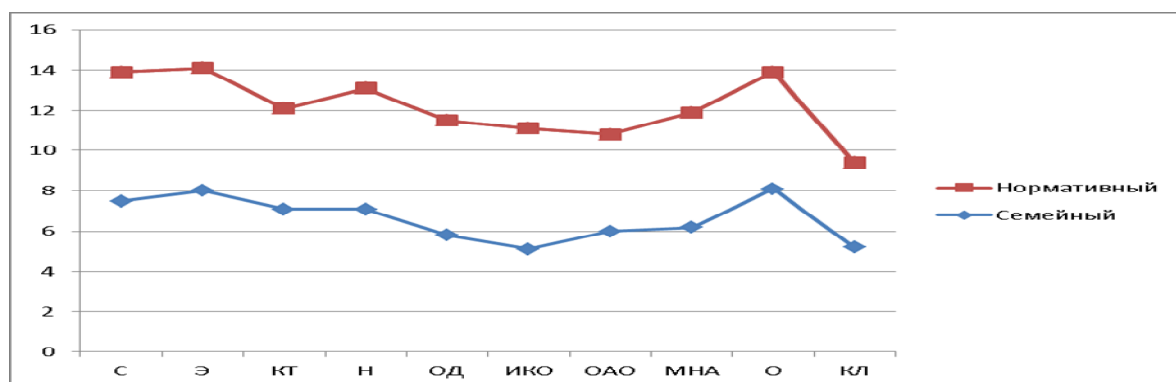
В рамках психолого-педагогической поддержки приемных и патронатных семей на этапе адаптации с целью исследования семейной системы можно использовать следующий психодиагностический инструментарий: 1) шкала семейной сплоченности и адаптации (FACES-3) с целью выявления степени эмоциональной связи между членами семьи, способности семейной системы приспосабливаться, изменяться при воздействии на нее внешней среды («агрессоров»); 2) шкала семейного окружения (ШСО), которая предназначена для оценки социального климата в семьях всех типов.

Выявить сформированность половой идентичности, степень проявления маскулинности, фемининности, андрогинности, отклонений в полоролевом поведении детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, возможно при использовании пакета методик: 1) много-

факторный личностный опросник FPI (форма В) с использованием шкалы «маскулинности-фемининности»; 2) детский опросник гендерной идентичности Д. Холла (адаптация М. В. Ивановой, О. В. Коваленко); 3) методика «Психологический пол» О. В. Лопуховой, модифицированный и адаптированный вариант методики С. Бем; 4) методика «МиФ» (авторы Н. В. Дворянчиков, А. В. Герасимов), модифицированный вариант Т. А. Араканцевой и Е. М. Дубовской; 5) проективный тест «Гудинаф-Харрис рисования тест» (автор Д. Харрис), модифицированный вариант теста «Рисунок человека» (автор К. Маховер); 6) методика свободных описаний (сочинение на тему «Какими я представляю себе современных мужчин и женщин», авторы М. И. Лисина, И. В. Дубровина, Г. А. Рузская), которые заполняют дети, для получения объективной информации используется карта наблюдений, в качестве компетентных судей выступают взрослые – воспитатели детского дома, приемные родители, педагоги.

Представим результаты исследования, проводимого в одном из детских домов г. Сызрани с патронатными и приемными семьями. Проанализировав результаты диагностики по шкале семейной сплоченности и адаптации, можно сделать следующие выводы: степень удовлетворенности семейной жизнью близка к идеальной (расхождения минимальны); сбалансированный уровень характеризует успешность функционирования семейной системы; выявленные уровни семейной системы не ведут к нарушениям функционирования семьи; родители и дети удовлетворены существующей семейной системой; семья имеет устоявшуюся собственную нормативную базу; воспитательная функция в данных семьях удовлетворяет индивидуальные потребности приемных родителей, патронатных воспитателей в отцовстве и материнстве, в контактах с детьми и в их воспитании, а также в том, что родители могут реализовать себя в детях; эмоциональная функция семьи удовлетворяет потребности ее членов в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защищенности, выступает основой для психического здоровья, эмоциональной и личностной стабилизации; функция духовного общения удовлетворяет потребность в совместном проведении досуга, способствует духовному обогащению и развитию членов семьи; функция первичного социального контроля обеспечивает выполнение членами семьи социальных норм. Таким образом, можно заключить, что обследуемые семьи являются нормально функционирующими, ответственно и дифференцированно выполняют все свои функции, вследствие чего удовлетворяется потребность в росте и изменениях как семьи в целом, так и каждого ее члена. Обеспечиваются социализация детей и подготовка их к будущей взрослой жизни.

Основное внимание шкала семейного окружения уделяет измерению и описанию: отношений между членами семьи – показатели отношений: сплоченность (С); экспрессивность (Э); конфликтность (КТ); направлениям личностного роста, которым в семье придается особое значение (показатели личностного роста): независимость (Н); ориентация на достижения (ОД); интеллектуально-культурная ориентация (ИКО); ориентация на активный отдых (ОАО); морально-нравственные аспекты (МНА); показатели управления семейной системой: организация (О) порядка, финансового планирования, семейных правил и обязанностей; контроль (КЛ) членами семьи друг друга (см. рисунок).

Графическое изображение семейного и нормативного профилей по ШСО (средние значения показателей по шкалам)

Мы видим, что графики практически идентичны, усредненный семейный профиль совпадает по многим показателям со средними значениями нормативного профиля, что говорит о благоприятном семейном окружении. Отношения между членами семьи строятся на внимании, заботе, взаимопомощи, ярко выражено чувство принадлежности к семье (Я – Мы). Показатель экс-

прессивности свидетельствует о том, что в семьях поощряется и разрешается действовать и выражать свои чувства открыто. Однако степень конфликтности показывает, что не приветствуется открытое выражение гнева, вербальной и невербальной агрессии, при возникновении разногласий члены семей стараются «сгладить острые углы» и сохранить хорошие отношения, в целом конфликтные взаимоотношения не характерны для семей. Направлениям личностного роста в семьях придается особое значение. Степень независимости свидетельствует о том, что во всех семьях поощряются стремления к самоутверждению, независимости при обдумывании проблем и принятии решений, проявления самостоятельности. Ориентация на достижения успеха к разным видам деятельности (учебе, работе и пр.) в семьях близка к нормативным показателям. В семьях считают важным быть лучшими в любом деле, чему придается характер соревнования. Интеллектуально-культурная ориентация семей показывает, что воспитанники интересуются и занимаются социальной, интеллектуальной, культурной и политической деятельностью, что приветствуется приемными родителями. Приемные семьи ориентированы на активный отдых, стараются принимать участие в различных видах отдыха и спорта. Показатели, отражающие морально-нравственные аспекты семьи, свидетельствуют о том, что в замещающих семьях обсуждаются и уважаются этические и нравственные ценности и положения.

Управление семейной системой. Степень организации различных дел и мероприятий показывает значимость для семей порядка и организованности в плане структурирования семейной активности, финансового планирования, ясности и определенности семейных правил и обязанностей. Степень контроля в обследуемых приемных семьях невысока, что свидетельствует о гибкости в установлении и соблюдении определенных правил, демократичности, доверительных, равноправных отношений, основанных на взаимном уважении друг к другу. Все члены семьи готовы к изменениям собственного поведения в соответствии с ситуационными требованиями.

Результаты исследования особенностей половой идентификации детей-сирот показали, что в большинстве случаев для подростков, воспитывающихся как в детском доме (42% мальчиков и 49,6% девочек), так и в обычных и приемных семьях, характерными являются проявления как мужских, так и женских качеств личности.

Смешение личностных качеств – андрогинность – чаще свойственна девочкам из приемных семей (52%) и обычных (52,3%), чем мальчикам из приемных (48,6%) и обычных семей (38,5%). Выявленный факт можно объяснить кризисом идентичности, который характеризуется активным поиском себя и своего места в группе сверстников, конфликтом между желаемым и действительным, появлением потребности примерить роли и особенности поведения лиц противоположного пола.

Проявление мужественности наблюдается почти у каждой четвертой девочки из детского дома (28%) и в 18% случаев из приемных и обычных (12%) семей. Женские свойства присущи каждому третьему мальчику, воспитаннику детского дома (33,4%), что позволяет говорить о недостаточности развития половой идентификации подростков. Черты личности, соответствующие полу, выявлены у каждого второго мальчика (51,4%) и у 30% девочек из приемных семей; в 61,5% случаев у мальчиков и в 35,7% случаев у девочек из обычных семей; у воспитанников детского дома: 24,6% мальчиков и 22,4% девочек.

Полученные результаты говорят о том, что для подростков, воспитывающихся в условиях семьи (обычной и приемной) в большинстве случаев психологический пол личности совпадает с биологическим полом 96% (наблюдаются возможные варианты андрогинности). У 1/3 воспитанников выявлено несоответствие психологического пола биологическому (16%), либо недифференцированность (20%), у остальных воспитанников наблюдается проявление различных вариантов андрогинности.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что своевременная правильно организованная психолого-педагогическая помощь замещающим семьям на основе результатов диагностики в виде индивидуальных консультаций, семинаров, лекций, коррекционных мероприятий будет способствовать предупреждению возможных серьезных проблем в межличностных взаимоотношениях членов семьи, конфликтных ситуаций, нарушений функционирования семейной системы.

Примечания

1. Бобкова Т. С. Роль приемной семьи в процессе становления полового самосознания подростков // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск: НПУ, 2010. № 2. С. 228–244.
2. Красницкая Г. С. Основные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Право на защиту, право на семью. М.: РОО «Право ребенка», 2001. С. 65.
3. Семья Г. В. Социально-психологические и организационные основы работы с замещающей семьей: метод. пособие. М.: Благотворительный фонд «СЛОВО» – ООО «СИМС». 1999. С. 127.
4. Бобкова Т. С. Указ. Соч. С. 228–244.

Качество материнской позиции у современных российских женщин

В данной статье предпринята попытка на основе семнадцати имеющихся эмпирических исследований материнства проанализировать и оценить такой важный его аспект, как материнская позиция у современных российских женщин, которая отражает специфику условий для развития ребенка и в которой взаимно переплетены две ее составляющие: пространство отношений матери к ребенку и пространство внутреннего мира женщины. Актуальность изучения качества материнской позиции продиктована увеличением фактов девиантных форм материнского поведения. В качестве единицы анализа материнской позиции использовано понятие «внутренняя позиция личности», введенное Л. И. Божович. С целью уточнения понятия «материнская позиция» приводятся его определения, данные разными авторами. Определено понятие «качество материнской позиции», которое рассматривается как многоуровневое образование, включающее в себя мотивационный, когнитивный и аффективный компоненты. Установлено, что для современных российских женщин характерна неоптимальная материнская позиция.

In this article attempt on the basis of the seventeen empirical studies of motherhood to analyse and assess such an important aspect of how a maternal position in modern Russian women, reflecting the specific conditions for the development of the child and in which two mutually intertwined components: the space of relations of mother-to-child and space of the inner world of women. The urgency of studying of quality of maternal behavior. As the unit of analysis of maternal position used the concept of "internal position of personality", introduced by L. I. Bozhovich. For the purpose of defining the term "maternal position" contains its definitions given by different authors. Define the concept of "Quality of maternal position", which is regarded as a multi-level education, which includes motivational, cognitive and affective components. It was found that for modern Russian women have sub-optimal maternal position.

Ключевые слова: внутренняя позиция личности, материнская позиция, качество материнской позиции.

Keywords: internal position of the person; the maternal position; the quality of maternal position.

Введение

Важность материнского поведения для развития ребенка доказана многочисленными исследованиями. При этом нельзя не согласиться с Г. Г. Филипповой [1], которая по праву считает, что психология материнства остается недостаточно разработанной областью современной науки в силу своей сложности.

Имеющиеся исследовательские работы (Т. В. Бармина, Н. Н. Васягина, А. А. Воронова, О. Г. Исупова, А. П. Князева, С. Ю. Мещерякова, И. В. Рамазанова, А. С. Спиваковская, С. В. Трушкина, Г. Г. Филиппова, М. Ю. Чибисова, В. А. Якупова и др.) позволяют говорить о необходимости рассмотрения как самостоятельной психологической категории такого аспекта материнства, как материнская позиция, как феномена, отражающего специфику условий для развития ребенка и как часть личностной сферы женщины-матери.

В настоящей статье предпринимается попытка обобщения и анализа имеющихся исследований материнства с целью уточнения понятия «материнская позиция». Отдельной линией анализа является оценка ее качества у современных российских женщин.

В отечественной психологии в последнее время появился ряд работ, связанных с проблемой «материнской позиции» (Т. В. Бармина, Е. И. Захарова, А. П. Князева, Ю. А. Торчинова, В. А. Якупова). Однако качество материнской позиции еще не стало предметом специального изучения. Актуальность изучения качества материнской позиции продиктована увеличением случаев девиантных форм материнского поведения: распространение отказничества, рост социального сиротства, частота фактов грубого насилия над детьми со стороны матери. Обращает на себя внимание и то, что все чаще современные матери стремятся как можно скорее дистанцироваться от ребенка и передают свои функции в руки помощников. Такое самоустранение, вероятно, отражает изменения, происходящие в мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфере современных женщин.

Как отмечают исследователи, в сознании многих современных женщин сложилась конфликтная конкуренция: материнство – собственный комфорт – профессиональный рост. Вследствие этого произошла значительная подмена домашнего материнского воспитания общественным, транслирующимся через систему детских дошкольных учреждений, школ, центров развития детей, групп продленного дня. Сегодня общество столкнулось с проблемой «инфантильные матери», которые не готовы к воспитанию детей. Все чаще наблюдается феномен «уклоняющееся материнство», проявляющееся в отсутствии бескорыстной, безусловной заботы о ребенке.

Итак, тема данного исследования обусловлена и ее актуальностью, и потребностью в более глубокой разработке данной проблематики, а именно в уточнении представлений о содержании материнской позиции и ее качестве, что и стало целью нашего исследования.

Предметом исследования является качество материнской позиции современных российских женщин, воспитывающих детей.

Определение понятия «материнская позиция»

В самом общем смысле материнская позиция – это динамическое явление, принадлежащее матери и реализующееся в системе материнско-детского взаимодействия.

В качестве единицы анализа «материнской позиции» целесообразно использовать понятие «внутренняя позиция личности», введенное Л. И. Божович, поскольку данное понятие, на наш взгляд, содержательно близко к понятию «материнская позиция». В отечественной психологии и раньше понятие «внутренняя позиция личности» использовалось как единица анализа психической реальности человека (Е. О. Смирнова, А. Е. Лагутина) [2]. Представляется, что именно «внутренняя позиция» позволяет точнее, чем любые другие понятия, подойти к акцентированию сущности материнской позиции, в которой взаимно переплетены две основные составляющие: пространство развития отношений матери к ребенку во внешней среде и пространство внутреннего мира женщины.

По определению Л. И. Божович «внутренняя позиция личности – это индивидуальные ценности и смыслы человека, его взгляды и отношение к миру, нормы, установки и мотивы» [3]. Данное понятие имеет и еще один важный смысловой аспект: «внутренняя позиция личности» – не навязанный внешним окружением, а принятый человеком выбор своего места в жизни, мотивированный внутренними побуждениями. Собственная позиция личности формируется через систему личностных смыслов. Личностные смыслы – это индивидуальные ценностные ориентации человека, которые он усваивает и создает с первых лет жизни. «Внутренняя позиция» выступает как нерасторжимая целостность и подразумевает единство мотивационного, аффективного и когнитивного компонентов.

Большинство авторов (Т. А. Нежнова, Н. Г. Салмина, И. Г. Тихонова и др.) [4], анализирующие понятие «внутренняя позиция», согласны в том, что это новообразование возникает при необходимости выполнять новую социальную роль (в нашем случае – роль матери) и предполагает рефлексивное различение Я-реального и Я-идеального.

Как же определяется «материнская позиция» авторами, исследующими данный феномен в рамках личностного подхода?

С точки зрения А. П. Князевой, «материнская позиция – это система отношений матери к конкретному ребенку, которая проявляется в качестве выполнения материнских функций и отражает внутренние субъективные переживания женщины, связанные с их выполнением» [5].

Т. В. Бармина трактует материнскую позицию как «особым образом организованную ценностно-смысловую сферу личности женщины, определяющую ее поведение в отношении ребенка» [6].

В. А. Якупова определяет материнскую позицию как «систему личностных отношений женщины к ребенку и материнству, которая во многом обуславливает поведение женщины и степень успешности освоения ею роли родителя» [7].

Материнскую позицию, указывает Э. Бадинтер [8], определяют ценности, установки, традиции и нормы культуры общества. То есть материнская позиция представляет собой результат присвоения личностью опыта социокультурной практики материнства, формируется в специфической деятельности по уходу за ребенком и его воспитанию, обусловлена культурными особенностями и детскими воспоминаниями матери о воспитании в ее собственной семье.

Однако на содержание материнской позиции, подчеркивает Н. Н. Васягина [9], оказывают влияние не только предшествующий опыт, но и актуальная жизненная ситуация (личностные особенности женщины, удовлетворенность материнской ролью, стаж материнства и др.). Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет утверждать: формирование и наполнение материнской позиции происходит на протяжении всего периода женского онтогенеза, начиная с раннего детства; лишь смысловое переживание материнства сопровождает отношение женщины-матери к конкретному ребенку как самостоятельной ценности и позволяет осуществлять

осмысленный выбор материнской позиции и стратегии материнского поведения, определяя качество выполняемых ею функций, обеспечивающих удовлетворение детских потребностей.

Основное изложение материала

Теперь обратимся к определению «качество материнской позиции». Качество в его философском понимании есть характеристика объекта (предмета, явления), слитая с ним определенность, общность и целостность всех его существенных свойств, которые придают ему относительную стабильность и отличают друг от друга [10]. Как внутренняя основная определенность качество делает вещь тем, что она есть; качество разграничивает вещи друг от друга, придает им их самостоятельность. Качество вещи не идентично определенным свойствам вещи, однако оно проявляется только в них. Свойство является внешней, качество – внутренней определенностью вещей. Следовательно, качество вещи проявляется лишь в его внешних связях, отношениях к другим вещам как совокупность свойств, указывает Х. Лили [11].

Качество в его современном понимании, отмечает В. И. Свидерский, связывается с системой отношений, соотносится с процессами. Оно рассматривается как единство элементов и структуры [12].

Таким образом, в общем виде качество объекта обнаруживается в совокупности его свойств. Если использовать логическое обобщение, то категория «качество» есть категория отношения чего-то к чему-то.

Следовательно, качество материнской позиции будет определяться нами как система отношений матери к ребенку, с одной стороны, и как отношение женщины к материнству и своим материнским функциям – с другой, и, с точки зрения А. С. Спиваковской [13], может оцениваться по двум осям: оптимальная и неоптимальная.

Изучив имеющиеся исследования материнства, мы попытались оценить качество материнской позиции как многоуровневого образования, включающего мотивационный, аффективный, когнитивный компоненты и определяющего поведение в отношении ребенка и себя у современных российских женщин-матерей.

Непосредственным смыслообразующим фактором материнской позиции выступает мотив материнства. «Вопрос о смысле есть всегда вопрос о мотиве», – указывал А. Н. Леонтьев [14].

О. Г. Исупова [15] называет следующие мотивы, принимаемые современными женщинами во внимание при решении вопроса о том, иметь или не иметь детей: 1) ребенок как ценность; 2) мужчина как ценность (очень многим женщинам не нужен ребенок, если не нужен его отец); 3) я сама как ценность (ребенок нужен для самоутверждения, своего собственного продолжения). Автор отмечает, что потребность в детях выступает не только как самостоятельный мотив, но средство удовлетворения множества других стремлений современных женщин.

Довольно много случаев фиксирует А. С. Спиваковская, когда женщина рождает ребенка просто потому, что вышла замуж и так положено иметь детей [16].

В исследовании С. В. Трушкиной (2010) установлено, что решение о рождении ребенка является полимотивированным, одним из наиболее распространенных мотивов у 78% женщин-испытуемых выступает установка на необходимость иметь детей, которая обусловлена социально нормативными представлениями о «нормальной» женщине: «Женщина должна иметь детей, хотя бы одного ребенка» [17].

Однако исследование С. В. Завражина (2009) на базе Владимирского государственного гуманитарного университета выявило, что, несмотря на то что все респондентки-студентки вуза высказали желание иметь детей, 78% из них не готовы жертвовать собой, своим временем, комфортом, удовольствиями ради детей. По их мнению, самовыражение личностей супругов важнее родительских обязанностей [18].

Имеющиеся в научно-публицистической литературе факты также свидетельствуют о том, что современные молодые люди крайне мало ориентированы на выполнение материнских и отцовских ролей. Функции матери не занимают центрального места в самосознании современной женщины: женщина рождает ребенка, но считает его обузой. Г. Г. Филиппова [19] подчеркивает, что негативное принятие материнской роли ведет к формированию конфликтного и тревожного образа ребенка, отсутствию эмоционального принятия себя как матери и дискомфортному отношению к собственной материнской позиции.

То есть присвоение материнской позиции – это не автоматический процесс, который запускается с рождением ребенка.

Трансформации подвергся и образ ребенка. Как пишет историк Ф. Ариес (1977), он стал мыслиться как докучливое создание, которое стараются «отодвинуть» даже чисто физически, уменьшая количество и качество телесного контакта, делая воспитание ребенка подобным технологическому процессу [20]. Данный тезис созвучен результатам недавнего социологического

исследования. Для 57% замужних женщин счастье – это любовь и уважение мужа [21]. Иными словами, с детьми хорошо, а без них еще лучше?

Имеющаяся эмпирическая информация о ценностных ориентациях городских жительниц России, полученная в течение 1999–2003 гг., также дает некоторые представления об их материнской позиции. В качестве базовых ценностей женщины называют детей (ранг 1) и семью (ранг 2). Как эти вербально выраженные ценности согласуются с реальным поведением женщин в повседневной жизни? Оказалось, основную часть свободного времени женщины направляют не на занятия с детьми, а на удовлетворение своих физиологических потребностей и досуга [22]. Вспомним, что в вербальной трактовке дети объявлялись респондентками как ценность номер один. Известно, в 30-х гг. «экономия» на затратах времени по уходу за детьми и их воспитанию вылилась в детскую беспризорность, сегодня мы столкнулись с тем же явлением.

В исследовании М. Ю. Чибисовой (2003) [23] в качестве значимых ролей испытываемые женщины, имеющие детей, называют роль женщины (ранг 1), роль жены (ранг 2), роль матери (ранг 3). Роль матери объявляется многими женщинами-респондентками наиболее предпочтительной социальной ролью. Для этих женщин характерно снижение значимости ролей, связанных с социальной активностью и профессиональной деятельностью, для них наиболее значимой обязанностью является «растить своего ребенка». При этом 60% из них наиболее значимым для себя правом называют право на свою свободу. Возникает закономерный вопрос, как матерям удастся (если удастся) разрешить данную дилемму? Наиболее важным своим достижением 66% женщин-матерей считают «успешных детей». Однако велика доля матерей (34%), не считающих ребенка достижением. Для них достижением являются успехи в реализации себя на поприще социальной деятельности. К сожалению, стремление к достижению личного успеха и независимости у значительной части современных российских женщин сопряжено с восприятием материнства как обузы, препятствия в профессиональном становлении [24]. У женщин, ориентированных на карьеру и социальную успешность, отмечается отчуждение от переживания материнской ментальности [25].

Результаты исследования И. В. Рамазановой (2008) свидетельствуют: в идеале современным молодым женщинам хотелось бы одновременно быть и хорошей матерью, и преуспевающей активной женщиной [26].

Полученные в исследовании Н. Н. Васягиной (2011) данные говорят о преобладании низкого уровня субъектности у 63% матерей от общей выборки, который характеризуется недостаточной дифференцированностью образа «Я-мать», отсутствием в образе «Я-мать» необходимого разнообразия характеристик, отражающих собственную позицию матери, непринятием роли матери и обесцениванием себя в роли матери; недостаточной воспитательной компетентностью, несформированностью воспитательных умений и навыков, позволяющих принимать эффективные решения при реализации воспитательной деятельности; отсутствием осознания посреднической функции между ребенком и социокультурным пространством. Было выявлено: при изменении стажа материнства изменяется эмоциональная окраска материнско-детских отношений, что выражается в снижении безусловного принятия ребенка и снижении взаимности отношений с ребенком по мере увеличения стажа материнства. То есть увеличение стажа материнства не приводит к совершенствованию матери как субъекта [27].

Возможно, данными факторами объясняются достаточно агрессивные формы материнского поведения в отношении детей. Так, по данным Г. Г. Силласте [28], в каждой четвертой российской семье имеет место насилие над детьми. Участились случаи умерщвления грудных детей. Примечателен тот факт, что в целом насильственные методы воспитания чаще допускают женщины (60,8%), а не мужчины. Родные матери виновны в 66% случаев физического насилия и в 75% фактов плохого ухода и пренебрежения детьми, подчеркивает Э. М. Кинард [29]. Некоторые исследователи видят причины этих явлений в нравственной деградации современных женщин. Отчасти это связано с тем, что материнство «помолодело», а в юном возрасте женщины недостаточно осознают ценность детей.

С точки зрения Е. И. Захаровой, для многих современных матерей особенно трудным оказывается принятие таких особенностей родительской позиции, как забота и ответственность [30]. И. В. Рамазанова утверждает [31], что женщины русского этноса находят приемлемыми для матери такие качества, как строгость, невмешательство в жизнь ребенка и некоторое равнодушие к нему.

С другой стороны, по сравнению с 60–70-ми гг. мы имеем некую чрезмерную вовлеченность современных матерей в материнство, во многом искусственно создаваемую и поддерживаемую самими женщинами-матерями [32]. Поскольку у матерей в 60–70-е и даже в 80-е гг. было мало свободного времени, дети воспринимались и реально были значительно самостоятельнее, чем сейчас. Более легкий нынешний быт разгружает женщину, поэтому многие современные матери

поглещены различными связанными с развитием детей делами так, что иногда не остается времени для работы и часто мешает взрослению детей. Скорее всего, это объясняется тем, полагает М. Ю. Чибисова [33], что современные женщины-матери видят себя не отдельными независимыми личностями, а неразрывно связанными, прежде всего, с ребенком. Многие матери соскальзывают с эффективных для семьи традиционных отношений (мать – ребенок – отец) на диадные мать – ребенок. А. А. Воронова (2008) констатирует: 2/3 замужних испытуемых женщин характеризуются высоким уровнем принятия ребенка и выраженностью симбиотического и инфантилизирующего отношения к нему; значительная часть женщин демонстрирует авторитарную гиперсоциализацию в отношении своих детей. Незамужним женщинам-испытуемым в большей степени свойственна эмоциональная дистанция в отношениях с ребенком, акцент в воспитании делается ими на достижения ребенка, а не на его принятие [34].

С. В. Трушкина (2010) [35] выделила шесть моделей материнского поведения, которые, на наш взгляд, можно рассматривать как материнские позиции:

- педагогическая модель, предполагающая ответственную, строгую, требовательную к себе и к ребенку мать, которая должна оцениваться социальным окружением как успешный родитель. Поэтому ей необходимо много заниматься с ребенком, развивая его, она является безусловным лидером в материнско-детских отношениях;
- психологическая модель, имеющая своей основой важность удовлетворения матерью эмоциональных потребностей ребенка – в любви, принятии, спокойствии, чувстве защищенности, благополучии, а также высокую ценность для матери индивидуальности ребенка. Мать склонна предъявлять высокие требования к себе как к родителю, а ребенка принимать таким, какой он есть;
- партнерская модель сводится к тому, что мать не должна постоянно решать за ребенка, что и как ему делать, ей нужно стараться как можно лучше понимать своего ребенка, проводить с ним много времени, играть, делать то, что приносит радость ребенку и ей самой. Она должна в равной степени заботиться о себе и о ребенке. Для него существует посильный минимум запретов и ограничений. Постоянного лидера в материнско-детских отношениях нет;
- феминная модель предполагает любящую, балующую, утешающую ребенка, создающую для него комфорт мать. При этом отвергается ответственность матери за воспитание и социализацию ребенка, поскольку это считается не материнскими функциями. Предъявление требований, запретов и наказаний – это обязанность отца, других членов семьи и педагогов в детских учреждениях. Мать должна позволять ребенку развиваться так, как он хочет;
- жертвенная характеризуется тем, что мать обязана всегда быть целиком, физически и эмоционально, предоставленной ребенку. Она должна все прощать ребенку, все разрешать, никогда не наказывать, быть терпеливой, спокойной, уравновешенной. Требований к ребенку в принципе не должно быть, так как его развитие «определяется генами». Роль лидера в материнско-детских отношениях отводится ребенку, мать занимает позицию ведомого, подчиненного;
- устраняющаяся модель по содержанию сходна с феминной позицией, но с более выраженной тенденцией видеть в матери лишь любящего, но не несущего никакой ответственности за происходящее с ребенком субъекта.

На основе характеристик данных моделей материнских позиций, нами было проведено анкетирование (2015) 200 женщин в возрасте от 24 до 35 лет, имеющих детей, с целью определения ими наиболее оптимальной материнской позиции. В качестве таковых большинство женщин-респонденток (84%) назвали педагогическую, партнерскую и психологическую позиции. Но был выявлен еще один результат: так, 61% анкетированных женщин, которые считали педагогическую, психологическую и партнерскую материнские позиции оптимальными, заявили, что описываемые в них отношения в реальности затруднительны и практически невозможны. Данный факт может говорить о нарушении материнской позиции.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что материнская позиция большинства современных женщин-матерей может быть оценена скорее как неоптимальная, поскольку:

- функции матери не занимают центрального места в самосознании женщины: обнаруживается непринятие роли матери и обесценивание себя в этой роли;
- обнаружена недостаточная дифференцированность образа «Я-мать», Я-реального и Я-идеального;
- желание иметь детей обусловлено социально нормативными представлениями о «нормальной женщине»;
- несмотря на то, что роль матери объявляется женщинами наиболее предпочтительной социальной ролью, в действительности она воспринимается ими как обуза, которая ограничива-

ет их свободу и препятствует профессиональному совершенствованию; большую часть свободного времени женщины-матери тратят не на занятия с детьми, а на удовлетворение своих физиологических потребностей и досуга, с одной стороны;

– с другой стороны, многие современные матери чрезмерно вовлечены в материнство, отмечается размытость личностных границ и детоцентрированность, при этом у женщин-матерей выражено снижение безусловного принятия ребенка, поскольку акцент ставится на достижениях детей;

– у матерей обнаруживается недостаточная воспитательная компетентность, несформированность воспитательных умений и навыков, что осложняет или делает невозможной реализацию таких оптимальных моделей отношений с ребенком, как педагогическая, психологическая и партнерская.

Поэтому социальная политика в современных условиях должна быть направлена не только на стимулирование рождаемости, а на создание условий, обеспечивающих всестороннюю подготовку женщин к материнству с учетом изменившегося положения женщин в обществе и их потребности в самореализации в различных сферах общественной жизни.

Примечание

1. Филиппова Г. Г. Психология материнства: учеб. пособие. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002.
2. Лубовский Д. В. Понятие внутренней позиции: культурно-историческая перспектива изучения личности школьника // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 2–8.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избр. психол. тр. / под ред. Д. И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001.
4. Нежнова Т. А. «Внутренняя позиция школьника» – понятие и проблемы // Формирование личности в онтогенезе: сб. науч. тр. / под ред. И. В. Дубровиной. М.: Изд-во АПН СССР, 1991. С. 50–61.
5. Князева А. П. Материнская позиция женщин, воспитывающих детей-инвалидов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2012.
6. Бармина Т. В. Материнская позиция как детерминанта самоопределения женщины: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Комсомольск н/Амуре, 2009.
7. Якупова В. А. Особенности становления внутренней позиции матери при использовании вспомогательной репродуктивной технологии ЭКО: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
8. Филиппова Г. Г. Указ. соч.
9. Васягина Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2011.
10. Кулайкин В. И. Категории качества и классификации понятий качества. URL: www.superinf.ru
11. Там же.
12. Свидерский В. И. О диалектике отношений. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
13. Сливаковская А. С. Как быть родителями. М.: Педагогика, 1986.
14. Леонтьев Д. А. Психология смысла. 2-е изд. М.: Смысл, 2003.
15. Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России // Социс. 2000. № 11. С. 90–97.
16. Сливаковская А. С. Указ. соч.
17. Трушкина С. В. Модели материнства у женщин с нормальным и нарушенным родительским поведением // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 95–105.
18. Завражин С. А. Матримониальные установки и представления студенток вуза // Психолого-педагогический поиск. 2009. № 3(11). С. 105–109.
19. Филиппова Г. Г. Указ. соч.
20. Ариес Ф. Открытие детства. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
21. Баженова О. В., Баз Л. Л., Копыл О. А. Готовность к материнству // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.
22. Караханова Т. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социс. 2003. № 3. С. 40–46.
23. Чибисова М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современных молодых женщин: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.
24. Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей // Социс. 2003. № 8. С. 126–129.
25. Филиппова Г. Г. Указ. соч.
26. Рамазанова И. В. Диагностика исследований представлений о материнстве у молодых женщин разных этносов (на примере женщин русского этноса и женщин народов Дагестана) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 181–187.
27. Васягина Н. Н. Указ. соч.
28. Силласте Г. Г. Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе // Социс. 1998. № 4. С. 62–72.
29. По: Алексеева Л. С. О насилии над детьми в семье // Социс. 2003. № 4. С. 78–85.
30. Захарова Е. И. Психологическое освоение родительства: научная моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2014.

31. Рамазанова И. В. Указ. соч.
32. Исупова О. Г. Указ. соч.
33. Чибисова М. Ю. Указ. соч.
34. Воронова А. А. Сравнительный анализ родительского отношения у незамужних и замужних матерей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 76–2. С. 70–75.
35. Трушкина С. В. Указ. соч.

УДК 159.9.072

Н. В. Цветкова

Прогностическая способность подростков с девиантным поведением

В статье рассматриваются вопросы девиантного поведения подростков, его взаимосвязь с развитием прогностической способности. Традиционное определение девиантного поведения как поведения, нарушающего общепринятые социальные, моральные и другие нормы, лежит в предметном поле этики, затрудняет понимание психологической сущности данного явления. Одним из конструктивных подходов к пониманию девиантного поведения представляется рассмотрение его детерминированности дефектом содержания сознания, который проявляется в недостаточной самоорганизации времени жизни и смысловой регуляции своих отношений с окружающими. Построение отношений с собой и миром возможно на основе планирования и целеполагания, предвосхищения и прогнозирования как структурных компонентов прогностической способности. В статье приводятся данные эмпирического исследования прогностической способности девиантных подростков в сравнении с их просоциальными сверстниками, в котором выявлены значимые различия двух групп респондентов в уровне развития прогностической способности, склонности к поиску ощущений.

The article deals with the issues of teenagers' deviant behavior, its interrelation with the development of their prognostic abilities. Deviant behavior is traditionally defined as behavior that violates generally accepted social, moral and other standards. The thing that deviant behavior lies in the subject field of ethics complicates the understanding of the psychological essence of the phenomenon. One of the constructive approaches to understanding of deviant behavior is to consider its determinacy due to the defect of the content of consciousness, which is manifested in lack of self-organization of life time, and conceptual regulation of teenagers' relationships with others. It is possible to build relationships with oneself and the world on the basis of planning and goal setting, using anticipation and prediction as structural components of predictive ability. The article presents the data of empirical study of deviant teenagers' predictive ability in comparison to the same of prosocial peers. The data reveals significant differences between the two groups of respondents in the development of prognostic abilities, and in the tendency to seek sensations.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиантные подростки, просоциальные подростки, прогнозирование, прогностическая способность, потребность в ощущениях, мотивационно-потребностная сфера.

Keywords: deviant behavior, deviant Teens, prosocial adolescents, prediction, predictive capability, the need for sensations, need-motivational sphere.

Масштабы и острота проблемы девиантного поведения подростков поставили ее сегодня в ряд первоочередных проблем общества в целом. Повышенный интерес исследователей к вопросам отклоняющегося поведения способствовал становлению новой научной дисциплины – психологии девиантного поведения.

Девиантное поведение традиционно рассматривается как поведение, нарушающее общепринятые социальные, моральные и другие нормы. Теоретический анализ понятия «норма» свидетельствует о его неопределенности как в терминологическом, так и в содержательном аспектах. Л. Б. Шнейдер [1] отмечает, что в контексте понятия возрастной нормы девиации являются неизбежным спутником подростничества, поскольку в нем происходит формирование главного возрастного новообразования – чувства взрослости, расширение границ индивидуального пове-

денческого опыта и социального взаимодействия. С этих позиций отклоняющееся поведение естественно и необходимо, естественен и интерес к нему родителей, педагогов, психологов, медицинских и социальных работников, представителей правоохранительных органов. Общественный характер нормативности также признается современными исследователями несостоятельным. В настоящее время констатируется ситуация размытости и поливариативности социальных норм, являющаяся неизбежным следствием глобализации мирового пространства. Процесс социальной и культурной диффузии, при котором в современных обществах все меньше становится общепринятых норм и правил, ведет к «иммунизации» общества к проявлениям отклонений от традиционных норм поведения и особому феномену формирования ценностно-смысловой сферы личности подростков – ценностной «мозаичности» и «пластичности» [2].

Подход к рассмотрению девиантного поведения на основе понятия нормативности лежит в предметном поле этики, затрудняя понимание собственно психологической сущности данного явления, на основе которой может строиться профилактическая и коррекционная работа с подростками. Именно с позиций выявления психологической сущности девиантного поведения нам представляются более конструктивными определения Л. Б. Шнейдер и Н. Р. Сидорова.

Л. Б. Шнейдер считает девиантное поведение результатом неуспешного личностно-сценарного построения жизнедеятельности, рассматриваемого в контексте времени, основанного на социопатической системе убеждений [3]. Н. Р. Сидоров определяет девиантное поведение как устойчивое деструктивное поведение индивида, последовательно нарушающее сложившуюся систему межличностных взаимодействий и общения в человеческой общности, к которой принадлежит он сам [4]. Оба определения близки, по нашему мнению, тем, что раскрывают психологический аспект девиантного поведения и рассматривают его детерминированность дефектом *содержания сознания*. В ряде работ прослеживается взаимосвязь девиантного поведения с дефектом *мышления* и недостаточным интеллектуальным развитием [5], однако практика дает многочисленные примеры девиантного (и делинквентного) поведения детей и подростков с сохранным интеллектом и хорошим уровнем его развития.

Довольно часто поступки девиантов с сохранным интеллектуальным развитием квалифицируются как немотивированные, лишённые смысла. «Действие же, – пишет Д. А. Леонтьев, – ориентирующееся на смысл, – это действие, которое ориентировано на всю систему отношений с миром в целом. Это поведение, в котором учитывается определенным образом вся система отношений с миром и вся дальняя временная перспектива. <...> Прямые выводы говорят о нарушении у делинквентных подростков временной перспективы, планирования и целеполагания, о снижении роли внутреннего мира в регуляции их жизнедеятельности, о суженном, упрощенном мировоззрении и сниженной когнитивной сложности <...> смысловая регуляция жизнедеятельности не является (у них) ведущей...» [6].

Причину девиантного поведения подростков Л. Б. Шнейдер видит в слабой связи прошлого и будущего (будущее неосознанно управляет прошлым), в короткой временной перспективе и ориентации на «легкую» жизнь, о прерывистости и ограниченности их настоящего. Исходя из этого, пути профилактики отклоняющегося поведения лежат, по мнению автора, в специальном обучении юношей рациональным способам планирования своей жизни или способам пространственно-временной организации деятельности личности, обеспечивающей достижение ее целей и реализацию смыслов [7]. И хотя С. Р. Сидоров в работах, к которым мы обращаемся в настоящей статье, не говорит прямо о способах предупреждения нарушений системы смысловых отношений к окружающим людям и себе как психологической основы девиантного поведения, можно допустить, что повышение саморефлексии и сознательное, смысловое (а не рассудочное) построение отношений с собой и миром возможно на основе планирования и целеполагания, предвосхищения и прогнозирования. Таким образом, мы приходим к категориям прогностической деятельности, прогностической способности, без которых, как полагаем, невозможна реализация идеи самоорганизации времени жизни (по Л. Б. Шнейдер) и смысловой регуляции своих отношений с окружающими (по С. Р. Сидорову) как одного из важных направлений профилактики девиантного поведения подростков. Обратимся далее к анализу категорий прогностической деятельности и прогностической способности.

Проблема прогнозирования рассматривается в психологии в различных аспектах. Для описания психических процессов и явлений, связанных с прогнозированием будущего, чаще всего используются термины «антиципация», «экстраполяция», «вероятностное прогнозирование», «опережающее отражение действительности», «прогностическая способность», «предвидение», «ожидание». Также к числу феноменов предвосхищения будущего относится установка, которая понимается как готовность действовать определенным образом в некоторой ситуации.

Прогнозирование, как пишет Л. А. Регуш [8], лежит в основе любой человеческой деятельности, поскольку ее неотъемлемой, существенной характеристикой является цель – она же и про-

гноз. Как и всякий прогноз, цель, будучи направленной на будущее, вместе с тем обусловлена прошлым. Говорить о прогнозе как основе для регулирования поведения и деятельности можно лишь во взаимосвязанной цепи элементов диагноз – прогноз – управление. В процессе целенаправленной сознательной деятельности осуществляется прогнозирование, что предполагает и формирует способность человека к прогнозированию. И как и любая способность, способность к прогнозированию зарождается, проявляется и формируется в деятельности.

Психологический подход к прогнозированию состоит в изучении прогнозирования как психической деятельности, тех свойств человека, которые влияют на успешность/неуспешность прогнозирования. Это один из аспектов психологии прогнозирования. Психологию прогнозирования интересуется человек как объект и субъект прогноза [9].

В рассмотрении различных форм опережающего отражения приоритеты отдаются изучению научного прогнозирования, хотя в практической жизни людей значимыми оказываются не только научные прогнозы, но и предвидения, и предчувствия. Эмпирические прогнозы в отличие от прогнозов-расчетов, построенных на теории, базируются на наблюдениях и эмпирических обобщениях, накопленных в повседневной практической деятельности [10].

В исследованиях Л. А. Регуш и ее коллег определена сложная структура способности прогнозирования, ее интегративный системный характер [11]. Рассматривая прогностическую способность на трех уровнях – сенсорно-перцептивном, представленческом и речемыслительном – решающим условием совершенствования прогнозирования в процессе возрастного развития автор считает качества мыслительной деятельности, отмечая также важность для успешности профессионального (педагогического) прогнозирования в системе «человек – человек» эмпирических обобщений, наблюдательности, эмпатии. Л. А. Регуш приходит к выводу о неравномерности возрастного развития способности прогнозирования, поскольку значимые изменения ее уровневых и структурных характеристик зафиксированы в период перехода от младшего школьного к младшему подростковому возрасту и от старшего подросткового к юношескому возрасту [12]. Это дает основания говорить о том, что в период от младшего до старшего подросткового возраста происходит аккумуляция количественных изменений прогностической способности, которые при переходе к юношескому возрасту обнаруживают себя значительными качественными сдвигами. Недостаточное же развитие способности к прогнозированию может быть одним из определяющих факторов подростковой девиантности.

Рассмотрим результаты эмпирического изучения способности к прогнозированию подростков с девиантным поведением в сравнении с их просоциальными сверстниками.

В психологическом исследовании приняли участие 54 испытуемых, из которых 16 – подростки 14–15 лет с девиантным поведением, посещающие клуб МКУ ОПМК «Перекресток» г. Кирова, и 39 подростков, учащихся МОАУ СОШ с УИОП № 60 г. Кирова в возрасте 14–15 лет. Нужно отметить, что, по мнению многих исследователей, проблема девиантного поведения касается в основном мальчиков. Именно этим объясняется преобладание в нашей выборке подростково-мальчиков – их было 87,5%.

Анализ анамнестических данных показал, что все девиантные подростки состоят на внутришкольном учете, 10% – на учете в комиссии по делам несовершеннолетних (КПДН), у 25% обследуемых, по данным классного руководителя, неудовлетворительная успеваемость.

Изучение прогностической способности с помощью методики Л. А. Регуш «Диагностика способности к прогнозированию» (рис. 1) показало, что большая часть просоциальных подростков (64,8%) имеет средний уровень способности к прогнозированию. В группе подростков-девиантов определяются только средний и низкий уровень – 56,25 и 43,77% соответственно, высокий уровень не выявлен совсем. Значимость различий в уровне развития прогностической способности подтверждается данными математической статистики ($U = 0,018$ при $p = 0,05$). Средний балл в группе просоциальных подростков составляет 8,5, что соответствует среднему уровню способности к прогнозированию. Это может проявляться в способности подростков видеть своё близкое будущее, предполагать о возможных состояниях будущего, основываясь на полученном опыте. В группе девиантных подростков средний балл равен 7,1, что соответствует низкому уровню.

Эти показатели, характеризующие развитие прогностической способности подростков-девиантов, свидетельствуют об их неспособности делать прогноз на будущее, представлять возможный результат деятельности до её осуществления. Для них характерна жизнь сегодняшним днём, желание хорошо выглядеть перед сверстниками, они не анализируют или не используют прошлый опыт. Полученные результаты согласуются с имеющимися литературными данными. Так, в исследовании А. В. Перегудова [13] у подростков с различными девиациями выявлены низкие показатели осознанной регуляции произвольной активности, неспособность к осознанному планированию, перестройке системы саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий.

Рис. 1. Способность к прогнозированию подростков с просоциальным поведением и подростков-девиантов

Высокий уровень прогностической способности у незначительной части просоциальных подростков (7,7%), что свидетельствует о незавершённости процесса формирования исследуемого феномена в рамках сензитивного подросткового возраста и находит подтверждение в литературных данных по проблемам формирования прогностической способности, представленных в работах Л. А. Регуш, Н. Р. Сидорова и др.

Способность к прогнозированию, являясь системным феноменом, обнаруживается в склонности к риску, к новым ощущениям. При желании удовлетворить какие-либо свои потребности подростку необходимо быть рассудительным и предусмотрительным, в противном случае он не способен сделать прогноз на будущее, его жизнь будет подчинена мотиву «здесь и теперь». Как показали данные эмпирического исследования (методика «Диагностика потребности в поисках ощущений». М. Цукерман), у подростков с просоциальным поведением определяются все три уровня потребности в поисках ощущений, преобладает средний уровень (66,7%). У подростков с девиантным поведением в равном количестве выявлены только средний и высокий уровни потребности в ощущениях (50%), а низкого уровня нет вообще (рис. 2). Различия между обеими группами респондентов статистически значимы ($U = 0,000$ при $p = 0,01$). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что девианты в большей степени склонны прямо удовлетворять свои желания, реагировать на стимулы. Можно предположить, что такое их поведение обусловлено сильным интересом к новому, неизведанному, к «щекочущим нервы» впечатлениям, и ввиду отсутствия страха все эти свои желания подростки осуществляют, участвуя в рискованных авантюрах и мероприятиях, не осознавая последствий, не прогнозируя возможных результатов.

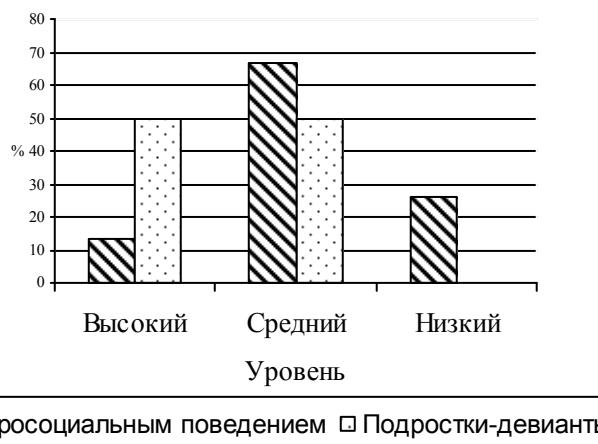

Рис. 2. Потребность в поисках ощущений подростков с просоциальным поведением и подростков-девиантов

Для определения взаимосвязи критериев способности к прогностической деятельности (методика Л. А. Регуш) и склонности к риску (методика М. Цукермана) был рассчитан коэффициент

ент корреляции Спирмена между данными этих методик. Величина коэффициента корреляции $r = -0,71$ при $p \leq 0,01$ свидетельствует о том, что в группе подростков-девиантов между уровнем способности к прогнозированию и уровнем потребности в поисках ощущений существует обратно пропорциональная зависимость: чем выше один показатель, тем ниже другой. В выборке про-социальных подростков такая взаимосвязь обнаруживается в качестве тенденции ($r = -0,08$).

Анализ причинно-следственных связей между высокой потребностью в поисках ощущений и низким уровнем способности к прогнозированию может стать предметом отдельного исследования. Но сама очевидность этой связи подтверждается существующими данными о том, что девианты в большей степени склонны прямо удовлетворять свои желания, у них преобладают ситуативно окрашенные мотивы, а временная перспектива ограничена лишь самым ближайшим будущим.

Обратимся далее к анализу мотивационных установок подростков («Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере», О. Ф. Потемкина).

Результаты сравнения социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере оказались неоднозначными (рис. 3). Различия в иерархии жизненных установок у подростков с отклоняющимся и про-социальным поведением незначительны ($U = 0,018$ при $p \leq 0,05$). Мы находим этому факту объяснение в том, что современные социально-экономические условия задают вполне определенный вектор формирования мотивационно-потребностной сферы, в которой преобладают прагматические установки, и их можно считать типичными для современных подростков. Доминирующие позиции у респондентов обеих групп занимают установки на процесс, результат и свободу.

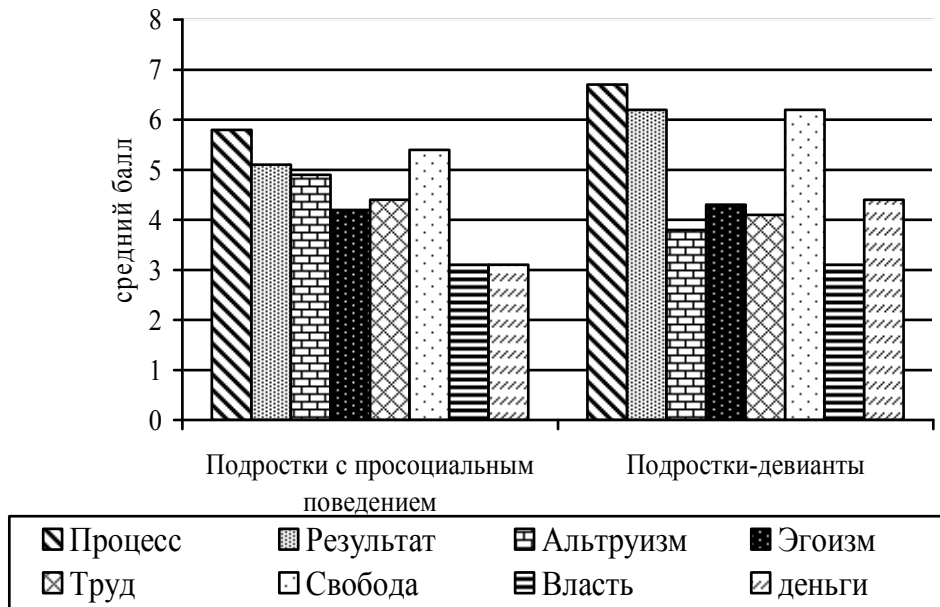

Рис. 3. Результаты диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере

Представляет интерес диаметрально противоположность рангов в про-социальной и де-виантной группах подростков таких ценностей, как деньги и альтруизм (см. таблицу). У девиантных подростков выше ориентация на деньги, при этом ценность социальных отношений, предпо-лагающих сознательную регуляцию (альтруизм), достаточно низкая.

Иерархия социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере девиантных и про-социальных подростков

Ранг	Девиантные подростки	Про-социальные подростки
1	Процесс	Процесс
2	Результат	Свобода
3	Свобода	Результат
4	Деньги	Альтруизм
5	Эгоизм	Труд
6	Труд	Эгоизм
7	Альтруизм	Деньги
8	Власть	Власть

Здесь нам видится непосредственная связь со способностью к прогнозированию. Деньги как материальная, «ощутимая» для девиантных подростков ценность направляет действия к ближайшей перспективе, и не всегда такие действия сознательно регулируются, прогнозируются. В дальнейшем недостаточность сознательного контроля и прогнозирования могут привести к более серьезным противоправным нарушениям.

Таким образом, использованные в эксперименте методики взаимно дополняют друг друга и позволяют получить более полное представление о степени развития способности к прогнозированию у подростков. Нарушение сознательной деятельности ведет к снижению способности субъекта к прогнозированию, что, в свою очередь, является психологической предпосылкой девиантного поведения.

Отметим в заключение, что создание психолого-педагогических условий для формирования у подростков прогностической способности является одним из способов профилактики отклоняющегося поведения. Способность прогнозирования неразрывно связана с успешностью самоорганизации времени жизни, о которой говорит Л. Б. Шнейдер [14], с умением прогнозировать не только свои действия, но и речь, ввиду того что очень важно, как наши слова будут восприняты другими.

Примечания

1. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Трикта, 2005. С. 10.
2. Алехин А. Н. Смысловые структуры образа мира как внутренние факторы саморазрушающего поведения современных подростков // Вестник герценовского университета. 2013. № 4. С. 100–109.
3. Шнейдер Л. Б. Указ. соч. С. 5.
4. Сидоров Н. Р. Психология девиантного поведения // Вестник практической психологии образования. 2008. № 2. С. 47–51.
5. Шипицына Л. М. Девиантное поведение подростков с отклонениями в психическом развитии и пути его профилактики // Поведение риска: современные направления исследования и профилактики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 февраля 2012 г. СПб.: НОУ «Институт специальной педагогики и психологии», 2012. С. 5–16; и др.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.
7. Шнейдер Л. Б. Указ. соч. С. 204–207.
8. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: способность, её развитие и диагностика. К.: Вища школа, 1997.
9. Латыпов И. Р. Проектирование профильных школ в условиях профильного обучения: лекция № 6 // Спорт в школе. 2006. № 4. С. 12–14.
10. Лезгина М. Л. Детерминация прогнозирования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1993.
11. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: способность, её развитие и диагностика; Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Изд-во «Речь», 2003.
12. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: способность, её развитие и диагностика. С. 60.
13. Перегудов А. В. Специфика индивидуально-психологических особенностей личности с различными видами отклоняющегося поведения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1(26). С. 201–208.
14. Шнейдер Л. Б. Указ. соч.

УДК 159.923:316.344.6

И. В. Перминова, Е. В. Сараева

Особенности локуса контроля, жизнестойкости и копинг-стратегий лиц с ограниченными возможностями здоровья

В статье анализируются особенности локуса контроля, жизнестойкости и копинг-стратегий лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Выявлена взаимосвязь жизнестойкости с локусом контроля и копинг-стратегиями лиц с ОВЗ. Чем выше жизнестойкость лиц с ОВЗ, тем выше их склонность приписывать себе ответственность за результаты своей деятельности. Нами установлено, что лица с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости склонны к большей ответственности за свое здоровье, чем лица с ОВЗ со средним и низким уровнями жизнестойкости. Лица с ОВЗ, имеющие высокие пока-

затели жизнестойкости, чаще используют такие продуктивные копинг-стратегии, как принятие ответственности, планирование решения проблем, положительная переоценка, и реже избегают проблемных ситуаций. Повысить жизнестойкость лиц с ОВЗ можно путем проведения тренинга.

The article analyses the peculiarities of locus of control, hardiness and coping strategies of disabled persons. We identified the relationship of hardiness with locus of control and coping strategies of persons with disabilities. The higher the hardiness of persons with disabilities, the higher the tendency to ascribe the responsibility for the results of their activities. Persons with a high level of hardiness are likely to take greater responsibility for their health than disabled persons with average and low levels of hardiness. Persons with a high level of hardiness are likely to use such productive coping strategies as taking responsibility, solution planning, positive revaluation and less often avoid problematic situations. To increase the hardiness of people with disabilities by training.

Ключевые слова: локус контроля, жизнестойкость, копинг-стратегии

Keywords: locus of control, hardiness, coping strategies

Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязи жизнестойкости, локуса контроля и копинг-стратегий лиц с ограниченными возможностями здоровья.

По мнению Т. Н. Адаевой, Т. А. Андреевой, В. В. Козлова, А. В. Смирнова и других авторов, инвалидность можно рассматривать как ненормативный кризис развития личности, который приводит к формированию новой социальной ситуации. Такой кризис характеризуется неопределенностью будущего, размытой жизненной перспективой, отсутствием возможности дальнейшей самореализации.

Инвалидом признается лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [1].

Чтобы успешно преодолеть кризис и приспособиться к жизни в обществе здоровых людей, нужно иметь такое личностное качество, как жизнестойкость, обеспечивающее способность успешно противостоять стрессовым факторам, сохраняя внутреннюю сбалансированность и успешность деятельности [2]. Данное качество является буфером против ощущения беспомощности, отчаяния, потери смысла в условиях инвалидности. По мнению М. Брукса, при хронических заболеваниях высокий уровень жизнестойкости обеспечивает позитивное восприятие болезни и лучшую психосоциальную адаптацию [3]. С. Нэги и Ч. Никс установили, что жизнестойкость взаимосвязана с поведением, направленным на профилактику болезней, и помогает снизить риск заболеваний [4]. Жизнестойкость как интегральное качество «помогает личности стать индивидуальностью, сформировать смысловые установки, самоутвердиться, найти себя, реализовать свои задатки и творческие способности, преобразуя при этом среду обитания под свои потребности» [5].

В своем исследовании мы придерживаемся позиции С. Мадди, который рассматривает жизнестойкость как «диспозицию, состоящую из трех сравнительно автономных компонентов: вовлеченности, контроля и принятия риска» [6]. Вовлеченность дает личности ощущение причастности, силы, мотивирует к реализации задуманных планов. Контроль предполагает путь борьбы, которая позволяет повлиять на результат происходящего, даже если данное влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Принятие риска заключается в уверенности в том, что все случившееся с человеком способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из позитивного или негативного опыта. Общий показатель жизнестойкости определяется выраженностью каждого компонента.

М. В. Логиновой [7] на выборке студентов было установлено, что существует взаимосвязь между жизнестойкостью и локусом контроля. Внутренний локус контроля как вера в себя, ощущение себя хозяином собственной жизни непосредственным образом связан с основными компонентами жизнестойкости. Жизнестойкие люди убеждены в том, что силы, определяющие их судьбу, находятся внутри них самих, они готовы к деятельности, связанной с преодолением трудностей, к самостоятельному планированию и ответственности.

Вышеуказанные убеждения в первую очередь необходимы людям с ОВЗ, так как эффективное лечение и преодоление стрессовых ситуаций, связанных с болезнью, требует принятия на себя ответственности за свое здоровье, за успешность адаптации. Интернальность содействует

выздоровлению, в то время как экстернальность препятствует ему. Установлено, что интерналы активнее экстерналов борются с соматическими заболеваниями. Например, диабетики-интерналы строже соблюдают диету, чем диабетики-экстерналы [8].

Жизнестойкость мотивирует индивида преобразовывать стрессогенные жизненные события [9]. Личности с высоким уровнем жизнестойкости используют продуктивные стратегии совладания с жизненными трудностями, направленными на активное изменение ситуации. Это обеспечивает успешную психологическую адаптацию в течение стрессового периода, внутреннее и внешнее благополучие личности.

Цель нашего исследования заключается в изучении особенностей локуса контроля, копинг-стратегий лиц с ОВЗ с разным уровнем жизнестойкости. Гипотезы исследования: чем выше жизнестойкость лиц с ОВЗ, тем выше их представление о себе как сильной личности и убеждение в том, что им дано контролировать свою жизнь; чем выше жизнестойкость лиц с ОВЗ, тем чаще они прибегают к продуктивным копинг-стратегиям, направленным на активное разрешение проблем.

В исследовании приняли участие 102 лица с ОВЗ (инвалида) в возрасте от 40 до 60 лет. Все испытуемые проходили реабилитацию в специализированном центре г. Кирова. В качестве психодиагностических методик был применен тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [10], тест-опросник «Уровень субъективного контроля» в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда [11], тест «Смыслжизненные ориентации» Д. Крамбо и П. Махолика в адаптации Д. А. Леонтьева [12], «Опросник способов совладания» в адаптации Т. Л. Крюковой [13]. При обработке данных применялся Н-критерий Крускала – Уоллиса, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

По результатам диагностики лица с ОВЗ были поделены на три группы: с высоким уровнем жизнестойкости (N = 33), со средним уровнем жизнестойкости (N = 36), с низким уровнем жизнестойкости (N = 33). Нами было выявлено, что по показателям жизнестойкости и локуса контроля у лиц с ОВЗ с разным уровнем жизнестойкости существуют статистически значимые различия.

На следующем этапе нами был проведен корреляционный анализ жизнестойкости и локуса контроля у лиц с ОВЗ во всех трех группах (табл. 1, 2).

Таблица 1

Результаты корреляции жизнестойкости и показателей локуса контроля (тест УСК)
у лиц с ОВЗ с разным уровнем жизнестойкости

Корреляции шкал		Группа с высоким уровнем жизнестойкости	Группа со средним уровнем жизнестойкости	Группа с низким уровнем жизнестойкости
Жизнестой- кость	Общая интернальность	0,470**	0,926**	0,615**
	Достижения	0,128	0,403*	0,250
	Неудачи	0,144	0,580**	0,312
	Отношение к здоровью	0,361*	0,115	0,014
Вовлечен- ность	Общая интернальность	0,245	0,696**	0,342
	Достижения	0,236	0,419*	0,082
	Неудачи	-0,209	0,449**	0,296
	Отношение к здоровью	0,384*	0,069	0,056
Контроль	Общая интернальность	0,271	0,793**	0,555**
	Достижения	0,033	0,443**	0,446**
	Неудачи	0,191	0,460**	-0,057
Принятие риска	Общая интернальность	0,357*	0,558**	0,098
	Отношение к здоровью	0,382*	0,037	-0,222

Примечание: ** – уровень значимости $p \leq 0,01$; * – уровень значимости $p \leq 0,05$

Представленные данные свидетельствуют о положительной связи общего показателя жизнестойкости с общей интернальностью во всех трех группах. Чем выше жизнестойкость, тем выше склонность приписывать себе ответственность за результаты своей деятельности в любых значимых ситуациях.

Только у лиц с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости выявлена положительная корреляция общего показателя жизнестойкости и его компонентов (вовлеченности и принятия риска) с интернальностью в отношении к здоровью. Как общий показатель способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, так и его компоненты, активная включенность в деятельность и восприятие любой ситуации в качестве стимула к развитию, содействуют повышению ответ-

ственности за свое здоровье. Если такие лица с ОВЗ больны, то думают, что выздоровление зависит от их действий, и соответственно принимают меры для улучшения своего здоровья.

У лиц с ОВЗ с высоким и средним уровнями жизнестойкости установлена положительная корреляция принятия риска с общей интернальностью. Чем выше способность воспринимать опасность как задачу для развития собственных возможностей, тем выше убеждение в умении управлять этой опасностью, контролировать ее.

В группе лиц с ОВЗ со средним уровнем жизнестойкости выявлена положительная корреляция общего показателя жизнестойкости с интернальностью в области достижений и неудач. Чем выше способность справляться с тяжелыми жизненными обстоятельствами, тем более развито чувство субъективного контроля по отношению к эмоционально положительным и отрицательным событиям в жизни. Связь общего показателя жизнестойкости с интернальностью в области достижений и неудач обусловлена вкладом вовлеченности и контроля, которые призваны способствовать сохранению здорового образа мыслей и поведения, чувства собственной значимости и ценности, а также поиску путей влияния на результаты стрессовой ситуации, в противоположность беспомощности и пассивности.

У лиц с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости установлена положительная взаимосвязь контроля с общей интернальностью и интернальностью в области достижений. Чем больше убежденность о возможности влиять на результаты стрессогенных изменений, тем выше их мнение, что они сами добились того хорошего, что есть в их жизни. В то же время интернальность в области достижений не уравновешивается интернальностью в области неудач, как это наблюдается у лиц с ОВЗ со средним уровнем жизнестойкости. Лица с ОВЗ данной группы приписывают себе ответственность только за достижения, считая, что не имеют отношения к отрицательным событиям в своей жизни. Они не признают свою роль в возникновении проблемы и собственную ответственность за ее решение. Они не стремятся к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, не готовы анализировать свое поведение, искать причины и трудности в личных недостатках и ошибках. Такие лица не преодолевают негативные переживания в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, не рассматривают проблему как стимул для личностного роста. Они не ориентированы на философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в контекст работы личности над саморазвитием.

Таблица 2

Результаты корреляции жизнестойкости и показателей локуса контроля (тест СЖО) у лиц с ОВЗ с разным уровнем жизнестойкости.

Корреляции шкал		Группа с высоким уровнем жизнестойкости	Группа со средним уровнем жизнестойкости	Группа с низким уровнем жизнестойкости
Жизнестойкость	Локус контроля – Я	0,810**	0,751**	0,443**
	Локус контроля – жизнь	0,671**	0,572**	0,291
Вовлеченность	Локус контроля – Я	0,551**	0,675**	0,280
	Локус контроля – жизнь	0,355*	0,431**	0,197
Контроль	Локус контроля – Я	0,435**	0,400*	0,434**
	Локус контроля – жизнь	0,628**	0,433**	0,299
Принятие риска	Локус контроля – Я	0,612**	0,367*	0,193
	Локус контроля – жизнь	0,479**	0,413*	0,138

Примечание: ** – уровень значимости $p \leq 0,01$; * – уровень значимости $p \leq 0,05$

В результате корреляционного анализа выявлена положительная взаимосвязь между общим показателем жизнестойкости и локусом контроля – Я во всех трех группах. Чем выше жизнестойкость, тем больше представление лица с ОВЗ о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора. С помощью Z-преобразования Фишера коэффициентов корреляции выявлено, что у лица с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости связь жизнестойкости с локусом контроля – Я статистически значимо выше, чем у лица с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости ($Z_{эмп.} = 2,66$; $p < 0,0078$). Также установлено, что у лиц с ОВЗ со средним уровнем жизнестойкости связь жизнестойкости с локусом контроля – Я статистически значимо выше, чем у лиц с низким уровнем жизнестойкости ($Z_{эмп.} = 2,04$; $p < 0,04$). На связь общего показателя жизнестойкости с локусом

контроля – Я влияет такой компонент жизнестойкости, как контроль. Убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, формирует представление о себе, как о сильном, уверенном в себе человеке, способном самостоятельно строить жизнь в соответствии с собственными целями и задачами [14].

У людей с ОВЗ, имеющих высокие и средние показатели жизнестойкости, выявлена положительная корреляция компонентов жизнестойкости «вовлеченность» и «принятия риска» с локусом контроля – Я. Чем выше вовлеченность и принятие риска, тем больше уверенность в своей силе, свободе выбора. С помощью Z-преобразования Фишера коэффициентов корреляции выявлено, что у лица с ОВЗ со средним уровнем жизнестойкости связь вовлеченности с локусом контроля – Я статистически значимо выше, чем у лица с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости ($Z_{\text{эмп.}} = 2,17$; $p < 0,03$). Также установлено, что у лиц с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости связь принятия риска с локусом контроля – Я статистически значимо выше, чем у лиц с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости ($Z_{\text{эмп.}} = 2,11$; $p < 0,03$).

Также у лиц с ОВЗ с высоким и средним уровнями жизнестойкости выявлена положительная корреляция общего показателя жизнестойкости и всех ее компонентов с локусом контроля – жизнь. То есть чем выше жизнестойкость и ее компоненты у таких лиц, тем чаще они свободно принимают решения, воплощают их в жизнь, меньше подвержены фатализму и убежденности в том, что их жизнь неподвластна сознательному контролю. С помощью Z-преобразования Фишера коэффициентов корреляции выявлено, что у лиц с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости связь жизнестойкости с локусом контроля – жизнь статистически значимо выше, чем у лиц с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости ($Z_{\text{эмп.}} = 2,09$; $p < 0,04$).

На следующем этапе нами был проведен корреляционный анализ копинг-стратегий и жизнестойкости лиц с ОВЗ во всех трех группах.

У лиц с ОВЗ с высоким уровнем жизнестойкости общий показатель жизнестойкости положительно коррелирует с копинг-стратегией «планирование решения» ($r = 0,36$; $p < 0,05$). Вовлеченность также взаимосвязана с планированием решения ($r = 0,42$; $p < 0,05$). Это можно объяснить тем, что вовлеченность поддерживает активность, деятельность лица с ОВЗ. Если человек готов заинтересованно участвовать в ситуациях повышенной для него сложности, то должен целенаправленно анализировать такие ситуации, вырабатывать стратегии разрешения возникших проблем и планировать собственные действия с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Контроль имеет обратную взаимосвязь с конфронтацией ($r = -0,38$; $p < 0,05$). Чем выше убежденность в контролируемости ситуации и своей способности добиться результата, тем ниже импульсивность в поведении, враждебность, трудность в планировании действий и прогнозировании их результата, неоправданное упорство и нецеленаправленная поведенческая активность.

Компонент «принятие риска» положительно взаимосвязан с копинг-стратегией «поиск социальной поддержки» ($r = 0,44$; $p < 0,05$). Чем выше готовность действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, тем чаще привлекаются социальные ресурсы, ведется поиск информационной, эмоциональной и действенной поддержки.

У лиц с ОВЗ со средним уровнем жизнестойкости выявлены положительные корреляции общего показателя жизнестойкости с такими копинг-стратегиями, как самоконтроль ($r = 0,37$; $p < 0,05$) и планирование решения ($r = 0,36$; $p < 0,05$). Чем выше жизнестойкость, тем чаще негативные переживания преодолеваются за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения. Такие лица контролируют свое поведение, стремятся к самообладанию. Они могут скрывать от окружающих свои переживания в связи с проблемной ситуацией. Также представители данной группы преодолевают проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, опыта и имеющихся ресурсов. Вовлеченность у таких лиц с ОВЗ положительно коррелирует с самоконтролем ($r = 0,37$; $p < 0,05$) и планированием решения ($r = 0,37$; $p < 0,05$). Чем выше вовлеченность, тем чаще человек прибегает к рациональному подходу и планированию в решении проблем.

В группе лиц с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости была выявлена отрицательная корреляция между компонентом «контроль» и копинг-стратегией «принятие ответственности» ($r = -0,58$; $p < 0,01$). Чем выше убеждение таких лиц в том, что можно повлиять на результат, тем реже они принимают на себя ответственность в трудной ситуации. Они не признают свою роль в возникновении проблемы, не стремятся к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, не готовы анализировать свое поведение, искать причины и трудности в личных недостатках и ошибках. Принятие риска имеет отрицательную корреляцию с по-

ложительной переоценкой ($r = -0,42$; $p < 0,05$). Чем выше готовность к риску, тем реже они прибегают к философскому осмыслению проблемной ситуации, включению ее в контекст работы над саморазвитием. В этом наблюдается противоречивость лиц с ОВЗ данной группы, так как жизнестойкость предполагает восприятие стрессовых событий как менее значимых за счет «положительной переоценки события с акцентированием внимания на личностном росте» [15].

Таким образом, существует взаимосвязь между уровнем жизнестойкости, локусом контроля лиц с ОВЗ и выбираемыми ими копинг-стратегиями. Чем выше жизнестойкость, тем выше представление о себе как сильной личности, вера в свои силы и способность контролировать события собственной жизни. Лица с ОВЗ с высоким и средним уровнями жизнестойкости имеют склонность к управлению своей жизнью, свободному принятию решений и воплощению их в жизнь. Лица с ОВЗ, имеющие высокие и средние показатели жизнестойкости, способны лучше справляться со стрессом, в отличие от лиц с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости, за счет выбора более продуктивных копинг-стратегий: планирования решения проблемы, поиска социальной поддержки и самоконтроля. Лица с ОВЗ с низким уровнем жизнестойкости не хотят принимать на себя ответственность за возникшие трудности, не признают свою роль в проблеме, не стремятся положительно переосмыслить проблему. Стремясь к риску, они не извлекают из опыта знаний, которые бы способствовали их развитию.

Компоненты жизнестойкости развиваются в детстве и отчасти в подростковом возрасте, но их можно корректировать на других возрастных этапах [16]. Повысить жизнестойкость лиц с ОВЗ можно с помощью тренинга по развитию ответственности за результаты своей деятельности, социальных навыков для поиска и восприятия социальной поддержки, умения контролировать и планировать собственные действия.

Примечания

1. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563; РГ. от 1995. 2 дек.
2. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
3. Brooks M. Health – Related Hardiness in Individuals with Chronic Illness//Clinical Nursing Research. 2008. Vol. 17. Issue 2. P. 98–117.
4. Nagy St., Nix Ch. L. Relations between preventive health behavior and hardiness// Psychological Reports. 1989. Aug. Vol. 65. № 1. P. 339–345.
5. Березкина О. А. Актуализация и развитие жизнестойких качеств личности будущих специалистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: Комсомольск н/Амуре, 2006.
6. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
7. Логинова М. В. Психологическое содержание жизнестойкости личности студентов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
8. Lefcourt H. M. Locus of control and coping with life`s events. – In: E. Staub (Ed). Personality: Basic issues and current research. Englewood Cliffs, 1980. P. 200–235.
9. Folkman S., Lazarus R. S. An analysis of coping in middle – age- community sample//Journal of Health and Social Behavior. 1980. Vol. 21. P. 219–239.
10. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Указ. соч.
11. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Т. 5. № 3. 1984. С. 152–160.
12. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
13. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2007.
14. Маракулина И. В., Сараева Е. В. Особенности локуса контроля инвалидов с разным уровнем жизнестойкости // Психология саморазвития человека: материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров, 2014. С. 148–152.
15. Наливайко Т. В., Шакурова З. А. Особенности проявления жизнестойкости в структуре социально-психологических свойств личности студентов // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 27. С. 44–49.
16. Khoshaba D., Maddi S. Early Experience in Hardiness Development // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51. № 2. P. 106–116.

К вопросу о проблемах правоприменения законодательства о защите прав потребителей в сфере оказания туристских услуг

Проблемы в сфере оказания туристических услуг предопределили необходимость очередного изменения действующего законодательства, в частности усиления ответственности туроператоров выездного туризма. В статье рассматриваются некоторые проблемы правоприменения законодательства о защите прав потребителей в сфере туристских услуг, а также законодательные инициативы по вопросам увеличения размера финансового обеспечения, введения фонда персональной ответственности туроператора и замены компенсационного фонда резервным, вопросы, связанные с реализацией указанных изменений.

Problems in sphere of rendering of tourist services has determined the need for further changes to the current legislation, in particular, strengthening of responsibility of tour operators of outbound tourism. The article discusses some problems of enforcement of the legislation on protection of the rights of consumers in sphere of tourist services, as well as legislative initiative on increasing the amount of financial security, the introduction of the Fund personal liability of the tour operator and replacement of the compensation Fund reserve, the issues related to the implementation of these changes.

Ключевые слова: компенсационный фонд, туроператор, турист, объединение туроператоров, реестр туроператоров, финансовое обеспечение.

Keywords: compensational fund, tour operator, tourist, association of tour operators, register of tour operators, financial security.

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о зпп) [1] является одним из самых часто применяемых российских законов. Законодательство о защите прав потребителей регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, на получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав. Многие отношения, на которые распространяется действие Закона о зпп, регулируются специальными законами.

Основой правового регулирования отношений в области защиты прав потребителей в сфере туристских услуг является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] и Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о туризме) [3].

Самым часто нарушаемым правом является право потребителей на получение надлежащего качества туристических услуг. В соответствии с пунктом 17 Правил оказания услуг по реализации туристского продукта, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2007 г. № 452 (далее – Правила № 452) [4], потребитель имеет право на получение туристского продукта, качество которого соответствует обязательным требованиям, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также договору о реализации туристского продукта. Услуга признается качественной, если она соответствует критериям, указанным в Законе о туризме, ст. 4 Закона о зпп и прежде всего она должна соответствовать условиям и требованиям договора о реализации туристского продукта.

Исполнитель обязан своевременно информировать потребителя о том, что соблюдение указаний потребителя и иные обстоятельства, зависящие от потребителя, могут снизить качество туристского продукта или повлечь за собой невозможность оказания услуг, входящих в туристский продукт, в сроки, указанные в договоре о реализации туристского продукта.

Если потребитель, несмотря на своевременное и обоснованное информирование исполнителем, в разумный срок не изменит указаний о способе оказания услуги либо не устранит иные обстоятельства, которые могут снизить качество туристского продукта, то исполнитель может отказаться от исполнения договора о реализации туристского продукта и потребовать полного возмещения убытков, так как именно он будет нести ответственность за некачественные услуги независимо от выполнения указаний потребителя. При нарушении прав потребитель вправе обратиться к туристской организации с требованиями, указанными в ст. 18 Закона о зпп.

Согласно п. 21 Правил № 452 претензии в связи с нарушением условий договора о реализации туристского продукта предъявляются потребителем исполнителю в порядке и на условиях, которые предусмотрены ГК РФ и Законом о зпп. Претензии относительно качества туристского продукта предъявляются туроператору в письменной форме в течение 20 дней с даты окончания действия договора о реализации туристского продукта и подлежат рассмотрению в течение 10 дней с даты получения претензий.

В соответствии с положениями Закона о зпп исполнитель несет ответственность: за ненадлежащую информацию о туристском продукте и исполнителе, в том числе за причинение вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие непредоставления ему полной и достоверной информации; за реализацию туристского продукта, содержащего в себе недостатки, в том числе за нарушение требований к качеству и безопасности туристского продукта и т. д.

Потребитель также может потребовать от исполнителя возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора о реализации туристского продукта, а если договор заключен, то он может в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за услуги суммы и возмещения других убытков, если ему не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о туристском продукте [5].

Исполнитель освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств перед потребителем, если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным федеральными законами (п. 22 Правил № 452).

В случае нарушения исполнителем Правил № 452 исполнитель несет административную, уголовную или гражданско-правовую ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 23 Правил № 452). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность должностных и юридических лиц за нарушение законодательства о туристской деятельности (ст. 14. 51) [6]. За оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена уголовная ответственность [7]. Контроль и надзор за соблюдением Правил № 452 осуществляют федеральный орган исполнительной власти и его территориальные органы, на которые возложены функции по контролю и надзору в сфере защиты прав потребителей и потребительского рынка.

Таким образом, Законом о зпп предусмотрено достаточное количество механизмов защиты прав потребителей. В судебном порядке может быть установлено, что права потребителя действительно нарушены, тогда у исполнителя могут возникнуть дополнительные неблагоприятные последствия, которых можно было бы избежать, удовлетворив требования потребителя добровольно.

Теперь обратимся к самым последним организационно-правовыми решениям руководства нашей страны в сфере реформирования туристического законодательства. 22 сентября 2015 г. на сайте Президента России опубликован список поручений, подписанных Владимиром Путиным по итогам состоявшегося 17 сентября 2015 г. заседания президиума Госсовета по развитию туризма [8]. В перечне затронут ряд важных вопросов, требующих решения в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования и защиты прав потребителей в сфере туристских услуг.

Президент РФ дал распоряжение о разработке новых поправок к Закону о туризме, направленных на развитие внутреннего и въездного туризма. Эти поправки должны появиться уже к 1 марта 2016 г. Ранее предполагалось, что в ноябре 2015 г. будут рассмотрены и приняты сразу во втором и третьем чтениях горячо обсуждаемые весь 2015 г. поправки, ужесточающие ответственность участников туррынка. Получается, что планируется внесение два раза подряд масштабных изменений в отраслевое законодательство. «Законопроект, направленный на усиление ответственности туроператоров, который по сути является рефлексией на события прошлого

года, сильно запаздывает и становится все менее актуальным. Развитие внутреннего и въездного туризма сейчас имеет куда большую значимость. Поэтому не исключено, что этот тренд окажется на первом плане или что даже оба этих документа объединят в один законопроект, который будет принят в следующем году. Возможно даже, что таким образом удастся инициировать создание нового отраслевого закона, который заменит действующий, уже давно не соответствующий реалиям времени», – поделился мнением заместитель министра культуры Московской области Георгий Мохов [9].

Однако, пожалуй, самой срочной задачей, поставленной Президентом РФ Владимиром Путиным, является представление предложений по упрощению или отмене визового режима для туристов из стран БРИКС и иных государств – срок исполнения 30 октября 2015 г. Далее, к 1 ноября при Правительстве РФ должен быть создан Координационный совет по развитию внутреннего и въездного туризма, предполагается, что его возглавит один из заместителей Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева. А к декабрю 2015 г. должен быть разработан комплекс мер, необходимых для развития речных и морских круизов в России. До конца 2015 г. должны быть разработаны предложения по аттестации гидов и экскурсоводов, налоговому стимулированию туробъектов, предоставлению грантов лучшим проектам по въездному и внутреннему туризму, по возможности продажи алкоголя в санаторно-курортных учреждениях [10].

Кроме этого президент поручил проработать вопрос создания единого федерального реестра турагентов путем внесения соответствующих поправок в законодательство. Речь идет об установлении минимального порога вхождения в турбизнес, который отсутствовал после упразднения лицензирования в 2007 г. Турагентства неоднократно просили вернуть лицензирование, но этого не происходит, так как это противоречит имеющимся установкам на снижение административной нагрузки на малый бизнес. Впрочем, есть и скептики, которые считают, что членство в реестре может превратиться в формальность, которую легко обойти.

Одним из возможных вариантов решения проблем правоприменения законодательства о защите прав потребителей в сфере оказания туристских услуг является создание компенсационного фонда для турагентств. Эта идея появилась во властных структурах после того, как на этапе обсуждения поправок в Закон о туризме [11] были отвергнуты предложения обязать турагентства вступать в СРО, членство в которых предусматривает взносы (обсуждалась сумма не менее чем 30 тысяч рублей в год). Такая сумма может поставить на грань закрытия большое количество турагентств, уже сейчас владельцы многих туркомпаний, проработавшие в отрасли по 15–20 лет, задумываются о закрытии своего бизнеса.

Таким образом, поручения президента, хотя они и не являются нормативными документами, прежде всего направлены на решение правовых проблем, возникших в сфере оказания туристских услуг в последнее время и на защиту прав потребителей этих услуг. Очевидно, что предлагаемые меры в целом направлены на совершенствованию туристской отрасли, их выполнение, бесспорно, послужит новым импульсом для ее развития, а выиграют от этого прежде всего российские туристы.

Примечания

1. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей: принят ГД ФС 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 13.07.2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): принят ГД ФС 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: принят ГД ФС от 24. 11. 1996 г. № 132-ФЗ; ред. от 03.05.2012 г. // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.
4. Правила оказания услуг по реализации туристского продукта, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2007 г. № 452 Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Семенихин В. В. Защита прав потребителей. Правовое регулирование отношений в области защиты прав потребителей. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2015. С. 52–53.
6. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: принят ГД ФС 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г., с изм. от 14.07.2015 г.) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят ГД ФС от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13. 07.2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Перечень поручений по итогам заседания президиума Государственного совета. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/50341>

9. URL: <http://www.tourdom.ru/news/putin-poruchil-razrabotat-novye-popravki-v-otraslevoe-zakonodatelstvo.html>

10. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012 г.) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

11. Проект Федерального закона № 677890-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности участников туристского рынка и повышения уровня правовой защиты туристов, выезжающих за пределы территории Российской Федерации»: ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении, 25.02.2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 368.023.32

М. М. Мухлынина

Актуальные вопросы правового регулирования накопительного и рискованного страхования жизни

Несомненно, возникновение института накопительного и рискованного страхования жизни обусловлено социально-экономическими тенденциями, связанными с повышением материальной ответственности граждан и юридических лиц, например целью страхования жизни может быть и смягчение финансовых последствий из-за смерти родственника, и, независимо от неблагоприятных обстоятельств, возможность накопить определенную денежную сумму к установленному сроку.

Однако для успешного развития данного вида страхования необходимо: продолжить совершенствование системы урегулирования убытков, в которой в настоящий момент отсутствует четкая процедура определения размера ущерба и сроков выполнения страховых обязательств; создать более эффективную правовую преграду страховым мошенникам как для страхователей и пострадавших, так и страховщиков и их агентов; экономически обосновать величину тарифной ставки и корректирующих коэффициентов и др.

Undoubtedly, the emergence of the institution of cumulative and non-life insurance life due to socio-economic trends associated with the increasing financial responsibilities of citizens and legal persons, for example, the purpose of life insurance can be and mitigating the financial consequences as the death of a relative, and regardless of adverse circumstances, the opportunity to accumulate a certain amount of money by the deadline.

The purpose of life insurance can be and mitigating the financial consequences as the death of a relative, and regardless of adverse circumstances, the opportunity to accumulate a certain amount of money by the deadline.

However, for the successful development of this type of insurance should: continue to improve the system of settlement of losses, which at the moment there is no clear definition of damage extent and timing of insurance liabilities; to create more effective legal obstacle for insurance fraud, as policyholders and injured, and insurers and their agents; cost-justify the value of the tariff rate and the correction factors, etc.

Ключевые слова: накопительное и рискованное страхование жизни, страховая защита.

Keywords: cumulative and non-life insurance life, the insurance cover.

В современных условиях важным направлением развития страхового законодательства является нормативно-правовое обеспечение накопительного и рискованного страхования жизни. Отсутствие законодательного определения ряда понятий, условий, процедурных положений в правовом регулировании системы накопительного и рискованного страхования жизни затрудняет реализацию целей и задач страхового законодательства в целом.

Основная задача любого вида страхования – страховая защита. К страхованию жизни относят те виды страхования, где в качестве объекта страхования выступает имущественный интерес в отношении жизни человека (ст. 4) [1]. Например, страхование детей к бракосочетанию (свадебное страхование), к совершеннолетию детей, к получению высшего образования, к приобретению жилья в определенном возрасте, к выходу на пенсию или получению пенсии и т. д.

В контексте выплаты страхового возмещения существенно различаются накопительное и рискованное страхование (ст. 421) [2].

Рискованное страхование жизни подразумевает страховую защиту от смерти, то есть риска. В такие договоры могут дополнительно включаться страхование от несчастных случаев и болез-

ней, страхование на случай инвалидности или на случай смертельно опасных заболеваний. Договор рискованного страхования действует в течение определенного срока по соглашению сторон. Если за этот срок наступает страховой случай, то застрахованный (выгодоприобретатель) получает страховое возмещение. Накоплений по договору не образуется. Если за время действия договора страхового случая не произошло, страховая компания страхователю ничего не выплачивает. Основным видом рискованного страхования жизни является срочное страхование на случай смерти.

Рискованное страхование удобно в тех случаях, когда вам необходимо защитить себя на определенный промежуток времени. Например, при поездке за границу – на время путешествия или отправки в горячую точку.

А если к стандартным условиям рискованного страхования жизни добавить возможность накопления средств и получения гарантированных сумм по окончании срока действия договора, то это уже будет относиться к накопительному виду страхования жизни.

Основная задача накопительного страхования жизни не доход, а защита и создание подушки безопасности. Это один из наиболее консервативных инструментов инвестирования, который дает минимальную доходность, но при этом гарантирует сохранность средств страхователя, а также защиту от риска. Накопительное страхование жизни – это сочетание страхования жизни с программой накопления, сохранения и увеличения капитала страхователя.

Во время заключения такого договора страхования страхователь сам выбирает, какую именно сумму и за какой период он желал бы накопить. Договор заключается со страховой компанией, как правило, на длительный (пожизненный) срок, и страхователь регулярно вносит страховые премии. В этом случае взносы страхователя делятся на две части, одна из которых идет на страхование жизни, а вторая аккумулируется на счете страхователя. Накопленные деньги компания инвестирует в различные инструменты, ежегодно начисляя страхователю определенный процент (гарантированный доход), который также состоит из двух частей. Во-первых, это доход, который гарантирует страховая компания. Обычно он составляет примерно 3–4% годовых. Во-вторых, это дополнительный доход, который будет напрямую зависеть от результатов инвестиционной деятельности страховой компании. Он может составить как 6, так и 12% годовых, а также может быть и 0%, если компания неудачно вложила деньги.

По окончании срока договора, если у страхователя не произошел страховой случай, то он получит предусмотренную договором страхования сумму с накопленными процентами. Так как накопительная составляющая комбинируется с рискованной, полис предусматривает страхование жизни страхователя. При внезапном наступлении страхового случая выплачивается сразу вся страховая сумма по принципу рискованного страхования независимо от того, сколько взносов уже сделано.

Накопительное страхование жизни заключается на случай достижения застрахованным лицом определенного возраста. Но в случае смерти до достижения им этого возраста наследникам или иным указанным в договоре лицам выплачивается не накопленная сумма, а указанная в договоре [3]. В этом и состоит защита – заранее известно, сколько денег будет получено в случае смерти независимо от того, сколько их будет накоплено. Страховщик знает, сколько он должен уплатить, но точно не знает, когда он должен произвести выплату и сколько к этому времени он получит денег. Для этого он вынужден из полученных денег формировать резервы, величина которых рассчитывается с использованием статистики страховых случаев (так называемых таблиц смертности).

Заключение договора подобного вида страхования жизни обычно занимает до двух месяцев, так как нередко перед этим нужно пройти медицинское обследование. При наличии тяжелых заболеваний страховщики, как правило, отказываются заключать такой договор.

Основные различия рискованного и накопительного страхования жизни

Рискованное страхование	Накопительное страхование
Заключается страховка на небольшой срок	Заключается страховка на десятки лет (пожизненное страхование)
Имеет только функцию защиты от риска	Защищает от риска и одновременно позволяет делать накопления
Не предполагает периодических выплат после окончания страхования и возвращения денег	Гарантированное начисление доходности на накопления по договору; позволяет забрать все накопленные деньги сразу на момент окончания договора
Если клиент в течение срока действия страховки остается жив, его деньги становятся собственностью рискованной страховой компании	По окончании срока действия договора клиент получает оговоренную сумму с процентами, если с ним ничего не случается

Приведенное здесь обоснование наличия элемента случайности в накопительном страховании жизни не поддерживается некоторыми авторами. В частности, С. В. Яковлева указывает, что виды накопительного страхования с выплатой накопленной суммы в случае смерти распространены в странах с развитым накопительным страхованием. Однако и этот автор не отрицает наличия элемента случайности в накопительном страховании и именно в этом видит его отличие от банковского вклада, правда, объясняет она это иным образом [4].

Резюмируя вышеизложенное, можно указать: главное принципиальное различие накопительного и рискованного страхования жизни состоит в том, что программа накопительного страхования не просто гарантирует получение компенсации при наступлении страхового случая, но и обеспечивает прирост страхового возмещения. При обычном рискованном страховании сумма страхового возмещения оговаривается заранее и складывается исключительно из взносов страхователя [5].

Примечания

1. Российская Федерация. Законы. Об организации страхового дела в Российской Федерации: [принят ГД ФС 27 ноября 1992 г.; ред. от 04.06.2014 г.] // СЗ РФ. 2010. № 4015-1. Ст. 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: [принят ГД ФС 22 декабря 1995 г.; ред. от 25.07.2014 г.] // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Там же. Пункт 1 ст. 934, п. 1 ст. 947.
4. Яковлева С. Правовая квалификация накопительного страхования жизни // Страховое право. 2009. № 4. С. 18.
5. Фогельсон Ю. Б. Страховое право: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма, Инфра-М. 2012. С. 26.

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КНИГИ

Е. Е. Сапогова

«ЗАБОТА О СЕБЕ»: АВТОПОСТРОЕНИЕ ЖИЗНИ КАК СМЫСЛОВОЙ СИСТЕМЫ*

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он делает себя сам.

Ж.-П. Сартр

Твои мысли становятся твоей жизнью.

Марк Аврелий

Любой взрослый человек является центром собственной жизни и, осознавая свою единичность и временность/конечность существования в мире, испытывает необходимость закреплять, верифицировать, удостоверять собственное бытие (Мамардашвили, 1996; Мамардашвили, Пятигорский, 1971). Один из возможных путей для этого – конструирование и рассказывание автобиографических и квазибиографических личных историй.

Свою наиболее завершённую форму такое самовывыговаривание получает в автобиографировании, результатом которого становится удовлетворяющая автора на момент повествования *текстовая идентификация его жизни*. Автобиографирование выступает как процесс и результат постоянно текущего во внутреннем плане сознания герменевтического процесса *индивидуации* – выстраивания и фиксации собственного самобытного «Я» (часто – в форме гипоплеписа (Ассман, 2004) – непрерывно продолжающегося внутреннего диалога). В нём человек не просто систематизирует и упорядочивает амплифицированные в смысловом и эмоциональном плане эпизоды жизни, но «принуждает смыслы существовать через себя» (Бадью, 2004), создавая *новые субъективные семантические единства (смысловые синтагмы)*, отражающие его пристрастное отношение к собственной жизни и жизни вообще (отношение «Я как субъект собственной жизни»).

Каждая из биографических историй, о чём бы в ней не повествовалось, в своей основе является последовательностью реальных эпизодов прожитой жизни, пристрастно отобранных, семантически обогащенных, наделенных личностными смыслами, отражающих и презентующих другим текущие представления субъекта о том, что есть «Я» и что есть «моя жизнь». Эти эпизоды очень разнообразны по своему психологическому содержанию. Они могут включать как происшествия жизненного пути и реальные ситуации взаимодействия, так и возникающие по их поводу и вне повода мысли, чувства, ассоциации, впечатления, аллюзии, переносы, литературные прецеденты, воспоминания, образы сновидений, чужие идентификационные образцы и пр. – пережитые или просто заимствованные и впоследствии ставшие неразличимыми от собственного «Я» – «своим – чужим» (Бахтин, 1979, с. 371).

Осуществляемый во внутреннем плане сознания, в процессе повседневной коммуникации или в ходе диалога с консультантом рефлексивно-герменевтический процесс автобиографирования упорядочивает, фиксирует и «высвечивает» (термин М. Хайдеггера) для самого субъекта и его социального окружения результаты самопонимания и рефлексии проживаемой жизни и поз-

* С разрешения Е. Е. Сапоговой мы публикуем первую главу из ее новой книги: Сапогова Е. Е. Семантика личной жизни: экзистенциально-нарративный анализ автобиографических историй: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. 185 с. ISBN 978-5-7679-2866-8. Публикуемая глава «“Забота о себе”: автопостроение жизни как смысловой системы» (с. 11–34 указ. соч.), как и книга в целом, представляет несомненный интерес не только для профессиональных психологов, но и для исследователей многих других гуманитарных направлений. Содержание публикуемого текста привлекает своей новизной, глубиной и системностью анализа изучаемых феноменов, и, что принципиально важно, «заботой о человеке», осуществляющем через автобиографические повествования осмысление и построение своей жизни.

воляет субъекту ассимилировать, строить и транслировать вовне приемлемую версию себя. Фактически, в автобиографировании человек, следуя своей «субъективной правде» (Калмыкова, 2012, с. 39), разделяет непрерывно текущий процесс жизни на отдельные завершённые фрагменты и тем самым упорядочивает и осмысляет их, поскольку только конечным эпизодам можно придать смысл, а «что не имеет конца – не имеет и смысла» (Лотман, 1994, с. 417). Потенциально любому вычлененному из опыта «конечному» эпизоду может быть придан необходимый человеку смысл, и, как правило, это приводит к более целостному, «стереоскопическому» восприятию себя и своей жизни, помогает открывать новые пространства самовоплощения.

В научно-психологическом контексте мы предлагаем рассматривать автобиографирование как одну из возможных практических форм «заботы о себе». В идею «заботы о себе» входит всё то, что человек способен отрефлексировать как *необходимое именно ему*, совершаемое *исключительно «ради самого себя»* – не столько даже на уровне поддержания здоровья и жизнедеятельности, сколько для переживания внутреннего благополучия и конгруэнтности с миром, для развития своей самости и «жизни духа» (Иванченко, 2009; Петрова, 2009; Пичугина, 2012; Соловьев, 2006; Фуко, 2007). Осознавая своё существование как собственную задачу – «что нам, людям, можно и должно делать с нами самими» (Рорти, 2003, с. 33), – «человек делает себя сам, формирует собственный этос, культивирует в себе субъекта действия» (Лехциер, 2005, с. 55) и, фактически, трансформирует «себя наличного» в «себя иного», руководствуясь при этом собственными целями и представлениями о том, кем он хочет, может и должен становиться.

Как именно человек должен заботиться о себе, познавать себя и созидать свою самобытную целостность, в разное время понимали по-разному. Так, известно, что уже Платон в «Алкивиаде» говорил об «озабочении собой» как о своеобразной «технике себя», связанной, очевидно, с обращением сознания к своему носителю (Бабушкина, 2003; Фуко, 2007). В конфуцианстве концепт «жэнь (человечность)» среди прочего содержал важный аспект постоянного «превозмогания себя» на пути самосовершенствования. Сопряженные с ними «очищение» и «собираение души», медитативное отрешение, «досмотр сознания», «рассуждения о делах» и т. п. (Фуко, 1998, 2007; Хоружий, 1998) и сегодня являются распространёнными приёмами психотерапии.

Тем не менее «забота о себе» представляется более глубоким в содержательном плане экзистенциально-философским концептом, указывающим на необходимость совершения *сущностных трансформаций себя и своего бытия* вследствие добровольно принятых *самообязательств*, самостоятельно выбранного проекта жизнеосуществления. Уже в философии стоицизма «ключевой темой <...> “заботы о себе” является тема “самодостаточности” и интенсификации связей с собой <...> В христианской “заботе о себе” ключевой темой становится спасение от автономии существования-к-смерти, причём преодоление смерти предстаёт именно как онтодиалог с Другим и является экзистенциальным мероприятием» (Соловьев, 2006, с. 12).

В современных философско-психологических изысканиях концепт «заботы о себе» обнаруживается в идеях самоактуализации А. Маслоу, «полюсе субъекта» Х. Плеснера, обретении личностной подлинности через принятие и осуществление смыслов В. Франкла, «не-алиби в бытии» М. М. Бахтина, само=бытности В. И. Слободчикова, «заботливости» и обнаружении конкретных смыслов для текущих моментов жизни в Dasein-анализе М. Хайдеггера, рассмотрении личности как “*reg se*” в персонологии Е. Б. Старовойтенко и В. А. Петровского, «жизнетворчестве» Д. А. Леонтьева, «авторстве жизни» Н. А. Низовских и т. д. Вслед за М. Фуко, Д. А. Бабушкина, обсуждая феномен «заботы о себе», говорит о «поставлении себя перед собственными глазами, *узревании себя*» и «постановке вопроса о себе: *что я есть как я? или что для меня значит быть собой?*» (Бабушкина, 2002, с. 51).

С. Мадди, Г. В. Иванченко (2009) связывают «заботу о себе» с личностными выборами «желаемых Я», с «выбором роста» и аутентичностью. В этом же понятийном русле Д. А. Леонтьев вводит идею уровня «индивидуальной онтогенетической эволюции», «меры индивидуального продвижения по пути очеловечивания» (Леонтьев Д. А., 2004). Сходные тезисы лежат также в основе активно развивающейся сегодня позитивной психологии (Клифтон, Рат, 2009; Селигман, 2006; Стайл, 2013; Чиксентмихайи, 2013). Большинство подобных исследований носит экзистенциально-гуманистический характер, поскольку они призваны вернуть «человеческую жизнь, распадающуюся на множество нужд в озабочивающем её мире» к осознанию её «исходной онтологической нужды – *подлинно быть*» (Соловьев, 2006, с. 138) (выделено нами. – Е. С.).

В контексте исследований автобиографирования нам наиболее близка исходная теоретическая позиция М. Фуко (2007), рассматривающего «заботу о себе» как своеобразную *технологию производства субъективности, стратегию субъективации*. Её смысл состоит в том, что человек должен создать собственный модус самообладания, свободно изобрести, построить себя. «Забота о себе» понимается не просто как самосовершенствование, самоинвестирование, стремление к

личностному благополучию, счастью или свободе – она есть *деятельное отношение к себе и своей жизни*, следование добровольно принятому на себя обязательству (внутреннему выбору) такого продуктивного способа существования, который субъект соотносит с собственным пониманием себя, со своей аутентичностью.

Это самоотношение тесно связано с категорией возможного, с движением, а, скорее даже, толканием субъектом самого себя в направлении «желаемого Я» и полагаемых необходимыми стратегий самоосуществления, при котором необходимо преодолевать не столько внешние препятствия, сколько собственную инертность и внутренние противоречия. Кроме того, забота о себе предполагает осознанное принятие на себя личной ответственности за то, как жизнь проживается, и, в конечном счете, за самовоплощённость в ней и удовлетворённость ею. Очевидно, только при этом условии появляются позитивные личностные новообразования, придающие жизни уникальность и устойчивость и позволяющие преодолевать возможные «метапатологии» (Маслоу, 2011) – отчуждение, депрессию, отчаяние, опустошенность и др., так часто характеризующиеся как «приметы нашего времени».

Осмысляя в интересующих нас контекстах теоретическую позицию М. Фуко и его последователей (Р. Валантазис, С. Гриффит, Э. Кастелли, Э. Кэмерун, Б. Малина, Д. Пинсент, В. Уимбуш, Т. Шоу и др.), мы предположили, что, создавая и рассказывая автобиографические и квазибиографические истории, субъект конструирует, верифицирует, удостоверяет в них своё «Я», и, фактически, порождает его для себя и других как *самобытную смысловую систему*.

Изначально это совершается путём пристрастного рефлексивного отбора из непрерывно текущего опыта тех фрагментов, которые, как кажется, «имеют к нему отношение», «задевают его за живое», прямо или косвенно отвечая на какой-то сущностный вопрос, заданный личностью самой себе. В момент такого активного вопрошания зарождаются смыслы, которые, как говорит А. Бадью, принуждены существовать через субъекта, являясь продуктом его активности (Бадью, 2004, с. 53).

Иногда даже возникший ответ, вроде бы, опережает вопрос и тут же распаивает субъекту новый горизонт вопрошания, который ранее не попадал в фокус внимания («Почему я вдруг обратил на это внимание?», «Почему это для меня важно?», «Почему это произвело на меня такое сильное впечатление?», «Что это меняет для меня?», «Смогу ли я теперь этим пренебречь?»). Думается, здесь уместно процитировать известные слова М. М. Бахтина: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (1986, с. 350). Продолжая эту мысль, отметим, что смысл, необходимый человеку «здесь – и – теперь», начинает «проглядывать» из ситуации, схватывается через соответствующий фрагмент опыта и становится поводом для рефлексии и/или амплификации.

При этом референциальный *жизненный случай*, уходя в прошлое личности, покидает поле реальности, но становится актуальным *событием индивидуального сознания*, ментальной единицей. Биографическая канва, которую наряду с другими сущностными «Я-событиями» он пополняет, ещё очень привязана к реальным референтным происшествиям жизни, верифицируется самой хронологической последовательностью жизнеосуществления, но её составляющие на пути «от события рассказа к событию рассказывания» (М. М. Бахтин) уже начинают трансформироваться в ментатив, чтобы впоследствии стать (или не стать) нарративом (Кузнецов, Максимова, 2007).

Иными словами, фактология и конкретика *жизненного происшествия* «Кто? – Что? – Где? – Когда?» трансформируется в «Что это означает для меня? – Возможно ли это и почему? – При каких условиях это происходит? – Чем это подтверждается? – Каковы здесь возможные варианты? – Каковы могут быть альтернативы этому?» *события сознания*, а позже, если это будет нужно, в «Может ли это что-то значить для кого-то, кроме меня? – Как именно это должно характеризовать меня для других? – Совпадает ли и насколько это с тем, что я хочу рассказать о себе другим? – Могу ли я представить это чем-то иным? – Как мне рассказать это, чтобы предстать перед другими необходимым мне образом?» *события текста*.

Субъект волен включать в своё жизнеописание одни события, исключать другие, искажать или подменять смысл третьих и даже вообще включать в текст нечто, что в его собственной жизни не происходило, но, в принципе, могло бы в ней быть или случилось где-то «рядом», но было пережито как «своё». И тогда события «происходят», если субъект строит рассказ о них, руководствуясь определёнными смыслами и целями, и «не происходят», если он не желает принимать их во внимание, не имеет намерения распаковывать хотя и очевидные для него, но не удобные ему значения. Таким образом, биографическая наррация легитимизирует некие события в индивидуальном бытии человека и даже придаёт заимствованным и выдуманым и включённым в неё (а, стало быть, *значимым для данной личности*) событиям если не онтологический, то хотя бы ментальный и нарративный статус. Таким образом, в автобиографической истории «факты не даны нам, а, скорее, *взяты нами*» (Бабина, 2007, с. 67).

Поскольку полностью игнорировать биографическую канву при создании автонарратива сложно (у человека всегда есть определённый возраст, известное другим место жительства, профессия и пр., и есть живые свидетели его жизни и поступков), она образует «внешний слой», своеобразную «границу» между реальностью и ментальностью личности. Здесь закрепляются смысловые «Я-этого события» и создаётся приемлемая схема повествования о них. Усмотрев нечто существенное в своей жизни, человек намеренно удерживает подобные эпизоды в фокусе сознания, не давая им стереться или вытесниться новым опытом. Для этого они маркируются соответствующим переживанием, регулярно воспроизводятся в автобиографической памяти («Столько лет прошло, но я помню, как сейчас...», «Всё это и сейчас стоит перед глазами...», «Я не смогла забыть, как...», «С годами не забылось только это...», «Многое уж забыто за давностью лет, но вот это врезалось в память...»), вербализуются и нарратизируются, превращаясь тем самым в *события текста*.

Эволюция значимого фрагмента опыта от «происшествия реальности» через «факт осознания» к «событию текста» составляет, как думается, внутреннюю логику и назначение процесса автобиографирования. В этом плане оно становится областью *трансформации жизненного опыта в опыт экзистенциальный*. Кроме того, сама диалектика «ментатива – нарратива» косвенно подтверждает тезис о диалогичной природе человеческого сознания: они становятся двумя разными способами её реализации: способом воспоминания/описания (нарратив) и способом размышления/объяснения (ментатив) (Кузнецов, Максимова, 2007, с. 61–62).

Обсуждая сущность процесса автобиографирования, нельзя не заметить, что оно выступает областью «срастания» трёх зон – *действительности, ценности* (как духовной цели личности по верному определению Г. Риккерта) и *смысла* – и соединяет в себе три соответствующих им герменевтических процесса – *объяснение, понимание и истолкование* (Риккерт, 1998).

Герменевтическая работа над жизненным эпизодом, насыщенным личностной ценностью, позволяет извлечь из пережитого (или приписать ему) своеобразные «сигнальные», ключевые смыслы/маркеры, которые важны именно для данного человека, что-то говорят о нём самом, характеризуют его поступки и мысли, порождают его чувства и оценки. В рамках таких самоинтерпретаций, как думается, устанавливаются фундаментальные смысловые связи «Я – Мир»: из огромного разнообразия случаев, происшествий, воздействий и пр. личность формирует свой «круг значимого», конструирует свой внутренний мир, в котором действуют выявленные им закономерности и принципы.

Постепенно человек начинает воспринимать этот круг как то, что и составляет его жизнь и начинает верить в то, что она подчиняется этим принципам и закономерностям. Таким образом создаются индивидуальные установки, настройки сознания, превращающиеся в своеобразные «мерки»/принципы и законы, с которыми субъект начинает подходить к реальности и реализует свою самобытность.

Каждый новый жизненный эпизод, амплифицированный и трансформированный личностным смыслом, встраивается в комплекс уже отобранных ранее тем же способом и нарратизированных жизнеописаний, некоторые из которых превращаются в самоапокрифы и при необходимости транслируются вовне. Такие апокрифы представляют собой нечто важное, достопамятное для человека – идею, событие, воспоминание, реликвию и т. д., через которые, полагая их существенными «метками» своей жизни, он считает необходимым опосредованно, метафорически, нарративно раскрываться другим людям.

Входя во внутреннее пространство субъекта, любой биографический эпизод в разные моменты жизни может оказываться как на центральной, системообразующей позиции в личной истории, так и на периферической, оставаясь практически всегда доступным сознанию как «строительный материал» жизнеописания и самоидентификации. Создаваемые из него автонарративы могут использоваться для трансляции вовне того образа самого себя, какой необходим субъекту «здесь – и – сейчас». В первом случае, став «ядром» жизнеописания, некий эпизод трансформирует остальные, подчиняя их своему содержанию; от него идёт своеобразная «когерентная волна», устраняющая противоречия между содержанием «ядра» и «периферии», стирающая возможные логические рассогласования между нарратизируемыми эпизодами. Во втором случае некий эпизод останется относительно автономной образно-смысловой конструкцией, способной «подкрепить» собой любое актуальное «ядро» автобиографии, стать его «удостоверяющим фоном» или когда-то превратить в «ядро» нового повествования о себе.

Анализируя личные истории, легко заметить, что в качестве «носителей» смыслов и индивидуальных метафор выступают разнородные ментальные «единицы»: реальные жизненные эпизоды (некоторые случаи, происшествия), яркие персональные переживания, отдельные идеи и мысли, которые человек считает «своими», факты значимого взаимодействия с другими, воспоминания, образы сновидений, усвоенные культурные прецеденты, ассимилированные идентификационные образцы, семейные апокрифы и т. д.

Будучи в той или иной мере обобщенным и упорядоченным, комплекс этих «единиц» отражает и определяет принятую субъектом *внутреннюю логику организации его жизни*, выведенные им для себя принципы поведения и деятельности как распорядителя и автора собственного жизненного ресурса. Эта смысловая система фактически является личным ответом человека на один из главных вопросов существования – *«зачем он делает то, что делает»*.

Если в консультировании задать этот вопрос напрямую, вряд ли можно получить достоверный однозначный ответ, но анализируя личные истории, можно уловить ту или иную «жизненную логику» респондента, отражающую суть его способа «заботы о себе». Отдавая себе отчёт в некоторой условности предлагаемых теоретических конструкций, мы попытались выделить возможные системообразующие смысловые единицы «Я» («ядра»), возникающие как результат герменевтической активности субъекта.

Для этого мы содержательно развернули предложенную Д. А. Леонтьевым классификацию ответов на вопрос «зачем я делаю то, что делаю» (Леонтьев Д. А., 2004), опираясь на материал накопленных нами в консультативной практике личных историй. Остановимся кратко на вариантах персональных экзистенциальных логик.

1. *Функционально-гомеостатическая жизнь* («Живу, удовлетворяя свои потребности»): человек сводит жизнь по преимуществу к распознаванию своих потребностей и «сканированию» реальности на предмет их объективации и удовлетворения. Своими чувствами и действиями он откликается на регулярно вспыхивающие первичные (витальные) и вторичные (достижения, аффилиации, доминирования, защиты и т. д.) потребности, находя смысл в поиске и/или изобретении способов их удовлетворения. Системообразующая смысловая единица – «поддержание “психологического гомеостаза”» как некоторого условного равновесия между «внутренним» и «внешним». Взаимодействия человека с миром при такой ориентации сужаются до тех аспектов реальности, в пределах которых могут быть удовлетворены и объективированы потребности, но она всё же оставляет некоторый простор для «самосозерцания» в моменты, когда равновесие кажется достигнутым. Кроме того, такой модус жизнеосуществления и сам по себе может приводить к непредсказуемым результатам, принципиально способным «распахнуть горизонт». Такая жизнь, может быть, и не является высоким образцом активности или творчества, но вполне способна создавать чувство удовлетворённости и гармонии со средой. Ниже приведены фрагменты автобиографических текстов, иллюстрирующих, на наш взгляд, ориентированность на такой способ организации собственной жизни:

«В моей жизни, может быть, ничего особо интересного и нет – нормальная жизнь, как у многих. Идёт себе, как идёт, как лодка на волнах: попала на препятствие – приостановилась, преодолела, течение убыстрилось и стало свободным – прибавила скорость... Каждый день ведь человеку что-то нужно – есть, пить, работать, покупать или ремонтировать, воспитывать детей, ухаживать за стариками... Тебе нужно, и ты просто делаешь. Потом снова что-то нужно – вот и ещё день, год, жизнь. День за днём ты делаешь то, что необходимо. Наверное, так жизнь устроена, сама ведёт. Так и мой отец жил, и дед. Помню, если деду ничего не надо было, он не искал приключений на свою голову, не носился, высунув язык, в поисках, чего бы ещё сделать, за что взяться, и не занимался самокопанием, правильно он живёт или нет. Он просто знал, как ему жить. Я вспоминаю, как он сидел на лавочке, опирался на палку и курил самокрутку – до самой смерти не признавал покупных сигарет, покупал махорку. Потом вставал, шёл нарубить дров, воды принести, чинил что-нибудь или ставил чугунок с картошкой или крупой в печку, подметал избу, копался на огороде. Ещё читал по необходимости книжку или газету, ходил к соседу в шахматы сыграть, в клуб – кино посмотреть, очень редко ездил к фельдшеру или в город в магазин. Он никогда ни на что не жаловался, не суетился, вообще не интересовался ничем лишним, наверное, считал, что многое в этой жизни просто не имеет к нему никакого отношения. И не занимался пустопорожними разговорами о смысле жизни – для него смысл и был в том, чтобы сделать то, что ему надо...» (Андрей К., 63 года).

«Мы же все родом из “совка”, а в “совке” всем всего не хватало, всегда что-нибудь да было нужно. И я привык, что всё время прислушиваешься к себе, чего ещё нужно, чего не хватает, и оперативно искать, где достать. Неважно что – колбасу, стиральный порошок, туалетную бумагу или подписку на хорошую книгу, билеты в театр или путёвку в санаторий... Полжизни мы все, наверное, пребывали на стартовой позиции – углядеть, где можно что-то достать, пусть даже впрок. А увидел, что что-то «дают», мгновенно изготовился и взял. На другое и жизни не хватало, в основном стремились «жизнеобеспечиться». Да и зависти было много, часто хотелось того же, что у других – югославский мебельный гарнитур, чешскую люстру... Вот, может, и не надо было даже усилия тратить на это, не так уж оно и нужно было... Но нет, хотелось, как говорится, чтобы и мне – «по потребностям», раз уж от меня – «по способностям». Сейчас жизнь другая, конечно, потребности стали другие – уже не колбаски копчёной на праздник прикупить, а новый айфон или автомобиль

понавороченнее, а старые жизненные привычки не меняются. Мне и сейчас важно, чтобы моя семья ни в чём не нуждалась, чтобы у детей и внуков, как говорится, всё было, как у всех, а то и лучше, а остальное – подождёт до лучших времён... Не в этой жизни, видно...» (Юрий И., 59 лет).

2. *Индуктивно-императивная жизнь* («Живу так, потому что жизнь заставила»): человек делает нечто и «жертвует» этому жизнь, поскольку для этого был или есть сильный стимул, индуктирующий, вменяющий определенное поведение и действия, фактически, ограничивающий возможность личного выбора. Речь идёт о случаях, когда что-то, происшедшее вне человека или, по крайней мере, не по его выбору, желанию и не вследствие его собственных действий, вынуждает его жить именно так, а не иначе (например, инвалидность, статус беженца, уход за тяжело больным близким человеком и т. п.). Системообразующая смысловая единица – почти кантовская: «делать, что должно, и будь, что будет». Поскольку здесь присутствует «экзистенциальное принуждение» (Гингер, Гингер, 2001) и даже самопринуждение, человек вынужден ограничивать свою жизнь, подчинять её неизбежной необходимости делать нечто, даже если это ведёт к «уносимости в “никтовость”», по М. Хайдеггеру, добровольному отказу от вызовов и альтернатив жизни и даже – к смыслоуничтожению. Попадая в подобную ситуацию, человек, по И. Ялому, включает повседневный мир «в скобки», сознательно уводя себя от соблазнов выбора.

«Конечно, я по молодости разве думал, что на всю жизнь останусь простым работягой? Я ведь после школы в техникум хотел поступать, а мать так даже про институт думала. Я школу хорошо закончил, физика, математика у меня всегда хорошо шли, черчение любил... Думал, инженером на заводе буду, в город уеду... А потом батька по пьяни зимой замёрз, когда из райцентра пешком возвращался, и матери пришлось помогать младших поднимать. Ведь родная кровь – не бросишь. Я мать сильно любил, ревновал даже, не хотел, чтобы она другого мужика вместо отца в дом приводила, чтобы сёстры его папой называли... Ей, когда я восьмилетку-то закончил, а батя умер, всего 34 года было, а нас у неё – четверо. Так стал к ней захаживать один, замуж звал, не побоялся такую ораву ртов себе на шею повесить... Но я прямо сам не свой был, отговаривал мать, “скандалы скандалил”, с мужиком тем пару раз сильно подрался, хоть и мальцом был, один раз вообще чуть до поножовщины и тюрьмы дело не дошло... Но по малолетству моему обошлось. Теперь-то я понимаю, что тот мужик незлобивый был, да и матери с ним неплохо было бы... Но сейчас уж ничего не исправить. Короче, матери, чтобы она того мужика отвадила, я поклялся, что буду помогать ей сестёр на ноги поставить... Вот так и вышло, что после школы я остался в посёлке, на автобазу устроился. Я, в отличие от мужиков постарше, не пил, машины хорошо понимал – слушались они меня, в ремонте многое понимал, мог управлять и трактором, и комбайном... В те годы там и заработки нормальные были, а по молодости большие деньги, сами знаете, рожают большие надежды... Но я всё до копейки матери нёс, как обещал. Сёстры выросли, выучились в университетах, замуж повыскакивали и разъехались кто куда – младшая даже в Германии сейчас с мужем живёт, в Дюссельдорфе. Дети у них... А я так бобылём и остался... Были у меня женщины, конечно... но я то дом строил, то на машину копил, то девочкам в город деньги посылал, пока учились, потом мать болела, зарабатывать на лечение было нужно... так как-то и не собрался жениться. С матерью до её последнего вздоха был... Вот Вы и спрашиваете... жизнь... Да не было никакой такой жизни у меня. Как судьба заставила – так и прожил, а сейчас уже поздно что-то менять» (Герман, 65 лет).

3. *Стереотипно-нормативная жизнь* («Живу так, как принято»): человек «плывёт по течению» – не выходит своей жизнью за границы воспроизведения «классических» схем и стереотипов, усвоенных в социализации и очерчивающих общепринятый вариант жизненного пути. Системообразующая смысловая единица – «следовать заданному образцу». Это – довольно экономный способ жизни, который, как кажется, обеспечивает достижение социально одобряемых результатов при простом следовании нормативу, образцу, испытанному многими поколениями.

«Ну, особо-то и рассказывать нечего. Кажется, мне ещё до рождения было предначертано жить определённым образом, вся жизнь – как исполнение обязательного ритуала. Моя семья ведь принадлежала к определённому кругу, сильно отдалённому от всех остальных людей. В этом кругу все девочки кончали «свою» школу, в которой не было случайных детей, учились музыке и рисованию, кончали филфак или иняз, выходили замуж за сыновей друзей наших родителей или приятелей наших братьев из того же узкого круга, ездили отдыхать в закрытые санатории, делали покупки в закрытых магазинах, одежду шили в мастерских на заказ... Я точно знала всю иерархию отношений, что и когда надо говорить и делать, кого и как принимать, с кем водить дружбу, что и куда надевать, когда и сколько рожать детей, чего не хотеть и не просить... Это потом всё рухнуло, а в те годы вся моя жизнь казалась выверенной по линейке...» (Маргарита Ш., 81 год).

«Да у нас все так живут, так уж заведено. Из детсада – в школу, из школы – кто на ферму, кто на комбинат. Редко кому удаётся вырваться в город, хотя многие стремятся: замуж выйдут абы за кого, на любую работу идут, лишь бы сюда не возвращаться, годами в общезжитиях

мучаются. А здесь всё по старинке, как в советские времена повелось – как говорится, где родился, там и пригодился. Все рано выходят замуж – за соседских парней, кто меньше пьёт и у кого хоть какая работа да заработок есть, детишек побыстрее рожают, пока здоровье есть, строятся, на своих огородах копаются, женятся и хоронятся всем селом. Все друг друга знают, все у всех на виду. Чего другого и взять негде. Да и зачем? Всё равно жизнь у всех идёт одинаково: семья – работа – дом – дети» (Анастасия К., 37 лет).

4. *Хронотопическая жизнь* («Живу так, потому что сейчас все так живут»): следование клише и шаблонам текущего хронотопа, формирующимся в нём социальным нормативам, образцам и ожиданиям. Системообразующая смысловая единица – «быть как все сейчас». В этом плане жизнь часто приобретает процессуальный характер (в ней важно «делать», но не «сделать», «казаться», но не «быть» и т. п.), утрачивая необходимые и значимые только для данной личности, ценностно-смысловые и целевые константы и следуя за модой, трендом, меняющимся современным укладом («у меня должно быть всё то же, что и у других», «не хочу выделяться, делаю, как все»). Она, безусловно, создаёт ощущение бытия «в гуще событий» и «свойности/современности», но, тем не менее, в ней силён элемент конформности и подражательности. Человек в любой момент готов отказаться от того, что считал «важным» сколько-то времени назад ради модной новинки.

«Ну а что вы хотите? В те годы спор между “физиками” и “лириками” решался в пользу “физиков”. Стране были нужны инженерные кадры. Для парня поступать на «женский» – филологический факультет было как-то неловко, поэтому я пошёл, как все – на строительный. “Ковался” как инженерный “кадр”. Учиться мне не очень нравилось, но я старался об этом не думать, просто хорошо учился, и учеба, слава Богу, давалась легко. Я писал в студенческую газету, ходил в литературную студию, потом стал внештатным корреспондентом нашей районной газеты... Да ещё с пионерского возраста я, как и все в то время, наверное, был воспитан в духе “Раньше думай о Родине, а потом о себе”. Так и получалось, что стройотряды, комсомольские стройки, картошка, армия... ничто из этого меня не миновало, да и другого пути-то тогда не было. Я ведь, не поверите, даже БАМ строил... Пионер – комсомолец – член партии – это я. Влюбился – женился – разлюбил, но не развёлся – тоже я. Поехал за длинным рублём на Север – заработал семье на квартиру, а себе букет болезней – и это я. По выходным рыбалка – дачная стройка – гараж – шашлыки – всё моё... Просто времена были такие... ну, и мы – такие» (Игорь Г., 61 год).

«Я ещё на четвёртом курсе вышла замуж за выпускника нашего военного училища. В нашем городе это – почти традиция: девчата из педагогического выходят замуж за парней из “артухи”. Его распределили под Благовещенск, и я после окончания института приехала к нему. Жизнь жены военного – совсем не такая, как у гражданских жён. Всё время ждёшь его, всё время за него боишься. Всё время сдерживаешься, контролируешь, как бы не сказать или не сделать чего лишнего. Мир очень узкий, все друг на друга смотрят с ревностью, среди жён – иерархия не хуже военной, все живут от звания до звания, сплошные интриги, даже подруги могут в минуту превратиться в злейших врагов. Работу в военном городке найти сложно – мне повезло, была вакансия в детском саду, а так бы целыми днями сидела дома, маялась от скуки. Никакой стабильности, постоянные переезды – я научилась собирать всё имущество прямо-таки по-солдатски. Да почти ничего своего долго и не было – жильё казённое, мебель часто наполовину казённая, служба казённая... Я только сейчас, когда муж вышел в отставку, мы живём в отцовской квартире, а сын теперь живёт отдельно, начинаю понимать, что такое жизнь и какой она могла бы у меня быть... Я не jealous, но... у военных жён судьба такая» (Ольга К., 52 года).

5. *Осмысленная жизнь* («Живу, делая то, что для меня действительно важно»): человек ставит хорошо продуманные, ориентированные на себя и обоснованные цели, следует выбранным принципам, действует определённым образом, поскольку связывает со всем этим некие значимые последствия в индивидуально выстраиваемой системе отношений «Я – Мир». Системообразующая смысловая единица – «следовать тому, что считаю значимым». Как думается, это довольно цельный, очень индивидуальный (часто даже «беловоронный», по словам одного из респондентов), порой даже чреватый конфликтами и напряжённый образ жизни, позволяющий личности создавать новые смысловые синтагмы, всё время стимулировать и отстаивать собственное развитие – «отливать жизнь по себе» (П. А. Флоренский). Выделенное смысловое ядро, вероятно, определяет и уровень ассертивности субъекта, обуславливающей чувство удовлетворённости жизнью и переживание себя счастливым в ней. Такие люди часто говорят о том, что «и жизнь хороша, и жить хорошо», несмотря на то что с позиций внешнего наблюдателя их жизнь не является «хорошей» в общепринятом, житейском смысле слова.

«Может быть, Вы мне не поверите, но мне всегда казалось, что я знаю, что мне нужно по жизни, как мне следует жить. Вряд ли я смогу ответить, почему я так думаю, возможно ли такое в принципе и как у меня это получается, но у меня есть внутреннее убеждение, что то, что я

делаю в жизни – именно по мне, “мое”. Я хорошо “заточена” под свою профессию. Я её даже и не выбирала, просто всегда знала – что я – именно это и ничто другое. Поэтому мне и учеба давалась легко, и профессиональная карьера всегда складывалась удачно. Мне нравится всё, что связано с моей работой, даже не самые привлекательные, рутинные её аспекты – я всегда чувствовала себя “внутри” всего того, что я делаю, мне не приходилось преодолевать, заставлять себя, я всегда даже не делала, а “отдавалась” своему делу. Мне всё в нём было в радость. Я никогда не пожалела, что не стала кем-то другим, хотя мне с детских лет нравились и другие занятия. Мне никогда не бывает скучно, у меня всегда есть выбор... да что там выбор – много выборов, чем заняться, что прочитать, что сделать, с кем пообщаться... И по жизни я какая-то всеядная – многого хочу, и многое у меня получается. Я увлекалась разными вещами и, в общем, везде преуспела. И если вдруг по какой-то причине мне придётся покинуть профессию, я думаю, нигде не пропаду, слишком многое мне в жизни нравится и получается в ней. А со стороны я, наверное, кажусь своевольной – делаю именно то, что считаю нужным и правильным на пути к какой-то внутренней согласованности, гармонии. Мне, например, после школы важно было поступить в университет, невзирая на огромные конкурсы и малую вероятность пройти – и я выложились, сумела, достигла. Мне нужно было преодолеть свои страхи и слабости после тяжёлой болезни – и я не давала себе спуска, встала на ноги. Врачи говорили нам с мужем, что после травмы позвоночника у меня не будет детей, но я всё равно пыталась, преодолевая раз за разом боль и горе неудачных беременностей. И теперь у меня двое прекрасных сыновей и уже трое внуков. Как оно мне далось, я стараюсь не вспоминать – миновало, да и ладно, главное – я смогла, сделала, достигла, потому что это было для меня важно. Я хотела выучить немецкий – я его выучила, хотела научиться играть на гитаре – я умею. Уже к сорока годам я получила к своему образованию дополнительное искусствоведческое – в Германии, я всегда чувствовала, что мне его не хватает. Главное – не просто хотеть, а понимать, зачем тебе этого хотеть, я так думаю...» (Валентина Б., 57 лет).

«Я не понимаю людей, которые ни к чему не стремятся, живут, как получится – одним днём и тем, чтобы в этот день есть, пить, ржать и ночами писать всякую дурь в Интернете... С юности терпеть не могу вопросов “А зачем тебе это надо?”, “Тебе что, больше всех надо?” или “Самая умная, что ли?”. Конечно, жизнь у всех разная, но большие, “дальнобойные” цели в ней должны ведь быть! Я ещё в школе поняла, что должна сама вырываться из той среды, в которой жила. Я ведь, как говорится, – девчонка с рабочих окраин, безотцовщина, с пьющей и перебивающейся случайными заработками матерью, которой ни до меня, да и ни до чего вообще, не было и нет никакого дела, лишь бы напиться да забыться. Я, конечно, мечтала о другой жизни и завидовала тем, у кого, как мне казалось, она была. Не верьте, когда говорят, что завидовать плохо и бессмысленно. Очень даже хорошо и осмысленно. Только завидовать надо действительно – развиваться самой, трудиться, придавать себе импульс для движения вперёд. Конечно же, я мучительно стыдилась себя и своей убогой среды и завидовала, когда сравнивала себя с другими. Некоторые девчонки из моего класса ходили в музыкальную школу, модно одевались, у них всегда были карманные деньги, и после школы они могли позволить себе посидеть в кафешке, после каникул они рассказывали, как познакомились с классными парнями, когда отдыхали на море, хвастались, что учились на каких-нибудь курсах дзайна или занимались с репетитором английским... А у меня всего этого не было и, как я понимала, никогда и не могло быть. Я могла рассчитывать только на себя. Сначала моя цель казалась почти недостижимой – я была неотёсанна, грубовата, замкнута, стеснительна, даже озлоблена. И я всё это в себе стала последовательно преодолевать. Я хорошо помню свою молодость. Хочешь быть образованной – готовься, учись на подготовительных курсах, не ленись, поступай. Я поступила. Хочешь красиво одеваться, а достать модных тряпок нигде? – Иди, говорила я себе, учись шить, наряжай себя сама, раз больше никому. Шла, училась, и... в конце концов, шила и вязала себе шмотки всем на зависть. Нет денег? – Ищи любой заработок, берись за любую работу, не ленись и не брезгуй. Шла и работала. Хочешь войти в определённый круг людей? – Не жди, когда позовут или представится счастливый случай. Иди к этим людям, показывай свои таланты, становись нужной, действуй. Конечно, что-то мне было поперёк души, но я умею ради своих целей преодолевать и лень, и инертность, и стыд, и робость. Скажете, что я циничная? И да, и нет. Вот я рано вышла замуж за человека старше меня на 25 лет – не скрою: ради квартиры, ради его положения. Я его тогда не любила – это цинизм? Но мы прожили вместе всю жизнь, я заботилась о нём, была ему верной женой, хорошей хозяйкой, другом. У меня не было других мужчин, и я всегда была честной с ним. А это уже другое. Понимаете? Я брала на себя обязательства по жизни и всегда выполняла их. Это была цена моих целей. А благодаря мужу я открыла для себя совершенно другую жизнь и сама стала другой – какой мне и мечталось в детстве. Я сама себя отшлифовала. Для меня это было важно. И вот уже теперь мои сын и дочь гордятся своей семьёй, и у них есть... странство... нет, воздух для жизни. Сын с семьёй живёт и работает в Австралии, дочь учится в

Лондоне, они у меня скромные и целеустремлённые дети, понимающие, что у всего в жизни есть своя цена. И цена эта – труд и порядочность, трезвое отношение к себе и к жизни. А я и сейчас стремлюсь к саморазвитию – стараюсь читать трудные книги, смотреть не очень понятное, на первый взгляд, кино, общаться с теми, чьё поведение выходит за рамки каких-то модных стереотипов и брать от всего этого, как в копилку, всё самое лучшее. Для меня важно расти над собой, над повседневностью, над рутинной и монотонностью элементарной жизни, искать необычность и новизну. Без этого я не чувствую себя самой собой» (Ольга К., 57 лет).

6. *Вероятностно-возможностная жизнь* («Почему бы не попробовать жить так?»): человек демонстрирует постоянные индивидуальные отклонения от нормативного и одобряемого социумом построения жизненного пути в пользу обретения нового опыта, открытия неизвестных ранее жизненных возможностей, экзистенциальных «прорывов». Системообразующая смысловая единица – «искать иное, становиться иным», усложняя собственную организацию и добровольно принимая ответственность за «творение» собственного «Я», за «авторство» жизни. Даже сам факт осознания возможности отклоняться от жизненной магистрали уже способен обострить экзистенциальные переживания человека и усилить экзистенциальную рефлексивность. Понятно также, что выбор этой жизненной логики часто чреват одиночеством, постоянным преодолением личной неопределённости, толкающей человека в разных потенциально возможных направлениях, и даже франкловскими экзистенциальными невротами (Франкл, 1990). Такая экзистенциальная нагрузка делает человека тревожным и неуспокоенным: он всё время «раскачивает лодку жизни», даже с риском вывалиться из неё, в поисках новых способов приложения себя, отыскания такого пути, который был бы максимально конгруэнтным его текущему самоосмыслению. Его мало беспокоят достижения прошлого этапа жизни или возможные будущие риски, он всё время движется вперёд, в неизведанное. Такой способ жизни, конечно, встречается нечасто – он труден и редко осознаётся как необходимый. Более типичной является ситуация, когда человек испытывает страх перед осознанием необходимости самоконституирования и, «делая себя нечувствительным к своим желаниям или чувствам, отказывается от выбора или перекладывает выбор на других людей, институты или внешние события» (Мерсиянова, 2010, с. 155–156). Но зато и «экзистенциальная выгода» в этой логике несоизмеримо больше, чем при других способах организации жизненного пути – человек острее переживает полноту, ценность и многогранность собственного бытия.

«Вот вы скажете, что я – неуспокоенный человек, бродяга, мне вечно что-то надо, и я постоянно срываюсь с насиженного места. Может, и так, но для меня в жизни столько интересно, чего стоило бы попробовать, “примерить на себя”, что я не хочу жить застывшим, пустившим корни, привязанным к работе, месту или собственности. Не скажу, что я авантюрист какой-то, “перекати-поле”. Просто мне многое в жизни любопытно, хочется попробовать на себе. Когда я закончил школу, родители отправили меня на геологический – сами были геологами. Я ещё в школе подрабатывал в геологических партиях, поэтому учился хорошо, а после университета пять лет работал на Урале. Но с детства мне мечталось о море, я устроился механиком в рыболовецкую флотилию и получил свою долю “романтики дальних странствий”. Потом снова осел на берегу – работал на археологических раскопках в Крыму и на Алтае... Интересно было – не то слово... Потом подрабатывал на стройках чужих дач, интересно было пройти весь процесс от начала до конца. Архитектурой увлёкся и заочно получил второе высшее... правда, в архитектуре я особо не преуспел, но для себя сконструировал дом своей мечты... Потом уехал на север – несколько лет работал на нефтянке, и снова вернулся в Крым, от бабушки мне остался участок, и я построил дом и... заинтересовался виноградниками. Не буду утомлять вас подробностями, но это дело меня так увлекло, что пошёл работать в виноградное хозяйство под Херсоном, стал специально учиться, съездил на стажировку в Францию, потом в Чили... и там познакомился со своей второй женой, она и её семья жили в Германии и владели виноградниками возле Рейна, делали вино. Вот так я здесь и очутился...» (Игорь Р., 64 года).

«Некоторым людям везёт, и они как-то сразу находят себя и больше ничего не хотят. А в моей жизни всё иначе, хотя, вроде, я всё в ней делал, как хотелось. Мой отец – потомственный и очень успешный ювелир, полностью погруженный в свою профессию. Он сто лет в ней и, наверное, умеет всё – от старинной реплики для души до украшений новомодного дизайна на заказ. Он, конечно, хотел, чтобы я пошёл по его стопам. Я и пошёл было, и мне было интересно. После института начал работать с отцом, и он организовал мне стажировку в Китае. Два года я учился там ювелирному делу, но меня интересовало совершенно другое – китайские традиционные системы саморегуляции, техники медитации, китайская философия. Хотелось разобраться и освоить. Так что больше времени я посвящал вовсе не ювелирному делу, а изучению всего этого. Я вернулся и поступил на восточный факультет. На этой почве мои отношения с отцом испортились, ведь я не оправдал его надежд. Факультет я не закончил, бросил после третьего курса, но этот опыт

очертил мне новый путь в жизни. По вечерам я обучал подростков цыгун в клубе, где занимались восточными единоборствами. Но зарабатывать надо было чем-то другим, и я по случаю устроился в пиар-отдел одной промышленной фирмы. Там я хорошо зарабатывал и проработал довольно долго, но мне хотелось чего-то ещё – в жизни ведь нужно попробовать и то, и это. Я пробовал себя в журналистике, даже печатался в разных изданиях, работал имиджмейкером в штабе одного политического деятеля. Но тут по случаю мне подвернулась работа на радио, на музыкальной станции – это тоже был какой-то новый опыт и очень весёлый период в моей жизни. С радио я перешел на телевидение, где была редактором моя жена, работал в отделе по связям с общественностью. Потом вместе с женой и другом мы организовали было фирму по организации свадеб, торжеств и прочего, но быстро прогорели, не выдержав конкуренции, и я снова вернулся к обучению цыгун и восточным единоборствам. Восстановился в университете, но теперь – на психологический. Доучивался и работал, хотя был уже взрослым мужчиной, курьером в одном известном интернет-магазине, тренером в фитнес-центре, инструктором по плаванию... Работа, конечно, так себе... Но вот, в прошлом году я наконец получил диплом и пришёл работать в центр экстренной психологической помощи» (Анатолий Ш., 42 года).

7. Холистическая жизнь («Живу так, потому что так устроен мир»): человек строит свою жизнь, осознавая себя как часть, «сколок», микрофрагмент универсума, «вброшенный» в обстоятельства данной реальности и должный свершать в ней свой жизненный путь по всеобщим законам мироустройства. Системообразующая смысловая единица – «быть частью всеобщего целого, исполнять предназначенное». Это – довольно редко выбираемый способ жизни, тем не менее, и ему находят косвенные автобиографические свидетельства.

«Я знаю, кому-то моя жизненная философия покажется непригодной, а меня назовут блаженным, юродивым или даже вовсе дураком. Ну, и пусть, Господь простит. Зато я точно знаю, что, в отличие от многих, хоть и поздно, понял своё предназначение. Не сразу, конечно, но понял, что у каждого – своя предначертанная только ему миссия на земле, каждый должен свершать свой путь, как угодно Богу. Кто-то должен строить, кто-то – лечить, кто-то – молиться. Так устроен мир, что каждому в нём всегда обозначено своё место, как кусочку общей мозаики. И даже если бы я пошёл по другому пути, всё равно он привёл бы меня сюда, в этот монастырь. Да вот я расскажу вам, как судьба много раз меня приводила именно сюда, только я сразу не слышал, не мог расслышать её направляющего голоса... Отец мой, пока жив был, помогал строить вон ту часовенку, что на горе, и каждый год ремонтировал эту лестницу. Я ещё ребёнком знал, сколько в ней ступеней... Отца кормили в монастырской трапезной, и меня, как “подмастерье” – тоже. Подростками мы часто лазали в чужие сады за яблоками, и однажды, скрываясь от разгневанного хозяина сада, я упал с дерева, да так, что потерял сознание. Пацаны решили, что я умер. Они в страхе разбежались, а хозяин на телеге отвёз меня сюда, в монастырь, чтобы братья оказали мне хоть какую-нибудь помощь или хотя бы взяли тело, “Скорая”-то до нас редко доезжала, захолустье ведь... Меня, как я знаю, не столько отлечили, сколько отчитали, я пришёл в себя и с неделю жил здесь вместе с братьями – мать разрешила. А лет через пять на дороге недалеко отсюда я не справился с управлением грузовиком и въехал в дерево, сильно разбился – и снова оказался здесь, пока не приехала “Скорая” и не забрала меня в райцентр, в больницу. Через год после того случая я переболел воспалением лёгких с тяжёлыми осложнениями и теперь уже сам приехал сюда – дышать в наших глиняных пещерах. И вот уже тогда понял, что моё место – здесь, нет мне другого места и пути...» (Андрей А., 35 лет).

«Что тебе назначено в жизни, то и будет, кто предназначен, с тем и будешь – так устроен мир, и всё вершится по законам мироздания. Не сразу это понимаешь, конечно, но моя история в этом кого хочешь убедит. В этот дом мы приехали, когда мне было лет пять. Он тогда был новостройкой и только-только заселялся. Мой дед получил в нём квартиру. В первые же дни новоселья я познакомилась с парнишкой наших соседей, немногим старше меня. Тогда детей во дворе было много, не то что сейчас, но мы сдружились именно с ним, нас даже дразнили женихом и невестой. Мы прожили здесь несколько лет, и очень сблизились, да и родители наши стали друзьями – доверяли нас друг другу, мы дневали-ночевали то в нашей, то в его семье. Мы ходили в один сад, потом в школе сидели за одной партой, дома вместе делали уроки, занимались в Доме пионеров, ездили на каток, ходили в библиотеку. Но потом моего отца по службе перевели в другой город, и мы уехали. Сначала писали друг другу письма, посылали открытки, а потом всё как-то само закончилось. Вернулась я сюда только после окончания школы – поступать в институт. И наша дружба снова возобновилась, как будто и не было этих лет. Понемногу она переросла во влюблённость – романтическую, страстную, восхитительную. Но в юности много событий, интересов, людей... Костя учился в физтехе, я – на филологическом, и вскоре я познакомилась с человеком, за которого на четвёртом курсе и вышла замуж. Разрыв наш с Костей был нервным, злым, с обоюдными обвинениями. В общем, расстались, и я с мужем уехала в Ригу. Казалось бы, дороги наши

разошлись навсегда. Но нет. Когда уже нашим близняшкам было лет по восемь, мы всей семьёй отдыхали в Геленджике, и там, в доме отдыха, я неожиданно встретила Костю. Он тоже был с женой и сынишкой лет трёх. И всё снова вспыхнуло. Мы пережили страстный беззащитный роман почти на глазах у наших семей, и были уже почти готовы расстаться со своими половинками, чтобы быть вместе. После отпуска мы стали тайком перезваниваться и переписываться, строя планы на совместное будущее. Но судьба распорядилась иначе – и самым ужасным образом. Его сыну неожиданно был поставлен страшный диагноз, и в этот момент, конечно, и речи не могло быть, что он оставит жену один на один с бедой. Всё было понятно, и наши дороги снова разошлись, звонки и письма постепенно сошли на нет. Несколько лет я ничего не знала о том, как складывалась его судьба дальше, а он не делал попыток наладить связь. И вот как-то я оказалась в командировке в Красноярске. Казалось бы, не было никакого шанса встретить там Костю. Но – говорю вам, судьба! – мы встретились. Я узнала, что после смерти сына он расстался с женой и с горя уехал туда работать по контракту на несколько лет. Это было просто сумасшествие! Мы снова чувствовали себя юными влюблёнными. На этот раз я по возвращении я всё рассказала мужу, и мы с дочерьми вернулись к моему деду, в этот дом. Но там, как ни удивительно, опять не оказалось Кости. Как мы узнали позже, в Красноярске он попал в аварию и получил травму, приковавшую его к инвалидной коляске. Он решил не возвращаться и не писать, чтобы не сделать меня несчастной. Но на этот раз я была решительней и приехала к нему, чтобы остаться и быть вместе. Но ничего не складывалось, он был непреклонен, просил меня уехать, и мы снова расстались – с обидой, непониманием, но и, в общем, с облегчением. Через год после смерти деда к нам с девочками приехал мой муж, и мы снова стали жить вместе. Думаете, истории конец? Нет, не конец. Мы постарели, девочки выросли, выучились, выходяли замуж, сделали нас с мужем бабушкой и дедушкой... Жизнь повернула к своему концу. Мой муж умер три года назад, и я осталась совсем одна. И в тот же год сюда вернулся Костя – после смерти мамы он приехал вступить в права наследства, и мы снова встретились. Он тоже постарел, но всё же ходил на своих ногах, правда, с палочкой. И вот мы снова вместе. Теперь уж, я думаю, только смерть разлучит нас. И вот скажите после этого, что мы не были с ним суждены друг другу с самого начала... » (Мария Н., 68 лет).

В пределах каждой из логик возможно как прогрессивное, так и регрессивное движение, отступление от уже принятых смысловых ориентиров, «перебрасывающее» субъекта в другую, становящуюся более востребованной им, жизненную логику. Это может осуществляться как при столкновении с необходимостью решать конкретную жизненную задачу, так и в результате «работы над собой» (самопознания, саморегуляции, саморазвития) – «продвижения себя к иному», пусть даже не опредмеченному в сознании, а лишь интуитивно чувствуемому («это – не моё, мне нужно что-то другое», «чувствую, что должен жить иначе», «хочется чего-то принципиально иного»). Кроме того, стоит учитывать внутренние интенции и особенности личности, заставляющие её либо в большей, либо в меньшей мере заботиться о себе. Один из критериев здесь – переживаемое человеком «чувство верного пути». В нём, в отличие от целеполагания или интенциональности, нет заданного направления саморазвития как такового, но есть постоянно присутствующее переживание правильности всего того, на что человек ориентируется, что выбирает, что делает «здесь-и-теперь», и сопровождающее его каждодневное удовлетворение от того, что происходит, случается, совершается в его жизни. В этом случае большинство собственных выборов и поступков переживаются как аутентичные и продуктивные. В противном случае повседневная жизнь становится источником многочисленных внутренних конфликтов и сопротивлений, создающих чувства «мытарства идентичности» (С. С. Хоружий), личностной стагнации и навязанности способа существования.

Автобиографические тексты, каковым бы не было их содержание и в какой бы экзистенциальной логике они не строились, всегда есть некий вербализованный итог «активного самозерцания», представленного мыслительными картинками, фреймами, инсайтами, сценариями, прототипами, калейдоскопическими концептами и т. д. (Бабушкин, 1997). В его рамках человек выступает как свободный интерпретатор субъективного опыта, рассматривающий его в разных герменевтических «размерностях».

Обращаясь к идее личностной герменевтики субъекта, отметим, что она задаёт субъекту общие правила самопонимания.

Во-первых, её наличие обуславливает продуктивность и динамику рефлексивного процесса, самодискурса: сравнивая «себя-наличного» с «собой-иным» (прошлым или возможным в будущем), человек на какое-то время добивается своеобразного эффекта «аннигиляции» субъективности самооценок (Ячин, Конончук, Поповкин, Буланенко, 2011, с. 32).

Во-вторых, поскольку «мы способны понять только то, что нам представляется ответом на вопрос» (там же, с. 130), она принуждает человека ставить вопросы, касающиеся не только переживания смысла повседневных происшествий жизни («почему это случилось со мной?», «мог ли я посту-

пить иначе?», «могу ли я этого избежать?», «что будет, если я это сделаю/не буду делать?»), но и интегральные вопросы экзистенциального плана (в том числе – «зачем я делаю то, что делаю?»).

В-третьих, личностная герменевтика способствует усилиям человека объективировать мысли о себе, итоги рефлексии, интуиции или инсайта в словах (и в этом плане автобиографирование оказывается её важным экстериоризированным результатом) и одновременному осознанию несводимости переживания или смысла к слову: «любое сказанное слово есть *свершение* мысли и *сворачивание* полноты смысла применительно к данному контексту» (там же, с. 33), в нашем случае – применительно к содержанию автонарратива, к рассказываемой личной истории.

В-четвёртых, личностная герменевтика предполагает возможность комплементарного сведения воедино разных, даже противоречивых, точек зрения на самого себя путём использования «металогов» (термин Г. Бейтсона). В контексте нашего обсуждения их суть сводится к внутреннему разбору и уяснению возможной иной позиции в отношении себя («что я имею в виду, когда собираюсь/хочу/говорю о...») без противопоставления ей наличной, занимаемой сейчас в отношении самого себя позиции (там же, с. 34–35).

Наконец, в-пятых, личностная герменевтика ориентирует субъекта на то, чтобы быть понятым другими: продуцируемый текст личных историй должен в принципе позволять «выудить» из них необходимые для этого смыслы. Это, вероятно, и «принуждает» человека к рассказыванию историй о себе.

Самоинтерпретация *фактов биографической канвы* при создании личных историй должна осуществляться с некоторых внутренних ценностно-смысловых позиций, которые задаются собственным *жизненным проектом* субъекта (выстроенной во времени обобщенной и наполненной ценностью последовательностью желаемых в ней событий), личным *экзистенциальным профилем* (выстроенного во времени набора ценностно значимых самоизменений, ведущих к желаемому «образу Я») и периодически осуществляемой *оценкой самовоплощённости* (рефлексивно отобранных жизненных достижений в сопоставлении с проектом, профилем и текущими ценностными интенциями субъекта). Вместе они задают индивидуальный комплекс внутренних семантик, позволяющих осмыслить любой факт личной истории, причём каждый раз представить его именно в таком наборе смысловых координат, который актуально, «здесь-и-теперь» значим для рассказчика.

Пытаясь разобраться в семантических параметрах экзистенциальных логик, мы выделили несколько гипотетических осей, в пределах которых может осуществляться базовая самоинтерпретация. Соединяясь в уникальный комплекс, специфичный для каждой личности на определённой фазе её самоосуществления, они способны создать неповторимую структуру биографического нарратива и вывести исследователя на содержание таких сущностных отношений субъекта, как «Я – Я», «Я – Другие», «Я – Жизнь/Мир» (эту триаду можно обозначить как *экзистенциальную магистраль* личности). Подчеркнём, что речь идёт не просто об интерпретации актов повседневного поведения или способов действия, «взвешивании преимуществ/альтернатив», а именно о выражении в личной истории значимых, ценностных жизненных отношений, каждое из которых символизирует своеобразный, принятый именно данным субъектом, *образ жизни* (Василук, 1997).

Обращаясь в указанном контексте к рассмотрению возможных смысловых измерений личных историй, мы попытались обозначить их, исходя из возможного *экзистенциального вопроса*, ответ на который личность ищет «здесь-и-теперь». Самоинтерпретация помогает обнаружить «внутреннее соответствие» между собственным внутренним содержанием и жизнью, осознать свою конгруэнтность раскрывающимся в ней возможностям-смыслам или возможностям-ценностям (Клочко, 2005; Клочко, Галажинский, 2009; Лэнгле, 2004).

1. *Семантическая ось «Стремление – Избегание»* позволяет осознать факт биографической канвы в контексте интерпретации *собственных потребностей и мотивов* – желания что-то делать, чем-то интересоваться, считать нечто более важным, чем всё остальное, помещать это в фокус сознания и деятельности или же, наоборот, не воспринимать некоторые сферы и модальности жизни как значимые, пренебрегать ими, избегать деятельного участия в них. Ключевой вопрос, который при этом личность может задавать самой себе – это вопрос о персональной «затронутости» (Лэнгле, 2004, с. 5): «Почему что-то в жизни меня задевает за живое, а что-то оставляет безучастным и равнодушным?».

«У меня никогда не было никакого интереса к участию в так называемой “общественной жизни”, я вообще не мыслил себя в этих координатах. Не моё абсолютно. Когда однокурсники, а потом и коллеги стремились вступить в партию, работать в комитете комсомола или в студенческом профсоюзе, боролись за какие-то там льготы или руководящий статус, мне всегда было смешно и даже как-то неловко. Мне всегда хотелось быть вместе не с «соратниками по партии», а с людьми, близкими мне по духу. Мне хотелось жить “под музыку Вивальди...”, понимаете, а

не строиться под горны и барабаны. Я всегда и в школе, и в университете во всём таком участвовал из-под палки, формально, считал пустой тратой времени, ерундой и показухой. Во времена моей молодости избежать этого было практически нельзя, но всякие демонстрации, шествия, субботники, митинги, выборы для меня были пустым звуком. Мне ближе были “тишь библиотек”, концертный зал, научный семинар, ретроспектива кинофильмов с дискуссией “знатоков” и “ценителей”, встречи с природой или шедеврами архитектуры. А остальное всё – пустое, неподлинное, суррогатное и... никому, в общем, не нужное, наносное. Настоящая, нужная, ценная жизнь для меня и сейчас течёт совсем по другим руслам...» (Игорь М., 55 лет).

2. Семантическая ось «Созидание – Принятие» помещает биографический факт в контекст креативной, творческой, создающей жизненной интенции или же в контекст реципиентной, берущей, принимающей формы жизни. Можно предположить, что здесь личностью интерпретируется собственная экзистенциальная позиция. В своё время об этом говорил Э. Фромм, противопоставляя продуктивный характер всем другим типам – реципиентному, эксплуатирующему, накапливающему, рыночному (Фромм, 2010). Крайние полюса фроммовской типологии (продуктивность – рецептивность), на наш взгляд, могут образовывать и крайние точки данной семантической оси: такие жизненные концепты, как «забота», «ответственность», «уважение», «творчество», «знание» образуют полюс «создаю/творю свою жизнь», а «зависимость», «пассивность», «эксплуатация любви другого человека», «эгоцентризм», «ригидность» и т. д. – неизменные спутники полюса «принимаю от жизни всё, что она может мне дать» (вспомним слоган «поколения нулевых», «поколения Пепси»: «Бери от жизни всё», даже если «всё», что им может предложить жизнь, – это всего лишь бутылка пепси-колы). Вероятно, вопрос, на который здесь даёт ответ личность, это – «Насколько я хочу участвовать в собственной жизни?».

«Мне кажется, я всегда знала, что в жизни вообще не надо излишне суетиться, активничать, напрягаться, соревноваться... Как говорится, “придут и сами всё тебе дадут”. Моя жизнь так и сложилась – хорошо и спокойно: я была поздним и очень любимым ребёнком, никогда ни в чём не знала отказа, отец старался, чтобы у меня было всё, что только можно пожелать, – со мной играли, читали, делали уроки, меня возили на музыку и на гимнастику, нанимали репетиторов по английскому... Все родственники были подключены к моему воспитанию и старались мне помочь в том, что умели сами: мой двоюродный брат помогал рисовать и чертить всякие технические детали для уроков рисования и черчения, поскольку эти таланты у меня напрочь отсутствовали, бабушка делала мержки и кроила фартуки для уроков труда, отец помогал решать физику и математику. В общем, все они меня “вели по жизни”. И в институт меня “поступили” туда, где работала моя тётя, и сразу взяли лаборанткой на кафедру, так что заведующий – её бывший однокурсник и друг – мне слегка покровительствовал, и это сделало учебу лёгкой, приятной и почти домашней. Не скажу, что я была ленивой или плохо училась, просто от меня ничего не требовалось... ничто не создавало мне препятствий, ничего не надо было преодолевать, ни за что не надо было бороться или конкурировать... А после института я вышла замуж за одноклассника своей тётки. Муж был старше меня на пятнадцать лет, и я была его единственным светом в окошке... И снова ни в чём не знала отказа, а уж когда мальчишки появились на свет – и вовсе... Муж всегда очень заботился о семье, о детях, но больше всего – обо мне. Ну, а сейчас, когда его нет, сыновья взяли на себя заботу обо мне. Считаю, мне повезло в жизни, как мало кому везёт, всё в ней сложилось хорошо» (Ирэна Ф., 61 год).

«Мне все говорят, что я немного похож на прадеда, и мне это очень лестно. Тот был большой подвижник. Когда он сюда переехал и привёз семью, он в своём доме организовал библиотеку для односельчан и что-то наподобие клуба – сюда приходили слушать радио, танцевать под баян, пьески комедийные ставить – самодеятельный театр. Потом, когда уже настоящий клуб построили, он киномехаником работал, кино по выходным крутил. Плетеные беседки сделал, чтобы летом отдыхать можно было, виноград там рассадил... А для детишек при школе без всякой зарплаты вёл сразу несколько кружков – резьбы по дереву, плетения из лозы, лепки игрушек из глины и рисования. К нему даже и взрослые приходили. Рисовал он вообще классно, в нескольких линиях мог всё передать – и характер, и пластику, и какую-то изюминку того, что рисовал. Вот у нас дома икона сохранилась от бабушки – так это он её то ли отреставрировал, то ли записал, я уже не знаю, бабушка говорила, она совсем чёрная была. Сделана она мастерски, от старых шедевров не отличишь, а выглядит, как новая. И, что удивительно, он ведь ничему такому специально не учился, за плечами всего-то сельская школа и железнодорожный техникум. Просто руки у него золотые были и фантазии, хоть отбавляй. И дом, который они здесь купили, он перестроил без чужой помощи, а потом помогал сыновьям строиться, когда они пережились – таких красивых резных наличников и ставней ни у кого не было! А лавки какие резал, а колыбели! И кузнечное дело знал, всё у него спорилось, когда он выковывывал всякие хозяйственные мелочи, а печи клал – просто как бог огня! Он ведь у себя на огороде даже селекцией занимался. А какие яблоки и сирень у них во дворе были! Проезжие останавливались

любоваться, а он отводки раздавал – никогда не жалел. А как-то, бабушка рассказывала, как однажды отправила его в город покупать зимнее пальто, а он вместо этого привёз две пары необыкновенных кур – одну с какими-то лохматыми лапами, а другую с длинными перьями – денег за них отдал немеряно, она его ругала вовсю. Сначала все соседи приходили просто поглазеть, а потом он их развёл у себя во дворе, на птичнике – у них яйца были – во, с кулак! Но он не жадный был, цыплят раздавал, так что быстро у всех стали такие “породистые” по дворам. И колокольню у нас тоже он восстанавливал, уже, правда, не один, совсем старый был, с трудом уж на верхотуру-то карабкался – считал, что делает это на досуге, отдыхает. За что бы ни брался – всё у него выходило ладненько, красиво и, как бы теперь сказали, креативно, просто он по натуре был – созидатель и благодетель человечества. Царствие ему небесное и вечный покой» (Егор Б., 42 года).

3. Семантическая ось «Стабилизация – Энтропия» может указывать на отношение субъекта к уже достигнутому в жизни уровню самовоплощённости. Предположительно, здесь может интерпретироваться характер собственной активности, индивидуальное отношение к необходимости меняться и развиваться. Можно предположить, что людям свойственно стремится либо к упрочению достигнутого уровня и ограничению собственной возможности выбора, либо к усилению в жизни элементов неопределённости, энтропии. Фактически, данная ось описывает личностную интенцию либо искать альтернативы достигнутому экзистенциальному статусу – регулярно стремиться к самообновлению, начинать жизнь «с чистого листа», постоянно «раскачивать» достигнутое, «уклоняясь» от всего привычного и искусственно девальвируя его ценность, устремляться себя на поиски более продуктивной новизны, либо же ориентироваться на стабилизацию достигнутого и ничего без насущной необходимости не менять ни в себе, ни в жизни, считая постоянство существования и привычность повседневности благами. Внутренний вопрос, ответ на который, вероятно, ищет при этом личность, может быть таким: «Могу ли я сам “делать” свою жизнь, порождать изменения, новизну в ней?».

«Я не понимаю таких людей, которые вечно суетятся, куда-то лезут, во всё участвуют, как будто бы им до всего есть дело. Такие ничем не дорожат, им подавай “насыщенную, интересную жизнь”, как калейдоскоп, чтобы всё менялось, было разнообразным. Они якобы, вечно молодые, не нагулялись, хотят ещё “пожить для себя”. А жизнь – это не театр, не развлечение... в ней всё однозначно. Ты растёшь, получаешь образование, рождаешь детей, честно трудишься – вот он, веками сложившийся жизненный порядок. Метаться, искать что-то иное, чем предназначено всем и каждому, – глупо и смешно. В своей жизни не нужно устраивать революции. Вот я вижу своих ровесников, которым уж под полтинник, а у них – ни кола, ни двора, ни семьи, ни денег, одни творческие метания, поиски себя, жажда новизны. Это что, правильно? И ещё счастливы при этом! Меняя работу или вступая в новый брак, говорят, что каждый раз заново родились, получили новый стимул к жизни. Второе дыхание якобы открылось. Я этого не понимаю и не одобряю. Вот я, например: кем только в школе не мечтал быть – и театральным режиссёром, и искусствоведам... и способности были... Но это всё – для души, на хлеб с маслом не заработаешь, жизнь не обеспечишь, разве что при большом везении. Поступил разумно – пошёл на экономический, сейчас работаю в банке, зарплата приличная, стабильная работа. Опять же – карьерный рост... Кому-то покажется неинтересно, монотонно, а чего метаться-то? Любая жизнь со временем “приедается”, всё равно придёшь к тому же самому. И женился я так же – чтобы раз и на всю жизнь. Хотя и нравились мне по молодости красивые девчонки, я понимал, что только по любви жизнь не построишь. Жениться надо надёжно, чтоб, так сказать, сразу с гарантией. Ну, может, страсти-мордасти, любовь-морковь я со своей супругой и не переживал, зато живём вместе уже скоро два десятка лет, и между нами ничего не меняется. А то некоторые мужики по три раза переженятся на своих умницах-красавицах, пока счастье своё найдут... А чего тут искать? Выбрал один раз – живи...» (Анатолий Ш., 44 года).

4. Семантическая ось «Центробежность – Центростремительность» позволяет интерпретировать вектор направленности собственной жизни – вовнутрь, в себя, к созиданию собственной подлинности или вовне, к миру, к построению разных форм «участности» в нём. Иными словами, человеку может быть интересно по преимуществу строить самого себя или строить мир вокруг себя. Тогда в первом случае он может сосредоточивать свою жизнь вокруг собственного Я, «наматывая» на его содержание, как на клубок, разные нити референциальных, коммуникативных или ментальных происшествий, стягивая их единым смыслом по принципу «это имеет ко мне прямое отношение»/«мне это нужно»/«это Я». В противоположном варианте интерпретации он строит свою жизнь как постоянно «разматывающуюся», экстраполирующуюся, направленную вовне структуру, стремящуюся «вбросить» себя в как можно большее количество происшествий, взаимодействий, впечатлений, влияний, свидетельств – по принципу «это должно всех касаться»/«Я нужен всему этому»/«Я во всё». Поставленный экзистенциальный вопрос, вероятно, может звучать так: «Моя жизнь должна быть открыта вовне или замкнута на себе?».

«Я часто себя ловлю на том, что ни мне ни до кого нет дела, ни я, по сути, никому не нужна. Каждый человек, сколько бы народу его ни окружало, проживает свою жизнь в одиночестве. Я это, к счастью, поняла довольно рано и не разбрасывалась там на всякое-разное – нравиться кому-то, пытаться заинтересовать, дружить, влюбляться, помогать, сотрудничать, соревноваться... Пустое это – думать, что от тебя что-то зависит и ты нужен другим. Никому ты по жизни не нужен, каждый за себя, один Бог за всех. Весь смысл – в том, чтобы сделать себя самой, стать внутренне богатой и интересной самой себе. Не жизнь вокруг должна быть интересной, а ты должен быть полным собой, своей сущностью, быть интересным, значимым и совершенствовать себя. По крайней мере, это мой принцип, и я по нему живу – совершенствую себя, но никому себя не навязываю... Если все так будут жить, мир, несомненно, станет лучше» (Ирина Б., 42 года).

5. Семантическая ось «Интегральность – Ассертивность» может рассматриваться как вариация философской диады целого и частей. В одном случае человек интерпретирует свой жизненный путь, разворачивание его «сюжета» с позиций тяготения к целостности, однонаправленности, «монолитности». Тогда он излагается как будто бы подчинённый одной идее, направленный на некую единую цель, и все части автобиографического повествования свидетельствуют о разворачивании жизненного движения к этому целому. С другой стороны, ось характеризует устремленность человека к полимодальности жизнеосуществления: субъект и его жизнь при такой интерпретации выступают дискретными, прерывистыми образованиями, состоящими из самостоятельных и разнонаправленных в смысловом плане фрагментов – части жизни здесь не подчинены единому смысловому вектору и образуют самостоятельные целые – они важны сами по себе, а не только в контексте реализации некоего гипотетического предназначения, как в первом случае. В первом случае жизнь воспринимается субъектом как однонаправленный, всё себе подчиняющий, вектор, будто бы устремлённый к одной, почти не пересматриваемой во времени цели («Я должен», «Я рождён для...»). В противоположном варианте жизнь воспринимается как ветвящаяся структура, где свершившееся изменение тянет за собой последующий каскад изменений, способных полностью изменить первоначально выбранное жизненное направление и намеченный для себя экзистенциальный проект самовоплощения («Я увидел, что могу», «Мне представился шанс...»). Можно предположить, что здесь интерпретируются *потенциальные возможности собственной жизни* и ставится вопрос: «Жизнь разворачивается как единое целое вне зависимости от моего участия в ней или она состоит из дискретных сюжетов, предусматривающих возможность моего личного выбора и участия?».

«В книге моей жизни есть несколько совершенно не похожих друг на друга страниц, и я на каждой из них – разный. Одна страница, почти уже забытая – это детство, а родился я давно, в 1930 году. Я был тихим, послушным мальчиком из хорошей семьи – моя мать работала костюмером в театре, а отец был мастером на обувной фабрике. Когда я родился, они уже оба были в возрасте, я был их поздним и единственным ребёнком. Я хорошо учился в школе, не озорничал, не водился с плохой компанией. Очень любил математику, ходил в кружок авиамоделирования в Доме пионеров – тогда многие мальчишки бредили самолётами и небом. Отец всегда следил, чтобы я побольше читал, а мать брала с собой в театр не только на детские утренники, но иногда и на вечерние, взрослые спектакли. Не скажу, конечно, что я дитя кулис, но это с детства привило мне какие-то идеалы. По выходным мы всегда ходили в кино, зимой катались в парке на лыжах, а летом снимали дачу под Истрой. Там мы с отцом пробовали запускать мои “авиамодели”: так и вижу нас с ним, бегущими по краю зелёного обрыва... Жизнь казалась ровной дорогой... Когда началась война, отца почти сразу призвали, и он погиб в первые же дни. Мы с матерью вместе с театром уехали в эвакуацию в Казахстан. Мать, которая и без того была слабая здоровьем, да ещё сломлена горем, умерла в 43-м от тяжелой пневмонии, и я, домашний ребёнок, оказался в детдоме с его незнакомыми мне порядками, детской жестокостью, несправедливостью, озлобленностью. Я был тихий, слабый, не приспособленный к самостоятельной подростковой жизни, другие мальчишки этим пользовались, и мне часто от них доставалось: меня дразнили, били, у меня всё время что-то воровали, сваливали на меня вину за все проступки... Я закрылся и озлобился на весь мир. В том детдоме, хотя я пробыл там всего около двух лет, для меня началась совершенно другая жизнь, и я сам стал другим. После семилетки я, как детдомовец, был отправлен в ремесленное училище, где мои технические способности не прошли мимо учителей. Там я быстро пробился из аутсайдеров в авторитеты... После училища стал работать на заводе – и снова, вроде, ровная дорога. Вот сейчас понимаю, что я тогда был уже совсем другим человеком, чем раньше. Вот скажите, разве бывает так, что ты превращаешься в свою противоположность? А со мной это было. В то время мы гуляли компаниями, ходили на танцы, много дрались стенка на стенку. А я жестоким стал после детдома, слабость и сомнения в себе скрывал грубостью, иногда – как с цепи срывался и в одной из драк сильно покалечил парня моих лет – за девчонку, которая того и не стоила. Она, я и тогда это понимал, была только поводом для

сбрасывания моей обиды, злости, отрицательной энергии. Я искал такие поводы. Дали мне пять лет. И вот – снова жизнь развернулась в иную сторону. Тюрьма хорошему не научит, не верьте. И меня не научила. Вышел, правда, не сломленный, с решимостью жизнь переменить. Но на приличную работу с судимостью не брали, пошёл вопреки себе и друзьям на стройку простым рабочим. Ничего в те годы у меня не было – ни жилья, ни семьи, ни образования, ни перспектив, одна озлобленность, тоска и угрюмость. Жил одним днём – от полочки до полочки, и всё равно пытался что-то сложить из своей жизни. Единственное, что было хорошо, – я не пил, как остальные работяги. Может, конечно, в конце концов, и спился бы – от безнадёги, от тогдашней выпрямленной, простенькой советской житухи. Но рассчитывать мне было не на кого, старался держаться. Помню, что очень хотел учиться дальше. Но с чего начинать? Ни кола, ни двора. Деньги были нужны отчаянно, и я со своими двумя тюремными дружбанами подрядился дачки строить и ремонтировать. Дружки мои быстро сели по новой за кражу стройматериалов, а меня каким-то случаем новая отсидка миновала. Случилось другое – как-то в поисках заработка я подрядился на ремонт кровли у одного старого одинокого профессора, тоже, кстати, своё отсидевшего по молодости, но реабилитированного. Несколько выходных жил у него на даче, как водится, вечером выпивали, разговоры разговаривали, я ему о своей жизни и о детских мечтах рассказал, про самолёты-то. А он познакомил меня со своим другом, авиастроителем. С судимостью меня на авиапредприятие, конечно, не взяли, но он помог мне устроиться водителем к одному начальнику и поступить в МАИ на вечернее. И вот снова, смотрите – казалось бы, шёл я уже по кривоватой дорожке, а она выпрямилась. Жизнь порой такие крутые повороты делает, такие выражи закладывает! Когда начал учиться, что-то во мне встрепенулось-вспомнилось-ожило. Я постарше других был, в жизни побольше понимал, учился, как зверь. На практику пошёл к тому самому Андрею Феоктистовичу, другу моего профессора. Через его протекцию всё же взяли меня в конструкторское, а работать я и умел, и любил, поэтому быстро стал продвигаться по служебной лестнице наверх, преодолевать чужие предубеждения было для меня даже чем-то вроде спортивных достижений тогда. А дальше внезапно всё вообще случилось как в сказке – в 60-х к нам приехала французская делегация по обмену и наладились международные связи. Хоть и с трудом (я был всё-таки когда-то давно судимый, неженатый, беспартийный – практически не выездной...), меня включили в состав большой делегации во Францию, в Ле Бурже. Это была страшная редкость тогда, просто неслыханное везение. Мне говорили, что так решили даже не наши – за меня просила французская сторона. И там нашу делегацию сопровождала переводчица-французенка с русскими корнями... Короче, я влюбился, как мальчишка. Вот, верите, столько лет жил сам по себе, уже привык к одиночеству, а тут всё сложилось и решилось для меня в один миг, как будто бы какой-то недостающий осколок жизни встал на своё место! И двойное счастье для меня, что любовь оказалась взаимной. Подумать только! – Столько лет судьба ждала, чтобы мы встретились! Через два года мы поженились, преодолев все сложности заключения брака с иностранными гражданами. Чтобы уехать во Францию, тогда и речи быть не могло, но мы очень любили друг друга, и она решила переехать ко мне. Через год у нас родился сын, такой же поздний, единственный и любимый, как и я когда-то. И вот только в конце 90-х, когда умер её отец, а наша жизнь изменилась так, как никто и не предполагал, мы решили переехать... Больше, конечно, ради сына. Вот такие непохожие люди иногда умещаются в одну-единственную жизнь» (Андрей Г., 82 года).

6. Семантическая ось «Рациональность – Иррациональность» позволяет интерпретировать собственное жизнеосуществление либо с позиций следования, подчинения его неким лежащим вне субъекта правилам, либо подчинения её случайным, стохастическим, авантюрным, рискованным факторам. В первом случае можно говорить о том, что субъекта интересует «правильность», проверенная временем и другими поколениями людей «разумность» выстраивания жизни, «универсальная похожесть» её на некий социокультурный прототип, образец («Они требуют – я подчиняюсь»), а во втором – о почти трикстерском восприятии жизни как экзистенциального трипа, приключения, авантюры («Я хочу – я пробую»). Тогда для жизни нет неукоснительных правил, канонов, оценок, которые стоит охранять, которыми стоит дорожить, о которых стоит заботиться, потому что и здесь, и в «других пространствах и мирах» возможны другие, не менее интересные варианты существования. «Жизнь коротка и преходяща» – принцип, который заставляет человека совершать всякие иррациональные «пробы пера», бросать себя на расширение границ собственного жизненного мира, пренебрегая страхом перед социальными оценками, санкциями или неудачами. Интерпретации, как думается, могут подвергаться *личностные итоги социализации* (меры собственной зависимости/автономности от других в сопоставлении с рефлекслируемой подлинностью). Вопрос, который, вероятно, может формулировать для себя личность – «Должен ли я жить по каким-то иным правилам, кроме тех, что вывел для себя сам и подтвердил своей жизнью?».

«Мой отец всегда говорил, что, если дела в жизни не идут так, как надо, надо такую жизнь “переламывать”. Смысл в том, чтобы сделать что-то такое, на что в благополучных обстоятель-

ствах ты никогда бы не решился, поступить вопреки ожидаемой логике. Он сам так поступал, и я с детства привык жить именно по этому принципу. Красивые девчонки ждут “принцев на белом коне” – он женился на некрасивой. В вузы, куда стремились все, были безнадежно высокие конкурсы – он пошёл и поступил в самый непрестижный, был там лучшим студентом. Квартиру в приличном районе он бы ждал до второго пришествия, поэтому сразу, как встал вопрос, согласился на самый паршивый в городе район. И так – почти во всём: пошутит, посмеётся над собой или паршивой жизнью и выкинет что-нибудь “эдакое”, чего никто и не ожидает: все старались “откосить” от армии, а он сам явился в военкомат, хотя мог рассчитывать на отсрочку; ходил стричься к начинающим парикмахерам и практикантам; не избегал молодых неопытных врачей; смотрел кино и читал книги, которые никто не понимал; уже во взрослом возрасте получил второе высшее образование – философское; все на дачах сажали картошку и огурцы, а он выращивал дыни и виноград... Он всегда говорил: вот, идёшь к начинающему врачу или парикмахеру, и он старается для тебя, потому что ему важна не только твоя положительная оценка, но и возможность самоутвердиться в своём деле; женишься на некрасивой – она благодарна тебе за этот выбор, никогда не изменит и не предаст... И знаете, в этой жизненной философии что-то есть...» (Владислав, 44 года).

Очевидно, что указанными осями не схватывается вся полнота предельных вопросов, которые личность может ставить для себя, а преимущества или недостатки каждой из них достаточно относительны. Принципиально, в самоинтерпретации просматриваются и такие семантические шкалы, как «Единичность – Универсальность» («Является ли моя жизнь уникальным феноменом?»), «Прагматизм – Идеализм» («Моя жизнь имеет ценность сама по себе?») и др. Не претендуя на завершенность анализа, мы хотели бы подчеркнуть тот факт, что процесс автобиографирования среди прочего выполняет для личности необходимую герменевтическую функцию, позволяя ставить экзистенциальные вопросы, моделировать возможные ответы на них, строить стратегии самовоплощения и тем самым преодолевать пресловутую «тревожность бытия». В этом плане автобиографическое моделирование есть способ «встать в отношение» к собственной жизни и овладеть самим собой.

Библиография

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Бабина Н. А. Истоки и черты структурализма Х. Уайта // Интеллектуальная культура исторической эпохи: материалы II Всерос. науч. конф. Екатеринбург: УрО РОИИ, 2007. С. 67–70.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 19. Воронеж: ВГУ, 1997. 330 с.

Бабушкина Д. А. Античная традиция «заботы о себе»: объект и определение (Платон и Плотин) // Материалы 2-й летней молодёжной научной школы историко-политологического семинара. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 94–98.

Бабушкина Д. А. Понимание в структуре заботы о себе: обреченность на понимание // Философские и духовные проблемы науки и общества. VII Санкт-Петербургская Ассамблея молодых ученых и специалистов, междисциплинарный семинар 23 ноября 2002 г. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 51–57.

Бадью А. Делёз. «Шум бытия». М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера, 2004. 184 с.

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Худож. лит., 1979. 341 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Василюк Ф. Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284–314.

Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. СПб.: СпецЛит, 2001. 288 с.

Иванченко Г. В. Забота о себе: История и современность. М.: Смысл, 2009. 303 с.

Калмыкова Е. С. Опыты исследования личной истории: Научно-психологический и клинический подходы. М.: Когито-Центр, 2012. 182 с.

Клифтон Д., Рат Т. Позитивные стратегии для работы и жизни. М.: Альпина Паблишерз, 2009. 107 с.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.

Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. 240 с.

Кузнецов И. В., Максимова Н. В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив – ментатив» // Критика и семиотика. 2007. Вып. 11. С. 54–67.

- Леонтьев Д. А.* К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: материалы междунар. конф. (15–16 апреля 2004 г., Москва). М.: МГУ, 2004. С. 107–109.
- Лехциер В. Л.* «Забота о себе» и проблема философского образования // Идея университета и топос мысли: материалы конф. 3–5 октября, 2005 г. Самара: Самар. гос. ун-т, 2005. С. 51–65.
- Лотман Ю. М.* Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–430.
- Лэнгле А.* Введение в экзистенциально–аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 3–21.
- Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. Введение в философию: доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады // Труды по знаковым системам. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1971. Т. V. С. 345–376.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
- Мерсиянова А. П.* Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник ТГУ. Педагогика и психология. 2010. № 335 (июнь). С. 153–156.
- Петрова Г. И.* «Забота о себе»: технология или антропология? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2(6). С. 136–143.
- Пичугина В. К.* Становление и развитие антропологического дискурса педагогики «заботы о себе» // «Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters)»: электронный научный журнал. Май 2012, ART 1805. СПб., 2012 г. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1805.htm> (08.09.2013).
- Риккерт Г.* Философия жизни. К.: Ника-Центр, 1998. 512 с.
- Рорти Р.* От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
- Селигман М.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
- Соловьев А. Е.* Историко-философский анализ феномена «заботы о себе»: дис ... канд. филос. наук: 09.00.03, 09.00.13. Ростов н/Д, 2006. 160 с.
- Стайл Ш.* Позитивная психология. Что делает нас счастливыми, оптимистичными и мотивированными. М.: Pretext, 2013. 281 с.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 году. СПб.: Наука, 2007. 680 с.
- Хоружий С. С.* К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманит. лит., 1998. 352 с.
- Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 461 с.
- Ячин С. Е., Конончук Д. В., Поповкин А. В., Буланенко М. Е.* Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2011. 324 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института.
E-mail: super-manyasha@mail.ru

ЕЛСУКОВА Анна Валерьевна – магистр III курса Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) (гражданско-правовой профиль).
E-mail: ann-elsukova@yandex.ru

ПЕРМИНОВА Ирина Валериевна – аспирант кафедры практической психологии Вятского государственного гуманитарного университета.
E-mail: ira6616@yandex.ru

САРАЕВА Елена Викторовна – заведующая кафедрой практической психологии Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент.
E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

ЦВЕТКОВА Наталия Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и специальной психологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: tsvetkova-kirov@mail.ru

МАТВЕЕВА Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: Elen_VM@mail.ru

БОБКОВА Татьяна Степановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики и управления Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета.
E-mail: tsbobkova@mail.ru

ХОХЛОВ Анатолий Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экологии. Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_eco@vshu.kirov.ru

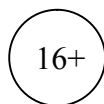
ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

МАРКОВА Ирина Васильевна – доцент кафедры иностранных языков неязыковых специальностей Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: Miva009@gmail.com

ГОРЛОВА Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЛМК Самарского государственного архитектурно-строительного университета. 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 194.
E-mail: eagorlova@hotmail.ru

ЖУРАВЛЁВА Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ЛМК Самарского государственного архитектурно-строительного университета. 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 194.
E-mail: zhuravl5@rambler.ru

**Вестник
гуманитарного
образования**

Научный журнал № 3 (2015)

Журнал выходит ежеквартально.

Подписано в печать 30.09.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5. Тираж 120. Заказ № 146.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390